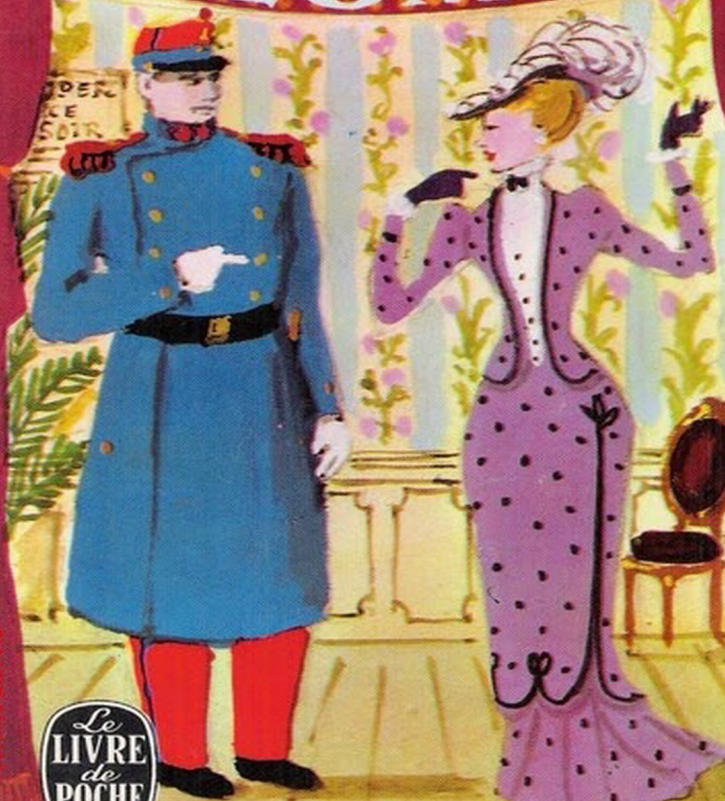
JEAN ANOUILH

COLOMBE

Le LIVRE de POCHE

Texte intégral

Archives Gallimard

Коломба
Жан Ануй

Аннотация
Жан Ануй. Коломба
Действие первое
Действие второе
Действие третье
Действие четвертое

Аннотация

«Коломба» рассказывает о судьбах молодых супругов Жюльена и Коломбы. Первый, сын знаменитой трагической актрисы мадам Александры, собирается уйти в армию. Его отношения с матерью не сложились, поскольку та бросила его одного в приюте, когда он был еще совсем маленьким, однако молодая жена должна остаться одна с ребенком, поэтому Жюльен все же решается попросить помощи у мадам Александры. И она, и все «население» театра представляется в пьесе легкомысленной, скуповатой, глуповатой и ненадежной публикой.

Жан Ануй
Коломба

Colombe de Jean Anouilh (1950)

Перевод Н.Жарковой (Стихи в переводе П. Борисова).

Действующие лица:

Мадам Александра, *знаменитая трагическая актриса.*

Жюльен, *ее сын*

Арман, *ее сын.*

Коломба, *жена Жюльена.*

Эмиль Робине (Наш дорогой поэт), *поэт, член Французской академии.*

Дефурнет, *директор театра.*

Дюбарта, *актер.*

Мадам Жорж, *костюмерша мадам Александры.*

Ласюрет, *ее секретарь.*

Парикмахер.

Педикюрщик.

Маникюрщик.

Официант от «Максима».

Рабочие сцены.

Администратор.

Режиссер.

Действие первое

Коридор, куда выходят двери артистических уборных, тут же уборная мадам Александры, открытая зрителю. Коридор освещен тускло, уборная еще полутемная, Коломба сидит на стуле, Жюльен шагает по коридору. Очевидно, оба ждут чего-то. Входит, неся стул, мадам Жорж, костюмерша.

Жорж. Вот вам, садитесь, мсье Жюльен. Придется еще подождать.

Жюльен *(в глубине сцены).* Спасибо, Жорж. Но я же тебе сказал: лучше я постою.

Жорж. Все так говорят поначалу, а потом, глядишь, ноги устанут. Мой старший был совсем как вы, — все стоял да стоял. А знаете, до чего достоялся? До расширения вен. А я вот всегда сижу, и потому у меня ноги не болят, только зад устает.

Жюльен. Плевать мне на твой зад, Жорж. По мне бы только старуха пришла поскорее.

Жорж *(Коломбе).* Сначала мурашки бегают, а потом начинает крестец ломить, а там и до поясницы доходит. Все давишь и давишь на одно

место, вот под конец оно и немеет.

Жюльен *(кричит Коломбе).* Скажи ей, пожалуйста, что тебе надоело, что тебе неинтересно слушать про ее задницу! А то через пять минут она тебе ее продемонстрирует.

Жорж. Просидеть тридцать лет, мадам Жюльен, дожидаясь конца спектакля! А некоторые пьесы ох и длинные! Вот все говорят, тяжело, мол, приходится чернорабочему, а наше костюмерное дело тоже тяжелое.

Коломба. Но вы же не обязаны все время сидеть?

Жорж. Нет, конечно, но тогда ноги устанут. А у меня после шестых родов тромбофлебит был и до сих пор дает себя знать.

Жюльен *(орет).* Плевать мне на твой флебит, Жорж! Поди посмотри, на сцене старуха или нет!

Жорж. Нет. Перед репетицией она всегда заходит к себе в уборную. Старуха! Хорошенькое дело величать так родную мать, да еще в таком месте.

Жюльен. Ты мне нравоучений не читай!

Жорж. Нет, вы только послушайте его, только послушайте! Ну вылитый мой старшой. Помню, когда мужа принесли с отрезанными ногами — он попал у Панарда под машину, чистил ее и попал, — так вот я подумала: ну, теперь поживу

спокойно, бить меня больше некому. Но, видно, мадам Жюльен, никогда нельзя зарекаться: старшой начал драться, как отец, и по субботам тоже вечно пьян. С детьми одиа беда. Мой третий, тот, что от туберкулеза помер, — тот, я вам доложу, совсем тихий был. Сидит, бывало, у себя в уголке, кашляет, харкает или играет целый день в одиночку деревянными чурочками. Зато другие… А от вашего малыша, мадам Жюльен, вы хоть радости-то имеете?

Коломба. Ему ведь всего только год.

Жорж. В таком возрасте они еще несмышленыши. Вот когда начнут ходить на завод, тогда и покажут себя. А здоровенький он у вас?

Коломба. Да, здоровый, спасибо.

Жорж. А какашки? Какашки у ребенка самое главное. Если у ребенка хорошие какашки, значит, растет здоровым.

Жюльен *(в бешенстве подходит к ней, хватает ее за руку).* Если ты, Жорж, скажешь еще хоть слово, я поступлю, как пятеро твоих сыновей: изобью тебя.

Жорж *(спокойно, Коломбе).* Вот все они мужчины такие, мадам Жюльен, все одним миром мазаны, только и есть у них на уме — драться. И подумать, ведь на моих глазах вырос!

Жюльен. Вот именно! Слишком долго я тебя слушал.

Жорж. А какой он был миленький мальчик! Бывало, ждет мадам в воскресенье утром и просит меня: «Жорж, дай мне нуги». Ведь верно, мсье Жюльен?

Жюльен *(обескураженный, отпускает ее руку и отходит).* Верно.

Жорж. А знаете, кого он мне напоминал? Моего третьего, того, что от чахотки помер. Тоже, бывало, сидит себе тихонько в уголке и смотрит на вас. Скажет только «дай нуги» и молчит. У него, мсье Жюльена то есть, тоже были слабые бронхи.

Жюльен. Теперь лучше, гораздо лучше. Это я от твоей нуги вылечился.

Жорж. Все так говорят. Вот и мой тоже говорил: «Я всех здоровее», а потом в один прекрасный день как стал кашлять кровью… Надо за ним следить, мадам Жюльен, надо ему отвары укрепляющие давать, пока еще не поздно, да и маленькому вашему тоже. Потому что каков отец, таков и сын. Надеюсь, ваш ангелочек хоть не кашляет?

Жюльен. Слушай, Жорж, мой сын не кашляет, моя жена не кашляет, я тоже не кашляю. И оставь нас в покое! Пойди погляди, внизу старуха или нет.

Жорж. А вот мой четвертый, он сейчас в Иностранном легионе, так тот на почки слаб. Запомните, мадам Жюльен: когда ваш маленький пикает, всегда смотрите, какого цвета у него моча. Если слишком светлая — значит, малокровие. Тогда лучше всего в молоко ему немножечко чеснока натереть.

Жюльен *(подходит).* Послушай, Жорж, ты наверняка знаешь, что сегодня репетиция? Мне необходимо ее повидать.

Жорж. Два года родную мать не видеть! Да еще женился за это время и ни словечка не сказал. А теперь явился перед самой репетицией и хоть бы предупредил… Ну и будет дело! Уж мы-то привычные, а все-таки и нам достанется. Мадам Александра тоже ведь не сахар. Они с Жюльеном никогда не ладили. Это не то что мсье Арман, — тот умеет подластиться, ничего не скажешь.

Жюльен. А что она сейчас играет?

Жорж. «Императрицу сердец», пьесу с пятью переодеваниями, мсье Жюльен. Вот когда она «Гофолию» играет, совсем другое дело, славная пьеса — только раз переодевается. А сейчас репетируют «Женщина и змея», пьеса Нашего Дорогого Поэта, по всему видать — эта хуже всех будет. Семь переодеваний, причем два прямо на ходу. Пишут

пьесы, а о костюмершах небось не думают.

Жюльен. Жорж, миленькая, скоро уже три часа. Будь добра, сходи посмотри, пришли другие актеры пли еще нет?

Жорж. А на сцену два этажа от уборных, мадам Жюльен… Вы подумайте только, сколько раз я за вечер со своим флебитом хожу вверх и вниз. Надо и впрямь любить театр, чтобы такое выдерживать. Иногда думаешь, пойду-ка я в консьержки — только и делов, что дворик подмести! Правда, там почту по этажам приходится разносить! Бедного ноги кормят.

Жюльен *(подталкивает ее к дверям).* Или зад, как, например, тебя, а зад — он тоже болит… Иди, иди живее!

Жорж уходит.

«Императрица сердец»! Должно быть, играет влюбленную. Плохо дело.

Коломба. Почему же?

Жюльен. Только в те вечера, когда она играла матерей, мне удавалось побеседовать с ней как с матерью. Что ни говори, а театр все-таки не пустяк!

Коломба. Вечно ты преувеличиваешь.

Жюльен *(продолжает).* Я тебе еще не все рас-

сказал. В четыре года меня отдали на воспитание в один мерзейший пансион, в двадцати километрах от Парижа. И целых полгода она, наша обожаемая «момочка», как выражается мой братец, не удосужилась меня навестить. Я буквально подыхал с голоду и холоду, но вот Наш Дорогой Поэт принес ей «Великую грешницу», пять актов в стихах, само собой, где мать подкидывает ребенка на паперть храма. В пятом акте сорок четыре александрийских стиха, и все о материнском раскаянии. Сорок четыре! Ни больше, ни меньше, — я потом из любопытства сосчитал. Накануне генеральной, после репетиции, где она, как говорят, «превзошла себя», выражая благородные чувства, она садится в карету с друзьями и отправляется посмотреть, как благоденствует в пансионе ее любимый крошка. Даже фотографа с собой прихватили. Наш Дорогой Поэт, как известно, не дурак! Представляешь себе вот такую рекламу для его пьес: «Великая Александра — первая трагическая актриса Франции — каждый вечер подбрасывает своего младенца на церковную паперть, а в жизни она — мать очаровательного четырехлетнего мальчугана, которого обожает». Только мальчуган оказался таким тощим, таким заскорузлым от грязи, что

пришлось воздержаться от фотографирования. А на следующий день мама заставила весь светский Париж, Париж завсегдатаев театральных премьер, рыдать все над теми же сорока четырьмя стихами из пятого акта. В кулуарах пустили слух, будто ее сын при смерти, и все-таки она пожелала участвовать в спектакле. Этот трюк действует безотказно. Триумф был полным. Единственным положительным результатом этого трогательного шедевра, ныне забытого, было то, что меня отправили в Швейцарию в пансион, где я обрел человеческий вид.

Коломба. Бедняжка Жюльен…

Жюльен. С тех пор я не разрешаю себе ругать литературу. Именно стихам Нашего Дорогого Поэта я обязан тем, что еще жив и в скором времени буду призван на службу Франции, как положено, с винтовкой в руках.

Коломба. А кто это Наш Дорогой Поэт?

Жюльен. Эмиль Робине, член Французской академии. Мамин поэт. Он зовет ее Наша Дорогая Мадам. Она его — Наш Дорогой Поэт. Придется тебе привыкнуть. В театре все дорогие.

Коломба *(помолчав).* А как ты думаешь, она нам поможет?

Жюльен. Добиться этого будет нелегко. Но,

учитывая обстоятельства семейные и патриотические, придется старухе раскошелиться, поверь мне.

Коломба. Некрасиво так о ней говорить.

Жюльен. Знаю. И мне бы тоже хотелось, чтобы меня научили произносить слово «мама», чтобы это слово брало меня за душу.

Коломба. А почему она любит твоего брата, а не тебя?

Жюльен. Арман — сын жокея, который был единственной ее страстью. Она до сих пор питает… я хочу сказать, не страсть, а бывшего жокея. Арман появился на свет божий после меня. И лицом он был красивее меня и к ней ближе. Целые дни болтался за кулисами, охотно подставлял дамам для поцелуя щечку. Вот его фотографии отлично удавались — кудрявенький, с леденцом в руках, жмется к мамочкиным юбкам. А я слишком напоминаю ей отца. Такой же требовательный, такой же брюзга.

Коломба. Надо признаться, жить с тобой не легко. Или ты дуешься, или молчишь. Ну скажи, разве хорошо, что ты ничего не рассказывал мне о своем отце?..

Жюльен. Ты выходила замуж за сироту, и я считал, что для тебя так будет лучше. Будь на то

моя воля, ты бы и ее никогда не увидела.

Коломба. А кто был твой отец?

Жюльен. Офицер, он служил в Марокко. Таких людей обычно называют невыносимыми, и, без сомнения, таковы они и есть. Прямолинейность, честность, забота о чести, чрезмерная, я бы сказал, забота со всеми вытекающими отсюда малоприятными для ближних последствиями. Он обладал тем особым талантом, с помощью которого мизантроп безошибочно обнаруживает женщину, способную его замучить, — и вот такой человек влюбляется в маму, когда она приезжает в Марокко на гастроли. Он решил, что она станет единственной женщиной в его жизни. А она подарила ему три недели наслаждений, а потом взяла и бросила ради комика из их труппы. Папа же принимал жизнь всерьез. Он тщательно смазал большой револьвер и… пустил себе пулю в лоб…

Коломба. Какой ужас!

Жюльен. Да. Кстати, маме и этот поступок тоже страшно не понравился. Но так как во время гастролей аборт сделать трудно, я и появился на свет уже по возвращении труппы в Париж. Вот и все.

Коломба. Однако она твоя мать. А если бы ты приложил немного доброй воли…

Жюльен. Мерси. Добрую волю, как ты выражаешься, я храню про себя. И не намерен ее прикладывать куда попало.

Коломба. И ты тоже, Жюльен, невыносимый человек!

Жюльен. Невыносимый — это не для французов! Скажи еще, что я не патриот, хотя и иду на три года в Шалонские лагеря и буду учиться там стрелять, чтобы защищать республику.

Коломба. Если бы ты попросил мать, уверена, при ее связях она добилась бы, чтобы тебя не взяли.

Жюльен. Мерси. Я антимилитарист, поэтому-то я не желаю обращаться с просьбами к французской армии, даже с просьбой не призывать меня. Буду, как и все прочие, три года валять дурака и начищать винтовку образца восемьдесят девятого…

Коломба *(тихо).* А я тем временем…

Жюльен *(подходит к ней; сразу весь как-то изменился).* Коломба, любимая, только ты и есть у меня на всем свете. Ты же отлично знаешь, что, расставшись с тобой, я подохну с тоски. Но ты также знаешь, что не смогла бы меня любить, если я, чтобы не расставаться с тобой, пошел бы на какую-нибудь низость.

Коломба. Что ты говоришь, милый! Я вполне могла бы тебя любить, если бы даже…

Жюльен. Но не я. Я дорожу тем, что могу, не стыдясь, смотреть в зеркало, когда бреюсь по утрам.

Коломба *(со вздохом).* Как с тобой все сложно!

Жюльен *(ласково).* Не будь несправедливой, Коломба. Разумеется, честность — это вещь обоюдоострая, но ведь не я же, в конце концов, ее изобрел…

Жорж *(вбегает с криком).* Идет! Она внизу, там студенты просят у нее автографы.

Жюльен. Они еще не выпрягли лошадей из ее кареты? Это уже стало традицией после каждого нового триумфа — эти милые юноши впрягаются в ее карету. А так как мать скупа до омерзения, она даже стала подумывать — не продать ли лошадь, к чему ее зря кормить…

Жорж. Если вы будете с ней так себя вести, бедный мсье Жюльен, все начнется сначала. Прямо смотреть больно; видели бы вы, как мсье Арман из нее веревки вьет, а почему? Потому что умеет подольститься…

Жюльен. Оплакивай лучше свой зад, Жорж, а не меня! Буду вести себя, как захочу.

Жорж. Ох уж мне эти мужчины, мадам Жю-

льен! Все они одним миром мазаны. Пойду скажу ей, что вы здесь, может, так оно лучше будет. *(Уходит.)*

Коломба *(подходит к Жюльену).* Ты же знаешь, Жюльен, по какому делу мы пришли. Молю тебя, будь с ней любезен ради маленького и ради меня.

Жюльен *(прислушивается).* Слушай, слушай же! Мы отхаркиваемся, мы задыхаемся, мы еле волочим свои старые кости по ступенькам лестницы, чтобы нам еще разок поаплодировали, а уж давно бы пора ей сидеть дома да вязать, как все прочие старухи… Но куда там! На сцене мы вечно юны, нам больше двадцати не дашь, мы жеманничаем, мы соблазняем, мы воркуем… И это моя мать!

Коломба *(кричит).* Жюльен!

Жюльен *(дурачась).* Коломба, держись прямее. Сейчас перед тобой появится престарелая богиня любви Третьей республики… Надеюсь, ты, которая веришь в любовь, испытываешь законное волнение?

Коломба. Я боюсь, дорогой.

Жюльен. Ее? Да она не кусается. Зубов нету! Нет даже ручной пумы, которую она таскала за собой целых шесть лет! Пума сдохла в зоологическом

саду. От омерзения.

Коломба *(шепчет).* Я боюсь тебя, Жюльен…

Появляется мадам Александра, окруженная своей свитой — Жорж, парикмахер, администратор, режиссер, педикюрщик, — проходит мимо Коломбы и Жюльена, даже не взглянув на них, и исчезает в своей уборной, откуда доносится ее повизгивающий голос, создавший ей некогда славу, а теперь изменившийся из-за вставных зубов.

Голос мадам Александры. Сын? Напрасно старался. Скажите ему, что я не желаю его видеть!

Дверь уборной закрывается, пропустив весь кортеж.

Жюльен *(стоит неподвижно, как громом пораженный. Когда мадам Александра уходит, он взрывается).* Ну нет! Это уж слишком! На сей раз я в щепки разнесу весь ее театр!

Коломба *(пытается его удержать).* Дорогой мой, успокойся. Криком ты ничего не добьешься.

Жюльен. Оставь меня. Я хочу кричать. Иначе я задохнусь. Мама! *(Врывается в уборную и стучит в туалетную комнату. С силой трясет дверь.)* Мама! Открой! Сейчас же вели открыть, или я взломаю дверь. *(Трясет дверь, она не поддается.)*

Забилась в угол, как старая крыса в нору. Сидит себе на сундуке, боится, что обворуют. *(Мечется по уборной, как лев в клетке, кричит.)* Мадам Александра, если вы не откроете, я перебью ваши вазы китайского фарфора, раздеру на клочки ваши якобы персидские ковры, сжую ваши вечнозеленые растения! Откройте, мадам Александра, иначе вам это обойдется чудовищно дорого, гораздо дороже, чем если вы удовлетворите мою просьбу! *(Трясет дверь, кричит.)* Мадам Александра, на подмостки! Начинается знаменитая сцена из третьего действия, сцена с обожаемым сыном. Вы сможете снова сыграть роль великодушной матери. Мадам Александра, публика вас требует. Ваш выход!

Дверь приоткрывается. Показывается педикюрщик, крепко придерживая створку.

Педикюрщик. Мадам Александра просит передать мсье, что она не может принять мсье. У нее репетиция.

Жюльен *(в полуоткрытую дверь).* Мадам Александра, я совершенно спокоен. Я фантастически спокоен. Но я не желаю беседовать с вашим педикюрщиком. Окажите мне честь выслушать меня лично, и я объясню, почему ваш сын хочет

вас видеть.

Голос мадам Александры *(отчеканивающий каждое слово).* Пусть удалится из моей уборной и пусть ждет в коридоре!

Жюльен *(стискивает зубы. Побледнев, вдруг).* Хорошо, момочка. Я подожду в коридоре, момочка. *(Выходит, хлопая дверью; увидев дрожащую от страха Коломбу, подходит к ней, рычит.)* Я спокоен. Да или нет? По-моему, я говорил с нею вполне вежливо.

Позади него педикюрщик рысцой подбегает к двери уборной, закрывает ее. Из туалетной выходит Жорж, он пропускает ее в коридор, потом запирает за ней дверь. Все это похоже на пантомиму, где все бестолково суетятся и спешат.

Жорж. Ну, чего вы добились, мсье Жюльен? Я же вам говорила, будьте полюбезнее. Тут криком не возьмешь.

Жюльен. Очень жаль. Но петь ей серенады, увы, не могу, голоса нет.

Жорж. Вместо того чтобы подольститься немного, казалось бы, чего проще! Женщины обожают, когда им польстишь. Ведь в чем дело-то? Вы пришли к ней просить о помощи. Значит, вы должны проявить добрую волю.

Жюльен. Проявлю, если она проявит. *(Машет рукой.)* Только от нее, от момочки, этого не дождешься.

Жорж. А сколько вы собираетесь у нее просить? Иной раз, когда заранее известна сумма, дело легче идет.

Жюльен. Меня призывают в армию. Я тянул сколько мог, но на сей раз приходится идти защищать республику. Я хочу попросить у матери, чтобы эти три года она содержала мою жену и сына.

Жорж *(присвистывает).* Три года — это долгий срок…

Жюльен. Для них тоже долгий.

Тем временем мадам Александра выходит из туалетной комнаты; она в пеньюаре. Опускается в кресло, похожее на трон. Педикюрщик берег ее ногу, маникюрщик — руку; парикмахер занимается волосами. Ласюрет — ее секретарь — держится на почтительном расстоянии со своими бумажками и ждет. Она похожа на старого идола, окруженного жрецами.

Мадам Александра *(окликает).* Ласюрет!

Ласюрет *(раболепно выступает вперед).* Дорогая Мадам?

Мадам Александра. Что в сегодняшней почте?

Ласюрет. Счета от Бенуазо за костюмы для «Императрицы». Уже третий раз напоминает.

Мадам Александра. Пусть ждет. Дальше?

Ласюрет. Бумажка от рабочих сцены, они просят прибавить им пять франков в месяц.

Мадам Александра. Отказать. Дальше?

Ласюрет. Общество «Театральных сироток» напоминает о ежегодном пожертвовании.

Мадам Александра. Двадцать франков!

Ласюрет. В прошлом году мы посылали пятьдесят.

Мадам Александра. Это не я. Это Дефурнет. Двадцать франков! Дальше?

Ласюрет. Общество помощи туберкулезным студентам просит прислать что-нибудь для их благотворительного базара.

Мадам Александра. Я уже посылала студентам.

Ласюрет. Но это студенты-туберкулезники.

Мадам Александра. Или они студенты, или туберкулезники! Надо выбрать что-нибудь одно.

Ласюрет. Они говорят, что Сара Бернар послала им статуэтку собственной работы.

Мадам Александра *(визгливо).* Передайте им, что я не ваяю, как Сара Бернар! Лично я занима-

юсь только театром.

Ласюрет *(вкрадчиво).* Дар Сары Бернар безусловно будет замечен.

Мадам Александра. Все, что Сара ни делает, все бывает замечено! А статуэтка большая?

Ласюрет. Если она жертвует «Шута», который был выставлен в последнем Салоне, то она, должно быть, вот такой величины.

Мадам Александра. Только-то? Не ожидала от Сары. *(Зовет.)* Жорж!

Жорж *(в коридоре, Жюльену).* Зовет. Стойте здесь, мсье Жюльен, прошу вас; все образуется. *(Проскальзывает в уборную, открыв дверь собственным ключом, и тут же запирает ее за собой.)* Дорогая Мадам?

Мадам Александра. Куда ты задевала эту мерзкую огромную бронзу, мне ее прислали два года назад, я так до сих пор никуда ее и не пристроила.

Жорж. Голую женщину, Наша Дорогая Мадам?

Мадам Александра. Да нет, совсем не голую, дуреха! Голая женщина — это Родена. Но могу же я отдавать им Родена только потому, что они больны туберкулезом; Да, кроме того, все сейчас туберкулезные, это известно.

Жорж. Ага! Знаю, что мадам имеет в виду.

Скелет?

Мадам Александра. Ну да, ну да! Страшнейший скелет и схватил за руку голого человека.

Ласюрет. А-а, понимаю, Дорогая Мадам. «Юноша и смерть»? Чудесно. Мы его загнали на чердак на улице Прони.

Мадам Александра. Ну и хорошо, пошлите им его с моей визитной карточкой. Он в три раза больше, чем ее «Шут». Вот-то Сара Бернар разозлится.

Ласюрет. Но, мадам, а вы не опасаетесь, что сам сюжет, пожалуй… «Юноша и смерть»?.. Для юных туберкулезников…

Мадам Александра *(визгливо).* Я посылаю то, что у меня есть! Надоели! Если они больны туберкулезом, они же знают, что все равно умрут.

Жюльен *(ему наскучило ждать в коридоре).* Если она воображает, что я до вечера буду торчать в коридоре, то глубоко ошибается.

Коломба. Умоляю тебя, будь повежливее.

Жюльен *(стучит в дверь и кричит).* Мама!

В уборной все застывают и ждут, как поведет себя мадам Александра.

Мадам Александра *(продолжая так, словно ничего не произошло).* Дальше?

Жюльен *(снова стучит).* Мама!

Ласюрет. Какой-то молодой человек из Тулузы пишет, что видел вас в «Императрице», и хочет ради вас покончить с собой.

Мадам Александра. Очень мило. Поблагодарите его. Дальше?

Жюльен *(стучит).* Мама! Открой!

В уборной все застыли в ожидании.

Мадам Александра *(визгливо).* Дальше?

Ласюрет *(невозмутимо).* Записка от мсье Жюльена. Он пишет, что зайдет после обеда в театр, хочет повидаться с вами по важному делу.

Мадам Александра. Дальше?

Жюльен *(лягает дверь ногой).* Мама! Все равно я тебя в покое не оставлю! Буду молотить ногой в дверь, пока ты не велишь открыть.

Мадам Александра *(Ласюрету, который слушает крики Жюльена, с каким-то подобием улыбки на худощавом лице)*. Слышите? Я спрашиваю, что дальше?

Ласюрет *(улыбка мгновенно сползает с его лица).* Пожарные, Дорогая Мадам…

Мадам Александра *(взрывается).* Чего еще нужно пожарным? Ведь, слава богу, ничего не горит! Пусть, как и все, ждут, пока я их позову.

Ласюрет. Их ежегодный праздник в пользу…

Мадам Александра *(перебивая его).* В пользу! Вечно в пользу! Только одно у них на уме, как бы попользоваться! Разве я устраиваю ежегодные праздники? Я начала работать в театре с тринадцати лет и с тех пор каждый вечер выходила на сцену и почему-то ни у кого ничего никогда не просила.

Ее слова сопровождаются ритмическим стуком Жюльена в дверь.

Жюльен. Мама! Мадам Александра! Откройте, если не ради меня, то хоть ради вашей стенной росписи.

Коломба пытается унять его, он ее отталкивает.

А это дорого стоит, мадам Александра! Если вы продержите меня еще час в коридоре, я целый час буду колотить ногами в дверь, и от вашей росписи следа не останется. *(Стучит в дверь, кричит, как безумный.)* Мадам Александра, я же ваш сын, черт возьми! А голос крови, мадам Александра, куда вы его девали, голос крови?

Коломба *(с неожиданной силой оттаскивает его от двери).* Хватит, Жюльен, ты мне мерзок!

Жюльен *(от удивления перестает стучать, глядит на Коломбу).* А-а? Значит, ты тоже считаешь, что я мерзок? Очевидно, это так и есть. Ладно, замолкаю. *(Молча садится на стул, обхватив голову руками.)*

Мадам Александра. Дальше?

Ласюрет. Что ответить пожарным? Мадам Сара Бернар послала им сто франков.

Мадам Александра *(вне себя орет).* У мадам Сары Бернар достаточно денег, чтобы пускать их по ветру! А у меня нет! Я по Южным Америкам с гастролями не разъезжаю, я, слава богу, не циркачка! Пошлите им цветы, все цветы, которые мне поднесли за неделю.

Ласюрет *(несколько удивлен).* Цветы — пожарным?!

Мадам Александра. Да. Вы что, оглохли?

Ласюрет. Дело в том, что корзины уже слегка завяли, Наша Дорогая Мадам.

Мадам Александра *(безапелляционно).* Вот и хорошо, польют. Пожарные обожают поливать! *(Встает.)* Пока довольно. Я устала. Просмотрим почту после репетиции. Пойду гримироваться.

Ласюрет *(подобострастно кланяется).* Хорошо, Наша Дорогая Мадам! Как вам будет угодно. *(Уходит.)*

Жорж отпирает ему дверь своим ключом и делает Коломбе и Жюльену знак ждать спокойно. Тем временем мадам Александра переходит во вторую уборную, сопровождаемая своей свитой. Жорж семенит за ней.

Ласюрет *(оставшись в коридоре с Жюльеном, резко меняет тон).* Старая кляча!

Жюльен подымает глаза, присматриваясь к нему. Тот снова принимает смиренный вид.

Жюльен. Верно.

Ласюрет *(подходит ближе. В голосе его звучит ненависть).* И так каждый божий день в течение десяти лет паясничать с этими бумажками в руках... Да еще распинаться перед ней. Да, Наша Дорогая Мадам! Хорошо, Наша Дорогая Мадам! Само собой разумеется, Дорогая Мадам! *(Бросив трусливый взгляд на запертые двери, внезапно кричит).* Дерьмо — Наша Дорогая Мадам! Когда, когда же, скажите, мсье Жюльен, когда я крикну ей это в лицо?

Жюльен *(подымает голову, смотрит на него).* Когда захочешь, Ласюрет, ты человек свободный.

Ласюрет. Вы так говорите потому, что вы ее отпрыск. Конечно, родному сыну легко. А раз ты служишь, держи рот на запоре. Да покреп-

че! Хорошо, Дорогая Мадам! — вот что отвечает служащий. А улыбка, главное — не забыть улыбнуться! И подпустить чуть-чуть восхищения и благодарности. Говорить «Дорогая Мадам» — это еще не все, надо говорить с полным убеждением, старуха этим дорожит. И потрудитесь к тому же нас обожать. Иной раз, когда Нашей Дорогой Мадам почудится, что я не сразу уловил ее мысль, как она поступает? Швыряет мне в лицо какую-нибудь вазу. Не дорогую, конечно, она не дура! Так, вазочку попроще, но уж не промахнется, будьте уверены. «Ласюрет, вы осел». Я уклоняюсь от вазочки — уже приучен, — но внимание, внимание, смотри в оба! Улыбаться не перестаю. Какая милая шутка, Наша Дорогая Мадам. Темперамент у нашей хозяйки, доложу вам! Ничего не попишешь, гений! Ах, мсье Жюльен, как же ею восхищаются, как же все ею, вашей момочкой, восхищаются. Сильнее уж некуда. Мы задыхаемся от гордости — такая честь служить и кому? Самой Диве. И не за наши же сто пятьдесят франков в месяц, о нет, нет! Как это низко! А из одного преклонения у нее работаешь. Она это любит.

Жюльен. Почему же тогда ты не уходишь?

Ласюрет. У меня, мсье Жюльен, есть одно свойство: как и все ослы, я должен жевать. Притом

дважды в день. И так как жратва достается мне от нее, ну и глотаешь все прочее вместе со своим гарнцем овса. А разве вы не поступаете так же, когда она смилостивится и примет вас, а? Иметь деньгу — этого им мало. Они их так просто из рук не выпустят. Приходится еще платить за них натурой! Таков закон. Да, Наша Дорогая Мадам, надо сказать, вы совершенно правы, я действительно осел, ослепленный вашей старой рожей! Ох, будь наша власть хотя бы на один только вечер…

Жюльен *(встает).* Убирайся, Ласюрет. Ты мне противен.

Ласюрет. Ясно! Я гнусен! И трус и все такое прочее! Я сам это знаю. Но и за то, что я гнусен, она тоже мне заплатит — это тоже ей в счет будет поставлено… Идите, мсье Жюльен, идите, улыбнитесь момочке. Все люди одним миром мазаны, все более или менее гордецы, все более или менее крикуны, а придет твой час — поклончик! Да, отвечаю я Нашей Дорогой Мадам, да, я осел. Жить-то надо… *(Уходит омерзительный, хихикающий.)*

Жюльен *(неподвижно стоит. Он очень бледен. Вдруг).* Слишком уж он омерзителен. Все слишком омерзительно. Пойдем отсюда прочь, пойдем домой.

В эту минуту входит Арман и быстро направ-

ляется к уборной. Увидев Жюльена, останавливается в изумлении.

Арман. Жюльен! Скажите на милость! Откуда ты? *(Замечает Коломбу.)* А это кто?

Жюльен. Моя жена. Мой брат Арман.

Арман. Как? Вы поженились? По-настоящему? Проклятый Жюльен! Трагическая сцена, декорации меняются — хлопнул дверью, исчез, провалился в люк… В течение двух лет ни слуху ни духу. Какое спокойствие сразу воцарилось в доме. А где ты был? В Америке?

Жюльен. В Бельвилле. Давал уроки музыки. Но этот квартал не слишком-то музыкален.

Арман. Значит, пришел мириться с мамой? Идем, я все устрою.

Жюльен. Не думаю. Мы уходим.

Арман. Позволь, я все сделаю. Обещаю тебе почетную капитуляцию.

Жюльен. Благодарю, не стоит. Ты очень мил. Но мы уходим.

Арман. Тебе что-нибудь нужно? Меня вчера вечером, дружок, пообчистили. Ужасно не повезло! Пойду сейчас к маме, и через пять минут все будет улажено. Не вздумай уйти.

Жюльен *(останавливает его).* Нет. Я просто так заглянул сюда по дороге. Она занята. Все идет

отлично. До свидания... Рад был тебя повидать. *(Тянет за собой Коломбу.)*

Коломба *(вырывается и бежит к Арману).* Не слушайте его, мсье. Он чересчур гордый. Он пришел, чтобы увидеть свою мать.

Жюльен *(хочет помешать ей).* Не смей, Коломба.

Коломба. У нас, мсье, маленький ребенок, а Жюльен уходит в армию. Он пришел попросить ее не оставлять нас.

Арман. Как так? Значит, ты не освобожден вчистую?

Жюльен. Нет. Я просто из-за консерватории просил отсрочку. Завтра уезжаю в Шалонский лагерь.

Арман. А птичка остается без гроша в кармане да еще с младенцем на руках? Ты об этом хотел сказать маме, да?

Коломба. Да, мсье. И так как она не пожелала нас принять немедленно, он решил уйти.

Арман. Вот болван! Идиот несчастный! Все такой же неисправимый! Дубина! Истукан! Настоящий гугенот! Должно быть, вы с ним очень несчастны, детка?

Коломба. Я люблю его, мсье.

Арман. В этом я не сомневаюсь. Мы все его

любим. Но это не мешает нам понимать, что в жизни все гораздо проще, чем он себе воображает. Хорошо, что я пришел повытрясти из момочки деньжат, а то он зашагал бы — ать-два, ать-два — прямо в Шалонский лагерь спасать Францию. Прежде всего, старик, мы освободим тебя вчистую.

Коломба. Вот видишь, Жюльен!

Жюльен. Нет, спасибо. Не хочу.

Арман. Та-ра-та-та — та-та-та-та! Та-ра-та-та — та-та-та! Значит, тебе так нравится держать равнение да еще таскать на спине выкладку в шестьдесят фунтов? Вольному воля! Но то, что эта очаровательная дамочка одна в Бельвилле будет возиться с малышом да еще молочник не пожелает давать ей молочко в долг, — разве это тебе все равно? Значит, это не входит в наши благороднейшие правила? Тогда разреши действовать мне. Я сам ими займусь. Через пять минут эта нимфочка и ее младенец будут устроены. И ты с легким сердцем сможешь уехать охранять наши границы! *(Входит в уборную мадам Александры, потом, не стучась, проникает в туалетную, весело выкрикивая.)* Мадам маман, привет, привет!

Жюльен не шевелится.

Коломба *(с восхищением следившая за манипуляциями Армана, подходит к мужу).* Какой он милый! Он-то веселый. Видишь, как хорошо, что я с ним поговорила.

Жюльен *(не шевелясь).* Да. *(Вдруг каким-то странным голосом.)* Послушай, Коломба. Скоро ты останешься одна, без меня. Жизнь не такова, как ты думаешь.

Коломба. Знаю, дорогой.

Жюльен. Жизнь серьезна, лишена прикрас. Ей показное не нужно.

Коломба. Знаю, знаю, ты уже объяснял мне.

Жюльен. Сейчас ты их увидишь. Все, чем они тебя ослепят, все фальшь.

Коломба. Да, Жюльен.

Жюльен. Я знаю, у тебя доброе сердце, и ты честно стараешься понять мои слова, но ты еще очень молода, а эта кажущаяся легкость таит в себе страшную ловушку.

Коломба *(с легким смешком).* Значит, надо всего бояться?

Жюльен. Не смейся, это очень серьезно. Надо бояться этой легкости изо всех сил, пташка моя. Поклянись мне в этом.

Коломба. Постараюсь всего бояться, милый, клянусь, лишь бы ты был мною доволен. Но

неужели легкость так уж плоха?

Жюльен. Да, Коломба.

Коломба. Но ведь хорошо, когда что-то дается без труда и доставляет нам удовольствие.

Жюльен *(кричит).* Нет, не хорошо!

Коломба. Вот, например, мне скажут, что я красивая, и поднесут букет. Что это, легкость?

Жюльен. Да.

Коломба. Что же тут плохого, если я приму букет, ничего не дав взамен? Легкость — это когда смеешься в ответ на шутки молодых людей на улице, это когда солидные почтенные господа как по команде оборачиваются, подталкивая друг друга локтем, гляди, мол, какова милашка, а ты, пройдя несколько шагов, останавливаешься у витрины посмотреть, какие у них разочарованные физиономии? Но ведь все это забавно и ничуть не плохо, раз я тебя люблю.

Жюльен. Нет. Послушай, милая пташка, зто трудно. Я буду далеко и ничем не смогу тебе помочь… Если ты действительно меня любишь…

Коломба. Ну конечно, люблю, дорогой, только тебя одного и люблю.

Жюльен. Да, мне хочется верить в это всеми силами души. Итак, если ты меня любишь… Да ты слушаешь или нет? Ты же смотришь куда-то

в сторону.

Коломба. Смотрю в сторону, а слушаю тебя, дорогой. Навострила уши.

Жюльен *(важным тоном, что делает его немного смешным).* Если ты меня любишь, Коломба, ты не будешь любить ничего, что любишь сейчас.

Коломба *(с ласковым смешком, недоверчиво).* И платья, и кольца, и цветы, и комплименты? И магазины, где совершенно бесплатно показывают самые прекрасные вещи на свете?

Жюльен *(кричит. Он несчастен).* Нет!

Коломба. Но ведь я ничего не прошу мне покупать. Только гляжу. Разве плохо просто глядеть?

Жюльен *(кричит).* Да, даже глядеть!

Коломба. Вот если бы ты сказал, чтобы я ничего не принимала, — это другое дело. На худой конец, я понимаю, но… только поглядеть…

Жюльен *(кричит).* Нет! Раз я не могу купить тебе эти платья, лучше на них даже не глядеть.

Коломба. Ну, знаешь, твою просьбу выполнить не так-то легко.

Жюльен. Все хорошее всегда трудно. Я уже тебе это объяснял. Поклянись мне.

Коломба. С тобой всегда чуточку страшно. Словно отвечаешь урок, который знаешь нетвердо.

Жюльен. Слушай и попытайся меня понять. Коломба, ты моя жена. И два года назад ты согласилась следовать за мной и жить в бедности. Верно я говорю?

Коломба. Да, мой дорогой.

Жюльен. Я тебе все это объяснил, и ты мне поверила. Ты согласилась, а тут еще пеленки, и соски, и покрасневшие от стирки и мойки посуды руки, и вся эта будничная и жалкая жизнь. Ведь тебя никто не принуждал, ты сама согласилась.

Коломба. Я согласилась потому, что любила тебя, мой дорогой, вот и все.

Жюльен *(кричит).* Одной твоей любви недостаточно! Я уезжаю. Поклянись, как мы тогда клялись.

Коломба. Перед мэром? Но он такой уродливый с этим шарфом на животе, да еще весь в перхоти. Это не считается.

Жюльен. Ну хорошо, тогда поклянись, как клялись мы перед старым кюре, который думал о чем-то своем, в маленькой промозглой часовенке, где не только не было приглашенных, но, возможно, даже самого господа бога не было.

Коломба. Хорошо. Клянусь. Доволен?

Жюльен. Плюнь.

Коломба. Плюнула. Но, дурачок мой милый, не

потому я твоя жена, что клялась, а потому, что люблю тебя.

Жюльен *(кричит).* Нет! Не желаю, чтобы ты была моей женой потому, что меня любишь. Что мне одна твоя любовь? А завтра возьмешь и разлюбишь. Я хочу, чтобы ты была моей женой всегда, потому что дала мне клятву!

Коломба *(немножко обижена).* Значит, тебе все равно, люблю я тебя или нет?

Жюльен *(яростно кричит).* Да! *(Спохватывается, вид у него несчастный.)* Нет! Пойми же меня, пташка. Ты не только моя жена. Жену я мог бы себе и другую найти, может, еще красивее тебя.

Коломба *(даже подскакивает от негодования).* Как это — красивее? И ты еще смеешь говорить, что меня любишь? Иди ищи себе другую такую идиотку, иди сейчас же, и посмотрим, как ей будет весело с тобой жить!

Жюльен. Послушай, Коломба. Ты ведь понимаешь, о чем я говорю. Ты тоже можешь встретить человека красивее и сильнее меня и полюбить его как мужчину. Такая любовь — лишь часть нашей любви, ее можно подарить кому угодно, просто потому, что мы молоды, мы живые люди. А ты, ты совсем другое. Ты моя союзница, мой маленький брат. Все они отвратительны, они

бесхребетные, и тот из них, кто не зол, непременно глуп. С самого раннего детства помню только одно — вечные оскорбления. Ненавижу их.

Коломба. По правде сказать, ты и сам не слишком уживчив.

Жюльен *(кричит).* Да, я не уживчив. Но я создал мир на собственный лад, и там все гораздо труднее и все чище. И этот мир — ты, Коломба, и наш маленький старичок, который хохочет в пеленках, пока еще хохочет, пока еще не показал, на что способен.

Коломба. Однако этот старичок твой родной сын! И если он вырастет не таким, как тебе хочется, ты что же, любить его не будешь?

Жюльен *(кричит от всего сердца).* Да!

Коломба. Значит, насколько я понимаю, ты любишь меня за мои достоинства?

Жюльен. Да.

Коломба. Будь я лгунья, воровка или, скажем, кокетка, ты бы меня не любил?

Жюльен. Нет.

Коломба. Значит, ты любишь меня только за одни мои достоинства? А знаешь, это не особенно лестно. За мои достоинства меня каждый может полюбить — дело не хитрое! Надо любить меня также и за мои недостатки, если ты действи-

тельне меня любишь!.

Жюльен. У тебя нет недостатков, Коломба, разве такие, как у птички.

Коломба. А если в один прекрасный день у меня появятся недостатки посерьезнее, ты перестанешь меня любить? Слишком легкое решение, миленький! И ты воображаешь, что это и есть любовь?

Жюльен. Да, Коломба!

Коломба *(пожимает плечами).* Ты всегда все знаешь лучше, чем другие. Во всяком случае, я-то знаю, что не хочу, чтобы меня так любили. Хочу, чтобы меня любили как настоящую женщину. А не как школьницу, вызубрившую свой урок.

Жюльен *(улыбается, он сдался).* Ну ладно, когда я вернусь с военной службы, я обещаю любить тебя как настоящую женщину. У нас будут сцены, крики, примирения, я буду страдать из-за тебя, как из-за настоящей женщины страдают настоящие мужчины. Но пока я буду в отсутствии, помни хорошепько, пташка, свой урок. Будь тверда, требовательна, неприступна. *(Вдруг становится жалким, даже нелепым.)* Ну прошу тебя, побудь еще немножко такой, какой я тебя люблю.

Коломба *(все еще сердится).* Я всегда стара-

лась быть такой, как ты хотел, ты прекрасно это знаешь.

Жюльен *(после мгновенного колебания внезапно решается).* Сейчас он вернется. Я еще должен сказать тебе вот что. Если тебе придется с ним видеться, не смей его любить.

Коломба. Но он такой милый.

Жюльен *(взрывается).* Вот за то, что он милый, и не смей его любить! Ты его не полюбишь, если любишь меня, потому что я совсем не милый.

Коломба. На твоем месте я бы этим не хвасталась! Быть милым — это, по-моему, достоинство.

Жюльен *(вопит).* Нет!

Коломба *(с комическим вздохом).* Как все с тобой сложно, дорогой! Вечно приходится быть начеку. Насколько же для меня все проще. Все милые, нет ничего мерзкого, а главное, мне так хочется быть счастливой. *(Задумывается, вздыхает.)* Счастливой… Странно, это слово, когда его произносишь, щекочет губы, как будто тебя целуют.

Арман *(выходит из уборной мадам Александры, кричит).* Вы еще здесь, голубки? *(Сияющий появляется в коридоре.)* Победа, дети мои! Ренегата видеть она не пожелала, но согласна видеть его супругу… Как зовется сия юная красотка?

Коломба *(вскакивает, как школьница-первоклассница, и вежливо отвечает).* Коломба, мсье.

Арман. Боже, какая прелесть! Где вы раскопали такое имя?

Коломба. Была святая Коломба.

Арман. Очень жаль! А я-то надеялся, что его изобрели специально для вас. Во всяком случае, очевидно, святая была не настоящая: наверняка чуть грешила. Подожди еще минут пять в коридоре, старик, если ты ей сейчас покажешься, она разъярится. Сначала мне хотелось бы представить ей Коломбу. А твой выход будет во второй картине. Блудный сын, великодушная мать, ей нужно лишь подсказать эту сцену: я ее знаю, сыграет по всем правилам. Только не поскупись на прощальный поцелуй. И еще одна важная подробность: я не сказал, что она бабушка. В ее возрасте такая весть может убить на месте. Объявим это попозже, осторожненько. Согласен? Надеюсь, это не слишком оскорбляет нашего дорогого сурового Катона?

Жюльен *(хмуро).* Спасибо, Арман. Ты очень добр.

Арман. Да нет, да нет, вовсе я не добрый, милейший наш медведь! И тебе это так же хорошо известно, как мне. Но у тебя очаровательная

жена, и, в конце концов, ты мой брат! А время от времени необходимо давать волю родственным чувствам. Ну, пойдемте, краснеющая Коломба. И побольше шарма. Но, по-моему, на этот счет вы в моих советах не нуждаетесь. Я ошибся?

Коломба *(идет за ним).* Да, мсье, я очень застенчива.

Арман *(смеясь, тянет ее за рукав).* Правда, солнышко? Именно такое впечатление вы и производите. Но прежде всего не называйте меня мсье. Меня зовут Арман.

Входя в уборную, Коломба восхищенно оглядывается. вокруг.

Арман. Ну как, хорошо у момочки? Великое искусство! И, представьте, ей этот трюк удался. Все здесь от начала до конца поддельное. Садитесь на этот пуф — ему ужасно хочется быть не подделкой, а старинным пуфом в стиле Людовика Пятнадцатого! И тихонько ждите меня. Вывожу тигрицу. Столь важная встреча не может произойти в ее туалетной комнате. И прошу вас, будьте смелее — достаточно взглянуть прямо в глаза старому хищнику, он теряется и сам начинает трусить. Впрочем, я буду рядом с вами! Минуточку… *(Входит во вторую уборную.)*

Коломба остается одна в большой комнате, которая вся в драпировках, уставлена китайскими вазами, цветами.

Жюльен *(сидит на стульчике в коридоре по ту сторону разделяющей их стены. Вдруг кричит).* Коломба!

Коломба. Да?

Жюльен. Ты мне поклялась!..

Коломба *(нетерпеливо).* Ну да! Ты просто невыносим! Замолчи!

Дефурнет, директор и совладелец театра, вместе с мадам Александрой, выходит из глубины коридора. С ним Наш Дорогой Поэт. Два высоких воротничка, две пары брюк для верховой езды, две пары усов, два цилиндра, два сюртука, две тросточки.

Дефурнет *(восклицает).* Восхитительно!

Наш Дорогой Поэт. Вы находите? Правда?

Дефурнет. Дорогой мой поэт, это гениально! И другого слова я не подберу.

Наш Дорогой Поэт *(скромно).* И не ищите! И этого вполне достаточно. Я, в общем, тоже доволен собой. По-моему, заключительные строфы мне удались…

Дефурнет. Пятый акт будет блестящим. *(Про-*

ходит мимо Жюлъена.) Простите, мсье… *(Узнает его.)* Да это же Жюльен. Скажите на милость! Что ты здесь делаешь, мальчуган?

Жюльен. Жду мать.

Дефурнет *(с некоторым беспокойством).* А она знает, что ты здесь?

Жюльен. Ее предупредил Арман.

Дефурнет. Только, пожалуйста, перед репетицией никаких сцен, прошу тебя, сынок. Дождись шести часов. Премьера двадцать второго. Мы ни дня терять не можем. Спроси хоть у Робине. *(Замечает холодную мину Нашего Дорогого Поэта.)* А вы ему даже здравствуй не сказали?

Наш Дорогой Поэт *(деревянным голосом).* Я жду.

Дефурнет. Чего ждете?

Наш Дорогой Поэт. Извинений.

Дефурнет. Каких еще извинений?

Наш Дорогой Поэт. Мсье прекрасно знает, о чем идет речь.

Дефурнет *(вспомнил).* Ах да, за пинок ногой! Да неужели с тех пор эта история все еще не утряслась?

Наш Дорогой Поэт. Не утряслась.

Дефурнет. А ну, Жюльен, покажи хороший пример! Не можете же вы с Робине быть в ссоре

до гробовой доски! Я уверен, вы даже не помните, из-за чего сцепились.

Жюльен. Помним, и очень хорошо.

Дефурнет. Болван! Ну же, Робине, помиритесь. В своей жизни я уладил сотни деликатных дел такого рода, а пинок ногой — это не пощечина. Поверьте мне, по дуэльному кодексу пинок ногой не задевает чести.

Наш Дорогой Поэт *(обиженно).* Простите. Ногой в зад!

Дефурнет *(пасует).* В зад. Это другое дело. Удар ногой в зад задевает честь. Так что, Жюльен, ты обязан сделать первый шаг.

Жюльен. Если я сделаю шаг, я подыму ногу. А если я подыму ногу, я ни за что не ручаюсь.

Дефурнет. Невозможный тип! В конце концов, я не знаю, что тебе сделал Робине, но уверен, что ничего серьезного не было. А вы, Робине, с вашей стороны, должны все-таки признать, что он попал вам в икру. Панталоны у вас были разорваны на икре, я сам тому свидетель.

Наш Дорогой Поэт *(неумолимо).* Но целил он в зад.

Дефурнет. Кто знает? В драке… Скажи по чести, Жюльен, метил ты в зад или нет? Если ты скажешь — нет, даю гарантию, что Робине будет

считать себя удовлетворенным, и вы сможете пожать друг другу руки… Одно доброе движение души, черт возьми! Ты специально пришел сюда помириться с матерью. А Робине ее поэт и ее друг. Более того, почему бы не признать это в его присутствии, он человек талантливый и мог бы быть твоим отцом — он член Французской академии, наша национальная гордость. Все это что-нибудь да значит, черт побери! Ты молод, вспыльчив, это всем известно. Подрались вы два года назад, я даже не хочу знать из-за чего… А ну, признавайся, что ты не метил ему в зад!

Жюльен. Метил. Именно в зад. И об одном сожалею, что промахнулся.

Дефурнет *(безнадежно машет рукой и тащит прочь Нашего Дорогого Поэта).* Невозможный человек! Просто невозможный. Ты и святого из себя выведешь! Никто никогда с тобой не уживется. Идемте, Робине. *(Входит в уборную, таща за собой Нашего Дорогого Поэта.)*

Тот меряет Жюльена взглядом и держится настороженно, явно опасаясь за свой зад, что чувствуется по его походке.

(Замечает Коломбу.) Добрый день, детка.

Наш Дорогой Поэт (вскидывает монокль, он

приятно изумлен). Мадемуазель!

Дефурнет. Вы ждете мадам Александру?

Коломба. Да, мсье.

Наш Дорогой Поэт *(вьется вокруг Коломбы и шепчет сквозь зубы Дефурнету, однако достаточно громко, чтобы Коломба слышала).* Очаровательна! Она очаровательна!.. Скажите, мадемуазель, мы с вами никогда раньше не встречались?

Коломба *(смущенно).* Да, мсье, два года назад. В театре.

Наш Дорогой Поэт *(вдруг вспомнил и машинально прикрывает рукой зад).* Ах, верно! Но тогда вы были с… *(Делает неопределенный жест.)*

Коломба. Да, мсье. Теперь я его жена.

Наш Дорогой Поэт *(ледяным тоном).* Примите мои поздравления.

Дефурнет *(на пороге уборной).* Вы здесь, Наша Дорогая Мадам? Наш Дорогой Поэт принес конец пьесы. Это гениально!

Наш Дорогой Поэт *(жеманится, но в восторге).* Не надо ничего преувеличивать! По-моему, мне просто это удалось!

Выплывает мадам Александра в пышном театральном костюме, расшитом блестками. Боа из перьев, зонтик, огромная шляпа. За ней идут

Арман и мадам Жорж. Педикюрщик и парикмахер останавливаются на пороге, рассматривая свое творение.

Мадам Александра. А где же, где же его стихи? А где она? Где же малютка? Да она прелестна. Добрый день, миленькая… Наш Дорогой Поэт!

Наш Дорогой Поэт. Наша Дорогая Мадам!

Бросаются в объятия друг друга, целуются.

Мадам Александра. Мой великий человек! Мой единственный бог! Подумать только, он так мил, а ведь он гений! Ну, как спали, надеюсь, хорошо?

Наш Дорогой Поэт *(с горькой улыбкой).* Совсем не спал, Наша Дорогая Мадам!.. Финал пьесы!

Мадам Александра. О, финал! Правда, ведь финал! Музы совсем замучили его, он бледен, мой поэт… Кресло! Пусть он немедленно сядет! Скорее кресло для моего поэта!

Все бросаются, подвигают кресло, хотят поставить и другое, для нее.

(Жестом останавливает их.) Нет, мне не надо! Я сегодня не имею на это права! Пуф и самый низенький! Я хочу слушать поэта, сидя у его ног.

Наш Дорогой Поэт *(подымается).* Наша Доро-

гая Мадам! Это вам, вашему гению я обязан всем! В жизни не допущу!

Мадам Александра. До чего же он мил! Добр, как сама доброта! Я просто обязана еще раз поцеловать его.

Целуются.

Великий, великий поэт, который даже не знает, как он велик.

Наш Дорогой Поэт *(прижимает ее к груди).* Наша Дорогая Мадам! Великая, великая актриса! Незабываемая!

Мадам Александра *(высвобождается из его объятий; трезвым голосом).* А теперь подайте два кресла.

Садятся.

(Взглядывает на Коломбу.) Но эта крошка — само очарование! Только надо сменить прическу. Я слушаю вас, Наш Дорогой Поэт!

Наш Дорогой Поэт *(вытаскивает из кармана бумагу).* Это будет сразу после центральной сцены в пятом акте, когда Гаэтана решает умереть.

Мадам Александра. Вижу… Она распростерта на софе, очень бледна. Ее белое платье спадает вокруг бесчисленными складками — двадцать

метров шелка. Это будет восхитительно. Я уже все это вижу…

Наш Дорогой Поэт. Я начинаю. *(Начинает читать.)* Луна, мой хладный друг, и в сердце холод злой…

Мадам Александра. Боже, как прекрасно! Боже, как это прекрасно! Боже, как это хорошо сказано! «Мой хладный друг, и в сердце холод злой…». Я ясно вижу, как я брошу им эти слова! Я покорю их. Сделаю из них все, что захочу… *(Разговаривая, не отрываясь, смотрит на себя в зеркало. Вдруг вскрикивает совсем другим голосом.)* Люсьен! Чертов осел!

Парикмахер *(бросается к ней).* Наша Дорогая Мадам?

Мадам Александра. Вы, видно, издеваетесь надо мной, мой милый? Причесали меня, как пуделя. Что это за локоны? Немедленно переделайте. А потом причешите эту малютку. Носить челку при таком лбе, да она просто сумасшедшая! Когда у женщины красивый лоб — это, милочка, надо показывать. Я слушаю вас, Наш Дорогой Поэт!

Наш Дорогой Поэт *(повторяет).* Луна, мой хладный друг, и в сердце холод злой…

Мадам Александра. Именно так! Именно! Не

дергайте меня за волосы, Люсьен!

Парикмахер. Это же накладные, Наша Дорогая Мадам!

Мадам Александра. А все-таки мне больно, болван! «И в сердце холод злой…». Как дальше, Наш Дорогой Поэт?

Наш Дорогой Поэт.

Луна, мой хладный друг, и в сердце холод злой,

Поведать ли тебе, как страсть играла мной?

Мадам Александра. Это мне больше нравится.

Наш Дорогой Поэт *(встревоженно).* Вам не нравится первая строка, Наша Дорогая Мадам?

Мадам Александра. Нет, я говорю о локонах. Все прекрасно, Наш Дорогой Поэт! Восхитительно! Продолжайте! «Как страсть играла мной…». Тут я протягиваю руку вперед. Я уже сейчас все ясно вижу.

Наш Дорогой Поэт.

Поведать ли тебе, как страсть играла мной?

Любовь злопамятна? Любовь великодушна?

Колеблюсь я решать… Иль мести я послушна?..

Мадам Александра. «Иль мести я послушна…». Тут очень эффектно, два «с». Я все вижу! Как это прекрасно! Как правдиво! Как человечно!

Наш Дорогой Поэт.

Цветов моей любви мертвящий аромат,

Как запах тубероз, объявший этот сад…

Кто проведет тебя, о сердце, сквозь терновник?..

Мадам Александра *(встает с кресла, по дороге проводит рукой по волосам Робине).* Это великолепно, Наш Дорогой Поэт! Великолепно! Гений! Величайший гений! Видите, Люсьен, локоны мне необходимо укладывать только так. А этой малютке сделайте-ка вот что… Поверните, миленькая, к свету. Посмотрите, Люсьен, со лба волосы убрать, пучок очень низко, вот так. Прелестно. У нас кожа как персик, а мы ее не показываем. Кто вам купил это нелепое платье?

Коломба. Жюльен, мадам.

Мадам Александра. Болван! У него столько же вкуса, как у его папаши! Арман, дитя мое,

ты взгляни на эти плечи. У малютки царственные плечи, а она их прячет… Господи, такими глупышками бывают только в молодости! Продолжайте, продолжайте, Наш Дорогой Поэт! Я слушаю… «Кто проведет тебя, о сердце, сквозь терновник?» Видите, я уже сразу запомнила… Позвольте действовать мне, милочка. Вы себя не узнаете! Жорж, дай мне мою шкатулку с драгоценностями.

Наш Дорогой Поэт *(продолжает, пока мадам Александра возится с Коломбой).*

Где тесно от шипов… Какой спасет любовник?

Само должно ты веровать и знать,

И нет перста, чтоб путь нам указать…

Мадам Александра. Чудесно! Великолепные строки! Прекрасно!.. Арман, ты человек со вкусом, ну скажи, как она выглядит теперь, эта юная особа?

Арман. Да ее просто узнать нельзя, мама. Ты настоящая фея.

Мадам Александра *(надевает на шею Коломбы ожерелье).* Почему вы не носите драгоценностей, дурочка? На вас все хорошо!

Коломба. Потому что у меня их нет.

Мадам Александра. В ваши годы у меня их тоже не было. Но я накупала себе дешевые на базаре, конечно фальшивые, но зато они у меня были.

Коломба. Жюльен не любит фальшивых драгоценностей.

Мадам Александра. Не говорите мне об этом идиоте! Как вы могли выносить его в течение двух лет? Я выдержала его отца только месяц… Когда строят из себя ненавистников фальшивых драгоценностей, стараются побольше заработать, чтобы купить настоящие. Не сидят в Шалонском лагере за одно су в день и не оставляют жену на чужом попечении. Послушайте, Наш Дорогой Поэт! Это великолепно, это превосходно… Но я вот о чем хочу вас попросить… Вы знаете, кто эта малютка?

Наш Дорогой Поэт *(с холодком).* Да, Наша Дорогая Мадам.

Мадам Александра. Это жена Жюльена, которую он оставляет у меня на руках… Видите ли, мсье отправляется на военную службу… Вы понимаете, если бы я, которая каждое четырнадцатое июля декламирует на Елисейских полях «Марсельезу», если бы я их попросила, они немед-

ленно отпустили бы его! Но мсье, видите ли, не желает! Очевидно, мсье, как и его папочка, обожает играть в солдатики. Только вот в чем беда, оставляет свою жену в Париже без гроша… Необходимо найти этой красотке работу… В наши дни все обязаны работать — цены так поднялись… Наш Дорогой Поэт! Великий Поэт!.. Раз уж вы все равно переделываете конец пятого акта… Знаете, о чем я подумала? Вы должны ввести мне в финальную сцену эту малютку… Я уверена, что у нее прелестный голосок… Так, пустяки, всего три-четыре строчки. Муза… Она, дитя ночи, приходит утешать Гаэтану… Наш Дорогой Поэт, с вашим талантом вы наверняка придумаете для меня…

Дефурнет *(вдруг взрывается).* Нет уж! Покорно благодарю! Все понятно! Значит, пускай театр раскошеливается! Нет уж! Премного благодарен.

Мадам Александра *(оборачивается к нему в ярости).* Потрудитесь замолчать, Дефурнет! Вы червь! Вы ничтожество! Вы сделаете так, как вам велят!

Дефурнет. Извиняюсь! Я тоже совладелец театра. Все основные расходы падают на меня. У нас все пополам. Я человек деловой и держусь договора… У вас, черт возьми, достаточно средств, чтобы содержать свою невестку без моей помощи. Вы и

так захватите половину сбора.

Мадам Александра *(вопит).* Гнусность! Гнусное существо! Пусть убирается! Не хочу его видеть!

Дефурнет. Роли уже распределены. В пьесе тридцать два персонажа. Шестьдесят костюмов. Мы даже расходов не покроем. И речи быть не может, чтобы добавить хоть одну роль оттого, что ваша невестка, видите ли, сидит без гроша.

Мадам Александра *(визжит).* Дефурнет, вы думаете только о деньгах! Вы мне омерзительны! Я каждый вечер убиваю себя, отдаю сердце, все нутро свое выворачиваю ради вашего театра.

Дефурнет *(вне себя от ярости).* Выворачивайте бесплатно! Я вам до земли поклонюсь!

Мадам Александра *(бледнея).* Бесплатно? Теперь вы уже начинаете грубить? *(Внезапно облекается в тогу величия.)* Что ж! У меня мигрень. Сегодня я репетировать не буду.

Дефурнет *(сражен).* Наша Дорогая Мадам! У нас же двадцать второго премьера!

Мадам Александра. Не будет премьеры двадцать второго, вот и все.

Дефурнет. Но отступать невозможно, Наша Дорогая Мадам! Трулазак нас покидает с двадцатого, у него пьеса в театре Буфф.

Мадам Александра. Сыграем без Трулазака. Он достаточно плох! На этот раз сыграем без него.

Дефурнет *(тоскливо переминается с ноги на ногу).* Но это же безумие! Вы же знаете, дублера вводить поздно! А «Императрица сердец» уже не дает сборов… Наша Дорогая Мадам!.. Уже четыре… Актеры ждут вас на сцене два с половиной часа. Необходимо прогнать пьесу двадцать второго. Идите репетировать. Ладно. Беру малютку.

Мадам Александра. Семь франков за спектакль. Утренники по двойной расценке.

Дефурнет. Это же черт знает что такое! Если она будет читать только четыре строчки, то тариф…

Мадам Александра *(неумолимо).* Прочтет десять, вот и все! Вы торгаш, Дефурнет! Мерзкий торгаш! Не понимаю, как мы вас еще терпим!

Дефурнет *(сдался).* Э, куда ни шло — будет ей семь франков, даже если она только четыре строчки прочтет, если даже вообще ничего не скажет! Идите на репетицию, Наша Дорогая Мадам.

Мадам Александра *(поворачивается к Нашему Дорогому Поэту. Она в размягченном, состоянии духа, готовится уходить).* Наш Дорогой Поэт! Великий поэт! Браво! Браво! Ваш финал великолепен.

Наш Дорогой Поэт *(обиженно).* Но ведь я про-

чел только самое начало, Наша Дорогая Мадам!

Мадам Александра. Это ничего не значит, ничего не значит… Я угадываю остальное. Это гениально. Это лучшее из того, что вы создали… Вы добавите мне четыре строчки для этой малютки, хорошо, мой великий друг? Пусть она прочтет их нам к концу репетиции. Жорж, подбери-ка ей какое-нибудь платье, нельзя же ей выходить на подмостки как чучело.

Дефурнет *(со стоном).* Но, Наша Дорогая Мадам. Они ждут вас уже два с половиной часа!

Мадам Александра *(осматривает себя со всех сторон в трюмо).* Хотя бы синее, оно мне всегда не нравилось в Розалинде. Оно совсем новое. Арман, ты специалист по дамским нарядам, проследи.

Арман. Хорошо, момочка. Момочка, вы удивительная женщина. *(Коломбе.)* Ну, идемте, юная звезда!

Дефурнет *(злобно кричит Коломбе, которая растерянно стоит на месте).* Да поторопитесь вы! Идите примерьте платье, раз вам велят! А я побегу, утихомирю их. *(Выскакивает как оглашенный, громко хлопая дверью, пробегает мимо Жюльена, даже не заметив его.)*

Мадам Александра *(перед зеркалом).* Хоро-

шенькое дело!.. На пуделя я уже не похожа, зато вылитый морж. Люсьен, болван! Как вы уложили мне локоны? Теперь я просто лысая… Этого только не хватает.

Парикмахер *(подбегает к ней).* Но, Дорогая Мадам, это ведь вы сами…

Мадам Александра. Осел! Ничего вы не понимаете! Вас убить мало. Но, главное, нет времени. Займемся после репетиции. Наш Дорогой Поэт! Великий поэт! Ваша сценка превосходна!.. Но знаете, что бы я сделала на вашем месте?

Наш Дорогой Поэт *(несколько встревоженный).* Да?

Мадам Александра. Выкинула бы первые шесть строк.

Наш Дорогой Поэт *(убит).* Но, Наша Дорогая Мадам, вы же прослушали всего десять строк.

Мадам Александра. Верно. Я прямо так и начну с седьмой!.. «Кто проведет тебя, о сердце, сквозь терновник…» Так лучше пойдет.

Наш Дорогой Поэт *(в отчаянии плетется за ней).* Но тогда у меня пропадают туберозы!..

Мадам Александра *(выходит решительным, шагом, перья на ней так и развеваются).* Ничего! Я велю поставить в вазы настоящие туберозы. Будет куда эффектнее!

Проходят мимо Жюльена. Он, побледнев, встает со стула. Мадам Александра не замечает его или не хочет замечать.

Жорж *(выходит из второй уборной и семенит по коридору).* Все обошлось, мсье Жюльен. Наша Дорогая Мадам была очень добра. Велела мсье Дефурнету взять ее в театр. Но только благодаря мсье Арману. Вот уж действительно доброе сердце!

Жюльен *(вскидывая голову, бормочет).* Они заставят ее играть?

Жорж. Да. Все были такие милые. Мсье Наш Дорогой Поэт напишет ей четыре строчки для пятого акта, и она будет получать семь франков в день. Можете уезжать со спокойной душой.

Жюльен *(вдруг).* А кто будет смотреть за малышом?

Жорж. Да в этом возрасте, мсье Жюльен, больше спят. Вот попозже, когда они — ангелочки — пытаются вылезти из колыбельки… тогда нужен глаз да глаз. Вот мой третий, тот, что от чахотки помер, он, если его одного, бывало, оставишь, вечно постель обмочит. Такой был мальчик испорченный, ужас! Мне уж насоветовали: «Намажь, говорят, мол, ему горчицей!» Ну и орал он, херувимчик… Но я не сдавалась.

Со временем у него вся кожа с задницы слезла. По-моему, с тех пор ему на грудь и бросилось…

Жюльен *(раздраженно подымается).* Оставь меня в покое, Жорж. Теперь-то я хоть могу войти? Там никого не осталось?

Жорж. Мсье Арман примеряет ей платье. Они хотят, чтобы она прямо сейчас репетировала! Считай, что семь франков уже в кармане. А за утренники двойная ставка! *(Удаляется в полном восторге.)*

Арман *(выходит из уборной, кричит).* До вечера, красотка! *(Сталкивается на пороге с Жюлъеном.)* Можешь войти, старик. Ты прямо не узнаешь собственную жену. Прости, я убегаю. Меня ждут у «Максима». Жорж тебе рассказала? Все улажено. Вечером увидимся?

Жюльен. Не думаю.

Арман. Тогда желаю успеха, вояка! И не волнуйся за малютку Коломбу: о ней позаботятся. *(Исчезает.)*

Жюльен входит в уборную и останавливается. Появляется неузнаваемая Коломба, в прекрасном платье. Бежит к зеркалу, даже не взглянув на мужа.

Коломба *(восторженно вскрикивает).* Жюльен!

Жюльен! Скажи, это я?

Жюльен. Да, это ты. Голос, во всяком случае, твой.

Коломба *(перед зеркалом).* Если бы ты только знал, какие они забавные! Говорят все одновременно. Кричат, спорят, целуются. С ними не заскучаешь. Они велят мне играть на сцене. Я буду музой в пятом акте. Буду читать стихи. Мне дадут костюм. И скоро дадут. А это пока… *(Не отрывая глаз от зеркала.)* Это я, я, скажи, Жюльен?

Жюльен *(закрывает глаза, не шевелится; глухо).* Я уже не уверен, Коломба.

Коломба *(любуется собой в зеркало, даже не замечает, что Жюльен еще здесь. Улыбается. Восторженно шепчет).* Это я, я…

Жюльен поворачивается и смотрит на нее.

Занавес

Действие второе

Пустая, слабо освещенная сцена. Несколько подставок для кулис, разбросанные в беспорядке деревья, фонтаны и нелепая в этом окружении дверь в стиле Людовика XV — все это создает какую-то фантасмагорическую картину хаоса. Посреди сцены рабочая лампа на кронштейне бросает скупой свет. В глубине кто-то разодетый опирается на зонтик — это мадам Александра.

Мадам Александра *(кричит вверх к колосникам).* Ну?

Голос машиниста *(сверху).* Никого еще нет, мадам Александра. Они, должно быть, думали, что репетиция, как и обычно, в половине третьего.

Мадам Александра *(со своим неподражаемым умением твердо произносить согласные и тем облагораживать любое слово).* Дэрмо! *(Яростно шагает по сцене и рычит как львица в клетке.)* Дэрмо! Сто раз дэрмо. Свиньи! Боровы! Коровы! Так со мной поступить! Дэрмо! Играют, как дэрмо, да еще смеют опаздывать. И еще хотят, чтобы им

платили на сто су больше. Дэрмо! Я бы их всех пинком в эад повыгоняла. Дэрмо, дэрмо, тысячи раз дэрмо! Все эти дэрмовые свиньи, дэрмовейшие!

Меж двух кулис появляется чья-то тень. Это Коломба в театральном костюме. Она не смеет подойти к мадам Александре. А та, прокричав последний раз свое «дэрмо», оборачивается, замечает ее и сразу же меняет голос и повадки.

Мадам Александра *(томно идет навстречу Коломбе, царственно опираясь на свой зонтик).* Ах, это вы, крошка? А я здесь мечтала.

Коломба. Я пришла чуть пораньше, Наша Дорогая Мадам. Репетиция назначена в половине третьего.

Мадам Александра. Знаю, знаю, детка… А я вот люблю иной раз прийти раньше всех, побыть одной на пустынной сцене, побеседовать с великими тенями… Мечтаю, забываю себя, читаю нараспев старые стихи… Потом наступает время репетиции, на смену теням приходят живые люди, и волей-неволей спускаешься на землю…

Коломба. Простите, Наша Дорогая Мадам, что я прервала ваши раздумья. Пойду подымусь в уборную.

Мадам Александра. Ничего-ничего. Оставайтесь, маленький… Я уже достаточно намечталась сегодня. *(Вдруг в упор.)* В карты играть умеете?

Коломба. Нет, Наша Дорогая Мадам.

Мадам Александра. Жаль. Пока соберутся эти скоты, мы могли бы поиграть в пикет. Пройдите сюда, я вам сейчас погадаю, просто чтобы убить время… Сейчас узнаем ваше будущее. Как прекрасно иметь совсем новенькое будущее, милая моя плутовка.

Коломба. Иметь великое прошлое гораздо прекраснее, Наша Дорогая Мадам!..

Мадам Александра. Безусловно, безусловно, но оно, знаете ли, и обуза, плечи оттягивает. Снимите. Раз, два три, четыре, пять: трефы. Это очень хорошо, кошечка, лучше и быть не может. Опять трефы! Превосходно. Деньги… Деньги никогда не помешают. Известие от молодого блондина. Приятное, но мимолетное увлечение. Такие всего лучше. Снова вести от молодого блондина.

Коломба. Но ведь Жюльен — брюнет.

Мадам Александра. А какое это имеет значение, дурочка? Неужели вы воображаете, что гадают для того, чтобы иметь известие от мужа! Для этого почты хватает. Вытащите карту. Раз, два, три, четыре, пять! Король червей и десятка

треф. Вы выйдете замуж за богатого и влиятельного мужчину.

Коломба. Но я замужем…

Мадам Александра. Э-э, крошка! Я была замужем семь раз. Разведетесь. Поздравляю. Снова трефы.

Коломба. Нет, правда семь? И каждый раз в мэрии?

Мадам Александра. Ну ясно, за кого вы меня принимаете! В моем положении необходимо вступать с любовниками в законный брак. За одного я даже два раза выходила. За Шанкрара, из сахарных королей. Первый раз после смерти его матери, второй — через десять лет, после смерти его отца.

Коломба. Чтобы его утешить?

Мадам Александра. Да нет, дурочка, чтобы помочь ему спустить миллионы. При каждом покойнике на него так и сыпались миллионы. И ему был необходим кто-нибудь — этот идиот один не умел тратить деньги.

Коломба. И вы были с ним счастливы?

Мадам Александра. Что за вопрос?.. Король бубен — второй важный господин!.. Он был полный идиот и никогда не мылся. Когда он умер, я вышла за его сына от первого брака, за очень

милого мальчика. Вся семья во мне нуждалась, я одна могла вырвать их из сетей золота. Так как они продавали сахар во всех уголках света, то деньги прибывали к ним каждый божий день в таком количестве, что они совсем в них увязали. Намертво приклеивались к кучам тысячных билетов, как мухи к липкой бумаге. Ну я и старалась им помочь — вот и все. Только сын слишком много пил. Этот ангелочек с самого утра начинал глушить абсент; тоже подох у меня на руках. Цирроз печени. От абсента. Этому идиоту уморить себя обошлось не дороже, чем любому каменщику. Все деньги перешли к первой жене его отца, а за нее — увы! — выйти замуж я не могла… Пришлось ее бросить с этой липкой бумагой для мух. Кажется, за нее взялись попы. Уговорили ее возвести базилику для себя одной и, представьте, не из сахара, а из чистейшего каррарского мрамора, самого дорогого, который только можно найти, с разными завитушками из золота! И хотите — верьте, хотите — нет, детка, но им тоже не повезло!.. Сахар оказался сильнее. Хотя из нее выкачали немало золота, даже дарохранительница была вся из чистого золота, умерла она на куче своих липких акций, причем их стало вдвое больше, чем досталось по наслед-

ству. Все и перешло государству, а оно пустило капиталы на какие-то богоугодные заведения. Ну за него я спокойна — оно с любым количеством сахара справится.

Коломба *(как завороженная).* Значит, существуют люди, у которых так много денег? И они могут покупать себе все, что угодно?

Мадам Александра. Да нет, самое смешное, что нет, детка! Шанкрар-отец, единственно чего он хотел — это прослыть остряком, а сам был бревно бревном. Он отдал бы миллион за то, чтобы самому придумать остроту. Не тут-то было. Как он ни бился целыми днями, надоедал всем, ничего не мог изобрести. У Шанкрара-сына были еще более скромные требования: он хотел только одного в жизни — такую печень, которая бы без вреда для себя переносила абсент… А поди купи ее. Пришлось ему довольствоваться собственной и он подох со своей третьесортной печенью, как обыкновенный бедняк. Только на похоронах и удалось для него что-то сделать, ну разные там покровы, помпоны…

Коломба. Но что же тогда богатые люди делают со своими деньгами?

Мадам Александра *(зловеще вещает из мрака).* Хранят! *(Заметив входящего Ласюрета, кричит*

ему.) Вот и вы наконец, болван! Разве сейчас репетиция?

Ласюрет. Нет, Наша Дорогая Мадам, она в половине третьего.

Мадам Александра. Хорошо, хорошо! Сама знаю.

Ласюрет. Швейцар сказал, что вы уже здесь, Наша Дорогая Мадам! Я был в своем кабинете и подготовил ваше заявление для газеты «Матен».

Мадам Александра. А что я должна заявлять этому «Матену»?

Ласюрет. Ваше мнение о любви.

Мадам Александра. Надоели! Я же не задаю вопросов владельцу «Матена»!

Ласюрет. Дюпомпон-Рейно, главный редактор, только что звонил мне, сказал, что Сара Бернар прислала им прекрасный ответ.

Мадам Александра *(ворчливо).* Воображаю, каково мнение Сары Бернар о любви, да еще собственное!

Ласюрет. Говорят, именно глубоко личное. В общем-то она не верит в любовь.

Мадам Александра *(кричит).* Тогда ответьте, что я лично верю в нее всеми силами души. Что я жила только для любви.

Ласюрет. Я уже позволил себе это сделать, Наша

Дорогая Мадам. Сейчас прочту. *(Читает фальцетом, стараясь придать голосу приятность.)* «Это чувство, которое вечно тревожит души женщин, чувство это, одно упоминание о котором вызывает краску на наших миловидных лицах, — Любовь с большой буквы — единственная сладостная докука для нас, хрупких созданий…».

Мадам Александра *(прерывает его неистовым криком).* Осел! Настоящий осел! Из-за ваших писаний я стану всеобщим посмешищем!

Входит Наш Дорогой Поэт.

(Кричит вошедшему.) Наш Дорогой Поэт! Мой поэт! Мой спаситель! Боги всегда посылают мне этого человека в трудную минуту! Идите скорее, вырвите меня из-под копыт этого осла, а то он затопчет меня в грязь. «Матен» спрашивает мое мнение о любви.

Наш Дорогой Поэт *(целует ей руку).* И они смеют, мой божественный друг? Смеют сметь? Но это же дерзость, это же словоблудие! Ответьте им, что вы и есть любовь!

Мадам Александра. Я не хочу им сама отвечать. Поэт! Великий друг мой! Подскажите мне хоть одну фразочку.

Наш Дорогой Поэт. Пожалуйста, великая моя

подруга, — это же так легко. *(Декламирует.)*

Пусть я щедра с тобой, твоих не счесть щедрот,
Дари, дари еще, и я тебе отдам
Венок моих ночей, лобзаний и забот…

Мадам Александра *(перебивает).* Нет, не в стихах, только не в стихах, Наш Дорогой Поэт. Они не поверят, что я пишу стихи.

Наш Дорогой Поэт. Вполне справедливое замечание. Значит, в стиле «афоризмов»?

Мадам Александра. Вот именно! Вот именно!

Наш Дорогой Поэт. «Любовь — это дар, безоговорочная отдача себя…»

Мадам Александра *(Ласюрету).* Записывайте, болван. Это так прекрасно.

Ласюрет. Записываю, Наша Дорогая Мадам. *(Бормочет, записывая.)* «Любовь — это дар, безоговорочная отдача себя».

Наш Дорогой Поэт. «Но все, что она дарит, она дарит себе самой…»

Мадам Александра. Глубокая мысль! Но как, по-вашему, дорогой поэт, не слишком ли это в лоб?

Наш Дорогой Поэт. Пусть в лоб, пусть резко, зато это верно, Наша Дорогая Мадам. И мы обяза-

ны быть резкими. Мы не смеем скрывать истину, ни при каких обстоятельствах. Мы — маяки. Наш яркий луч бесстрастно шарит во мраке. Если случайно он выхватит из тьмы тот грандиозный и вечно взбудораженный хаос, который именуют морем и который потрясает своей красотой человека, — тем лучше! Но порой он натыкается на гниющую в расщелине утеса падаль — тем хуже… Он маяк, он освещает, и этим сказано все.

Мадам Александра. Наш Дорогой Поэт, вы богохульствуете!.. Я верю только в идеал! Мне хочется, чтобы они вместе со мной бросили громкий клич в небесную лазурь. Мне хочется, чтобы они вместе со мной поверили в бескорыстие, в неувядаемую молодость, во все, что есть благородного и прекрасного в любви!

Наш Дорогой Поэт. Ладно. Зачеркните начало и записывайте:

Чтоб зацвела любовь, бесплодная пустыня

Нужна, где не растет…

Мадам Александра *(кричит).* Не в стихах, Наш Дорогой Поэт, только не в стихах!

Наш Дорогой Поэт. О, простите! Я забылся. Зачеркните и записывайте: «Для того чтобы рас-

цвела подлинная любовь, надо сначала вырвать из своего сердца плевелы желания и страсти!»

Ласюрет *(сосет кончик карандаша).* Слишком быстро.

Мадам Александра. Но, Наш Дорогой Поэт, великий поэт! Что вы такое плетете? Любовь она и есть страсть и только страсть! Как вы могли даже сказать такое? Ведь в возрасте этой малютки я четыре раза пыталась покончить с собой из-за любви!

Наш Дорогой Поэт *(восхищенный этими подробностями).* Наша Дорогая Мадам! Несравненная! Неопалимая купина!

Мадам Александра. Неужели вы, Наш Дорогой Поэт, с вашим талантом, с вашей чувствительной, как Эолова арфа, душой, — вы посмеете мне сказать, что никогда не страдали от любви?

Наш Дорогой Поэт. Страдал, как собака, Наша Дорогая Мадам! Именно как собака.

Мадам Александра. И я тоже. Оба мы чудовищно страдали. Я сходила с ума! Вот это, вот именно это и надо сказать!.. Подумайте только, Сальватор-Дюпон вошел ради меня как-то вечером в цирке в клетку со львами, как был, во фраке и цилиндре!

Наш Дорогой Поэт *(вдруг деловым тоном).*

Какой Сальватор-Дюпон? Коньячный?

Мадам Александра *(тоже деловым тоном).* Да нет! Коньячный Сальватор-Дюпон был известный импотент. Входил его двоюродный брат, нефтяной.

Наш Дорогой Поэт. Ах тот, который женился на Маргарите Петика, дочке Восточных железных дорог?

Мадам Александра. Нет! На Маргарите Петика женился Леон. А я говорю о Жюле. Такой высокий, брюнет…

Наш Дорогой Поэт. Помню-помню. Красивый мужчина!

Мадам Александра. Очень красивый, да-да, только полноват.

Наш Дорогой Поэт. Это ему шло.

Мадам Александра *(совершенно естественно переходит на лирический тон).* Как же этот человек меня обожал! Ради меня не отступил перед хищниками. *(Коломбе.)* Вы, детка, сами женщина и можете себе это представить. Вот вы сказали человеку «нет». Вы любите другого, вы же сами знаете, что это такое, нельзя поспеть всюду. И вдруг у вас над ухом раздается рычание, заглушающее рыканье львов. Это рычит любящий вас мужчина, он бледен как смерть. Он встает.

Перепрыгивает барьер ложи. Весь цирк испускает громкий вопль. Он бросает свой кошелек окаменевшему укротителю; он среди хищников. И вдруг вас осеняет. И вы изо всех сил кричите, как безумная: «Я люблю тебя».

Наш Дорогой Поэт. Божественная! Божественный друг мой! Я так и слышу этот крик под куполом цирка. *(Сурово, Дасюрету.)* Записывайте же! Записывайте все подряд.

Мадам Александра. «Я люблю тебя! Вернись! Я буду твоей!» Слишком поздно…

Коломба *(задыхаясь от волнения).* Его съели?

Мадам Александра. Нет. Он выбрался живым. Но когда он вышел из клетки, я его уже разлюбила. Ему надо было взять меня немедленно, тут же в клетке, среди львов, но это было практически неосуществимо.

Наш Дорогой Поэт *(вне себя).* Как все это прекрасно! Как все это по-женски! Не пропустите ни слова, Ласюрет, слышите вы! Записывайте все. Мы переживаем историческую минуту. И должны навсегда удержать ее в памяти. Дальше, дальше, Наша Дорогая Мадам!..

Мадам Александра. Мы молча возвращаемся домой — он, мой муж и я.

Наш Дорогой Поэт. А кто тогда был вашим

мужем?

Мадам Александра. Один голландец. Мужчина геркулесовой силы. Он дрожал, как дитя. Он понимал, что после того, что сделал Сальватор, ему тоже нужно сделать нечто из ряда вон выходящее. Тогда он засучивает рукава, выпрягает лошадь и везет меня до дома в карете. Этим вечером я принадлежала ему… На следующий день Сальватор уехал.

Наш дорогой Поэт *(Ласюрету).* Записывайте, записывайте же!

Мадам Александра. Уехал в Монте-Карло. Там он за одну ночь просадил половину своего состояния.

Коломба. И в конце концов все-таки покончил с собой?

Мадам Александра. Нет. Женился на одной из Ротшильдов.

Наш Дорогой Поэт. На Аиссе?

Мадам Александра. Нет. На Рашели. На той, что похудее.

Коломба. А ваш муж?

Мадам Александра. Что вы хотите, детка? Не мог же он каждый вечер превращаться в извозчичью лошадь, чтобы придать себе интерес в моих глазах. В конце концов он мне надоел. Я

его бросила.

Коломба. Как прекрасно все, что вы рассказываете, Наша Дорогая Мадам! Будто роман читаешь. Но как же сделать, чтобы тебя так любили?

Мадам Александра. Быть женщиной, только и всего. Стать вдруг для этих ничтожных существ вспышкой огня, безумием, желанием — всем, что им самим недоступно. Сальватор и мой голландец, несмотря на светский лоск, были в душе грубыми скотами, а я была само Искусство, я была сама Красота. Они понимали, что заслужить меня можно лишь поднявшись над собой. Ну и старались что-то изобрести, чтобы превзойти самих себя. Как-то вечером, когда у меня не было аппетита, — я нарочно клала в тарелку свои перчатки — в ту пору я жила только шампанским и искусством: хотела похудеть, — так вот Сальватор, огорченный, что я ничего не ем, велел у «Максима» подать ему сырую крысу и сожрал ее на моих глазах целиком.

Наш Дорогой Поэт. Боже, какое восхитительное безумие! Боже, как это величественно!

Коломба. И тогда вы согласились поесть, чтобы вознаградить его?

Мадам Александра. Да подите вы! Мне стало ужасно противно! Меня чуть не стошнило. Я

дала ему пощечину при всей публике и вышла из ресторана. Но самое забавное, что они поставили ему крысу в счет и взяли за нее пятьдесят франков!

Наш Дорогой Поэт. Если не ошибаюсь, это было в то самое время, когда Бонд Депэнглет поджег ради вас свой особняк?

Мадам Александра. Настоящий сумасшедший! Я протомила его целый год. Как-то мы с друзьями ужинали у него. Разговор зашел о Нероне. Я сказала, что восхищаюсь этим удивительным человеком, который, как никто, понимал красоту жизни. Я сказала, что будь я римлянкой я безусловно полюбила бы его. Депэнглет побледнел, поднялся, взял канделябр и молча поджег двойные шторы… Слуги хватают графины, бросаются тушить огонь. Он вытаскивает из кармана пистолет и грозит уложить каждого, кто тронется с места… А мы все бледные, стоим и глядим, как горят шторы… Когда пламя достигло потолка, я молча подошла к нему и поцеловала в губы… Слуги воспользовались этим и залили огонь. Только так и удалось отстоять здание.

Наш Дорогой Поэт *(восклицает).* Женщина! Вечная женщина!.. Превосходный, удивительный друг, ради которого мужчины готовы совершить

любое!.. В нашем скудном вялом мире есть, к счастью, такой огонь, как вы, дабы поддерживать пламя бескорыстной красоты!.. *(Спохватывается.)* Кстати, я вот о чем хотел вам сказать: я как раз иду от Леви-Блоха. Вы же знаете, он меня очень любит, я крестил его дочь. Есть у вас панамские акции?

Мадам Александра. Еще бы. Он и велел мне их купить.

Наш Дорогой Поэт. Так вот, великий друг мой, их нужно продать и срочно. Через неделю они упадут на шесть пунктов. А знаете, какие нужно покупать? Только это тайна, моя прелесть, давайте-ка подымемся к вам в уборную. Я там все расскажу. *(Уводя ее, продолжает вполголоса.)* Русские бумаги! Русские и скопом, если так можно выразиться! За две недели можно заработать на каждой акции по тридцать франков. Недурно, а, признайтесь?

Мадам Александра. И три процента?

Наш Дорогой Поэт. Ясно. А акции «Метро» Вы приобрели?

Мадам Александра. Вы верите в «Метро»? Это же химера.

Наш Дорогой Поэт. Нет. Но я верю Леви-Блоху. А он уверяет, что, если запастись терпением,

можно поживиться на акциях «Метро».

Ласюрет *(кричит им вслед).* Что же я в конце концов скажу им о любви, Наша Дорогая Мадам?

Мадам Александра. Вот пристал со своей любовью, болван! Вы же видите, мы говорим о серьезных вещах!.. Придете после репетиции.

Уходят.

Ласюрет *(вне себя).* Вот так так! А после репетиции будет уже поздно. Мадам приглашена на обед. А завтра в «Матен» они опубликуют вместо ее ответа ответ Режан, и кто будет болваном? — все тот же секретарь…

К концу этой сцены бесшумно входит Жорж в своих шлепанцах.

Жорж. Да бросьте вы, мсье Ласюрет. Сейчас не время их беспокоить, они о своих грошах говорят. Счастье будет, если репетиция в три начнется!..

Ласюрет *(уходя).* Что ж, прекрасно. Жди теперь до вечера!

Жорж *(Коломбе).* А какая, в сущности, разница. С деньгами вечная морока, кто бы их ни имел, и всегда так будет. Разве нет, мадам Жюльен? Вот я, к примеру, беру кошелек, кладу три франка, чтобы пойти на рынок, и остается у меня всего семь

су. Ладно, я все подсчитываю. Цветная капуста, кило мяса, морковь, четыре литра красного для старшего сына, четверть головки сыра бри — я люблю, когда он уже тронулся, эту роскошь я себе позволяю только после театра, — и по моим подсчетам у меня должно остаться тринадцать су! Пересчитываю — те же семь! А вот эти недостающие шесть су так из головы и не выходят. Я весь вечер только о них и думаю, прикидываю так и эдак. И совсем теряюсь, руки трясутся, того гляди, костюмы перепутаешь. А ей, публике, до этого и дела нет. Она в театр ходит, чтобы веселиться, она кровные денежки заплатила, ей лишь бы занавес вовремя подняли. А что у костюмерши неприятность, так ей все равно. Ох, и трудно порой приходится в театре! Мои соседки в Корбевуа мне завидуют: «Ах, какая у вас чудесная жизнь, мадам Жорж! Браво да бис, огни кругом сверкают, знакомства всякие». Если бы они только знали: все мы здесь рабы. Публике с потрохами принадлежим. А вам здесь по душе, мадам Жюльен?

Коломба *(погруженная в свои мечты).* О, конечно!..

Жорж. А вы не считаете, что спокойненько провести вечер с малышом и мужем, носки поштопать — все-таки самое лучшее?

Коломба *(вдруг вскрикивает).* Нет!

Жорж *(смотрит на нее, потом пожимает плечами и уходит; с порога).* Все мы на один лад! Жалуемся, а у самих это уже в крови. А вот и мсье Дюбарта пришел. Пойду погляжу, нужно ли гладить ей костюм музы. Конечно, музой нарядиться — чего лучше, но, когда она со своей толстой задницей встает со стула, вся юбка измятая. *(Уходит по направлению к уборной.)*

Входит донельзя благородный Дюбарта: широкополая фетровая шляпа, цветок в петлице, тросточка; волосы слегка засеребрились, но он по-прежнему вечно юн.

Дюбарта. Добрый день, деточка. Вы первая?

Коломба. Наша Дорогая Мадам уже здесь, мсье Дюбарта.

Дюбарта. Черт! Наша звезда, и вдруг такая точность! Что стряслось? А я нарочно пришел пораньше, чтобы с вами поболтать. Ну, как идет работа, справляетесь?

Коломба. Наша Дорогая Мадам говорит, что я делаю успехи.

Дюбарта. И у вас прелестно получается, детка, еще чуть неловко, но прелестно. Непременно зайдите ко мне после репетиции, мы поработаем

над вашей ролью.

Коломба. Правда, мсье Дюбарта?

Дюбарта. Четверть рюмочки портвейна, парочку бисквитов. Поболтаем. У меня миленькая гарсоньерка, вот увидите сами. Выдержана в марокканском стиле. *(Трепеща, приближается к ней.)* Я схожу с ума, детка. Я не спал всю ночь.

Коломба. Ночью надо спать, мсье Дюбарта.

Дюбарта. Куда там! Мне виделось, будто вы лежите на моей тигровой шкуре перед пылающим камином. Всю ночь я стонал, сжираемый адским пламенем. Чтобы забыться, я пил, чудовищно пил, прибегал к наркотикам. Ничего не помогло. Вы были рядом, а я не мог вас коснуться. Под утро я заснул разбитый, сжимая в объятиях пустоту… Мой камердинер обнаружил меня на полу перед потухшим камином.

Коломба *(ослепленная этой картиной).* У вас есть камердинер?

Дюбарта. Конечно. Марокканец, весь в белом. А на голове красный тюрбан.

Коломба. Как это, должно быть, красиво!

Дюбарта. За поясом у него кинжал — тоже марокканский — тончайшей чеканки. Он отвесит вам поклон, сложив на груди руки. Он будет прислуживать вам, как королеве, — молча.

Коломба. Он немой?

Дюбарта. Немой, как и все марокканцы, когда этого требуют обстоятельства. Приходите хотя бы из чистого любопытства… Я тоже оденусь марокканцем. Белый бурнус редчайшей красоты, подарок одного арабского бея. Я сяду на корточки, я замру и буду глядеть на вас из своего угла.

Коломба. Здесь вы тоже можете на меня глядеть, мсье Дюбарта.

Дюбарта *(подходит еще ближе).* Ты ищешь моей смерти, дитя? А ведь ты знаешь, что я жажду тебя так, как никто еще не жаждал, и если ты не будешь моей, я убью себя!

Коломба. Как вы могли полюбить меня так быстро?

Дюбарта. Уже давно я жду тебя!

Коломба. Правда?

Дюбарта. Я жду бесконечно долго! Моя жизнь, другие женщины — все это превратилось вдруг в какой-то необъяснимый сон, уже почти позабытый… И ты, ты тоже ждала меня, я знаю это. Ждала часов безумия, желания, которое сильнее смерти. Вот когда познаешь себя по-настоящему. Любил ли кто тебя с такой сатанинской силой? Бежал ли от него сон в те долгие ночи, когда ему виделся твой образ? Был ли он готов умереть

ради тебя?

Коломба *(смущенно).* Нет. Никогда.

Дюбарта. Значит, ты не знаешь, что такое быть любимой! Ты еще не была сама собой. Приди, и я открою тебе подлинную тайну женщины: видеть себя в чужих глазах. Пока мужчина, обезумевший от желания, не целовал следы твоих босых ножек на ковре, пока не служил тебе на коленях, как раб, ты сама не поймешь, кто ты такая…

Коломба. Но я вас почти не знаю, мсье Дюбарта.

Дюбарта. Разве я существую? Так ли уж нужно тебе меня знать? Вдыхай разлитое вокруг тебя мое желание, как пьянящие ароматы Африки! И будь сама собой, познай в себе силу этого желания, которое так обогащает женщину, возвеличивает ее.

Коломба. Жюльен тоже любит меня.

Дюбарта. Так, как я? Готов ли он умереть тут же на месте по одному твоему знаку? Кататься по земле, стенать, возможно, даже совершить преступление?..

Коломба *(тихо).* Нет. *(Вдруг.)* А вы съели бы ради меня сырую крысу, чтобы ко мне вернулся аппетит?

Дюбарта *(совершенно сраженный этим вопро-*

сом). Сырую крысу? Почему сырую крысу?

Коломба. Да так, это я выдумала. Мне хотелось знать.

Входит Дефурнет.

Дефурнет. Добрый день, наш дорогой великий актер!

Дюбарта. Добрый день, мой дорогой директор!

Дефурнет. Разве вы не знаете, что сегодня репетиция в костюмах? Александра уже оделась.

Дюбарта *(бросает на него хмурый взгляд и направляется к двери).* Иду. А вы тоже идете одеваться, детка?

Дефурнет. Ее выход только в пятом акте, она еще успеет. Я хочу поговорить с нею о контракте.

Дюбарта. Что ж, хорошо! Значит, до вечера? *(Уходит.)*

Дефурнет *(приближается к Коломбе).* После репетиции подымитесь на минуточку в мой кабинет. Четверть рюмочки портвейна, парочку бисквитов. Мы подпишем контрактик. Помните, я тогда раскричался, но это только так, для проформы. Само собой, я вам ваши семь франков платить буду. Вам было бы приятно получить небольшой аванс?

Коломба. Конечно.

Дефурнет. Тогда подымитесь ко мне после репетиции. И не стоит сообщать об этом мадам Александре, знаете, она чуточку прижимиста. А зато я, как настоящий папаша, люблю побаловать людей. Со мной легко поладить.

Коломба. Спасибо, мсье Дефурнет, вы очень любезны.

Дефурнет. Не со всеми, не со всеми. Скажите, крошка, до меня дошли слухи, что у вас нет другого платья, кроме этого?

Коломба. Да.

Дефурнет. Постараемся помочь беде. У меня есть портной, который делает мне скидку… Что вы скажете о весеннем костюмчике светло-коричневого цвета? Этот цвет сейчас как раз в моде… Так и вижу вас в коричневом костюмчике, и только на шляпке что-нибудь зеленое.

Коломба. Нет-нет, лучше уж меховую шапочку и такое же манто. Я только что встретила на улице Риволи даму в меховом манто. Такая красота!

Дефурнет *(несколько удивленный этим требованием).* Ну ладно, сойдемся на скромной меховой опушке. На днях съездим вдвоем, посмотрим.

Коломба. Только с моими семью франками мне никогда такой суммы не накопить!

Дефурнет. Как-нибудь уладим, уладим. Но,

помните, это наша тайна.

Коломба. Какой же вы добрый, мсье Дефурнет!

Дефурнет. В театре обо мне разное говорят, но, в сущности, вы правы, думается, что я действительно добрый. Вы, значит, заглянете ко мне в кабинет, решено.

Входит, виляя задом. Наш Дорогой Поэт.

Наш Дорогой Поэт. Где она, где она, моя маленькая муза?

Дефурнет *(ледяным тоном).* Здесь она. Со мной.

Наш Дорогой Поэт. А знаете, Дефурнет, я уже не могу обходиться без нее. Знаете, что эта малютка меня вдохновляет? Нынче ночью я написал для нее еще шесть строк.

Коломба. Шесть строк? Специально для меня?

Наш Дорогой Поэт. Шесть двенадцатистопных строк для вас, очаровательная Коломба! И думается, что это лучшее, что я когда-либо создавал… Вы видите перед собой человека, который из-за вас всю ночь не сомкнул глаз.

Коломба. И вы тоже? Оказывается, в этом театре никто не спит.

Наш Дорогой Поэт. Что значит — и я тоже?

Дефурнет *(желчно).* Послушайте, Робине, вы

знаете, что пьеса и без того длинная. Сколько же можно ее еще растягивать!

Наш Дорогой Поэт. Дорогой мой директор, но наша крошка будет гвоздем спектакля! Я могу сделать для нее монолог даже в двадцать пять строк: публика не устанет ее слушать.

Дефурнет. И все-таки, все-таки!.. Она дебютантка, а пятый акт…

Наш Дорогой Поэт. Замолчите вы. У нее огромный талант! Можете положиться на мое чутье. Впрочем, я сам поработаю с ней над ролью, и этим все сказано. Не заглянете ли вы ко мне после репетиции, крошка? Четверть рюмочки портвейна, парочка бисквитов, и мы неплохо поработаем. У меня карета, я вас подвезу.

Дефурнет. После репетиции? Не выйдет. У нее как раз свидание.

Наш Дорогой Поэт. Так она его отменит. У нас двадцать второго премьера. Это дитя должно работать, Дефурнет. Работа прежде всего!

Дефурнет. Но так или иначе, она должна подписать контракт!

Наш Дорогой Поэт. Ба! Минутное дело! Пойдите и принесите его!

Дефурнет. Контракт еще не готов.

Наш Дорогой Поэт. Дефурнет! Ведь речь идет

о судьбе пьесы! Двадцать второго премьера, а у нее важная роль, после репетиции она пойдет ко мне!

Входит Арман.

Арман *(с улыбкой прислушивается к их спору).* Сейчас я вас всех помирю. Так как Коломба не может появиться на сцене обнаженная, о чем мы все весьма сожалеем, и так как только после репетиции можно сделать примерку, я ее похищаю. У нас, господа, назначена встреча с костюмером… *(Поглядывая на них с улыбкой.)* Если вы действительно не хотите сорвать премьеру…

Дефурнет. Ну ладно. Увидимся завтра, мадемуазель. *(Уходит.)*

Наш Дорогой Поэт. Все-таки как печально, что любой пустяк важнее текста!

Арман *(все с той же улыбкой).* Наш Дорогой Поэт, вас мама зовет.

Наш Дорогой Поэт *(ему ужасно не хочется уходить).* Но, милый мой, я только что от нее.

Арман. За это время она успела решить, что ваш финал слишком длинен.

Наш Дорогой Поэт *(подскакивает).* Как так длинен? Но она же целую неделю его зубрит. Там же теперь осталось всего четыре строки.

Арман. Так или иначе, по здравому размышлению она хочет оставить только последнюю строчку.

Наш Дорогой Поэт. Только последнюю? Всего одну строчку? Но ведь тогда рифмы не будет?

Арман. Этого уж я не знаю. Я не поэт.

Наш Дорогой Поэт. Все имеет свои границы! Кто, скажите на милость, автор этой пьесы?

Арман. Говорят, что вы…

Наш Дорогой Поэт *(как безумный бросается прочь, кричит).* Ах, вот как, тогда я снимаю ее с репертуара. Увидим, как она пойдет двадцать второго! *(Уходит.)*

Коломба *(после его ухода).* Какой ужас! Что же теперь будет?

Арман. Успокойтесь. Ровно ничего. Вы еще не знаете, что такое театр. Сделает купюры, только и всего. Самое главное, что я спас вас от этих двух престарелых мотыльков. *(Смотрит на нее.)* Ну как, забавно?

Коломба. Что именно?

Арман. Мужчины!

Коломба. Да, очень. Вертятся вокруг и таращат глаза. Уверяют, что не спали всю ночь.

Арман. Кто это не спал всю ночь?

Коломба. Мсье Дюбарта и Наш Дорогой Поэт…

Арман. А этот хам, Дефурнет, конечно, спал?

Коломба. Да… Но он хочет дать мне аванс. И весенний костюм светло-коричневого цвета.

Арман. Значит, ваш выбор сделан?

Коломба. В отношении костюма — да. Коричневый цвет — это так мило.

Арман. Не стройте дурочку… В отношении дарителей?

Коломба. Но лишь он один хоть что-то предлагал, двое других — только бессонницу и четверть рюмочки портвейна…

Арман. А как раз самый уродливый предложил костюм? Так оно всегда и бывает. Ну, довольно глупостей! Вы же знаете, что именно я хранитель чести.

Коломба. Какой чести?

Арман. Семейной. Мне полагалось бы по чину надавать пощечин всем троим. Но потом пришлось бы стреляться — шесть пуль и все в воздух, — это уж чересчур для одного человека. Сжальтесь надо мной.

Коломба. Но у них самые прекрасные намерения. Они только хотят работать со мной над ролью.

Арман. И они туда же? Другого ничего не могли изобрести? Нет, воображения им явно не хва-

тает.

Коломба. А ведь вы тоже предложили мне прийти к вам работать над ролью.

Арман. Да, но мною руководила любовь к театру. Я хочу подготовить вас в консерваторию. И доказательство — я не предложил вам даже четверть рюмочки портвейна.

Коломба. Я заметила. Вчера я просто умирала от жажды.

Арман. Только рукопись пьесы, только столовая в готическом стиле, даже не присели! Не то чтобы я был монах, но рюмочка портвейна на диване среди подушек, сидя бок о бок с вами, боюсь, это было бы для меня чересчур!

Коломба. Я не понимаю, что вы имеете в виду.

Арман. А я понимаю. И очень хорошо. Когда я развлекаюсь, я развлекаюсь. Но когда я берегу семейную честь, я берегу ее всерьез.

Коломба. Раз мы идем вечером к костюмеру и я не смогу, как обычно, зайти к вам, давайте лучше прорепетируем пока сцену здесь, вместо того чтобы болтать всякую чепуху. Вы же знаете, что экзамен через две недели.

Арман. Давайте, золотце. Пьеса при мне, я с ней не расстаюсь ни на минуту.

Они убирают ненужные предметы, ставят два

стула для репетиции.

Коломба. Может быть, вам скучно проходить со мною роль?

Арман. Чудовищно скучно.

Коломба. Если вам действительно слишком скучно, я могу попросить мсье Дюбарта. Думаю, что он-то не соскучится.

Арман. Еще бы, душенька, ему скучать. Ну, давайте! Возьмем конец, он вчера решительно не шел. А потом прогоним всю роль. *(Садится.)*

Коломба *(подходит к нему).* «А если, сударь, я скажу, что люблю вас?»

Арман. «Я не поверю».

Коломба. «А если я скажу, что очень страдаю?»

Арман. «Да полноте, с такими глазками и страдать!»

Коломба. «Откуда вам знать, что говорят мои глаза, если вы ни разу не заглянули в них».

Арман *(встает, заключает ее в свои объятья).* «Ну вот, я гляжу в них!»

Коломба *(выдерживает его взгляд, потом стыдливо отворачивается).* «О сударь, не заглядывайте так глубоко, прошу вас, а то я покраснею».

Арман *(декламирует, впрочем, довольно фальшивым тоном).* «Девочка, маленькая девочка…

Тебе захотелось поиграть в любовь. И ты сама попалась в западню, и ты удивляешься, впервые познав самое себя. И ты трепещешь в преддверии поцелуя. Ибо ты знаешь, дитя, что сейчас я завладею твоими губами, скажи, ведь ты тоже, как и я, сгораешь от желания поцелуя?»

Коломба *(роняет голову ему на плечо, шепчет).* «О да, граф».

Арман *(глядит на ее голову, прильнувшую к его плечу, потом вздыхает уже не по-театральному).* Здесь он ее целует. *(Читает в тетрадке через голову Коломбы.)* «Лошадей! Лошадей! Карету! Эй, баск! Шампанского! Люди! Люди! Сюда! Завтра я буду в Версале и припаду к стопам короля…». И так далее и тому подобное.

Коломба *(не меняя позы).* Сегодня лучше, чем вчера?

Арман *(приподнимает ее лицо за подбородок).* Мой ангел, вы дьявол. Где вы всему этому научились?

Коломба. Просто я говорю так, как чувствую. Значит, играть пьесы не так-то уж трудно?

Арман. Для вас — да, надо полагать. Раз вы играете так хорошо, вы, очевидно, воображаете себя в объятиях Жюльена?

Коломба. О нет, нет! Он, бедняжка, никогда не

говорил мне таких слов.

Арман. Может быть, в объятиях Дюбарта?

Коломба. Нет.

Арман. Но все-таки вы сами чувствуете себя Коломбой?

Коломба. Да. Другая Коломба, которая любит графа, как написано в пьесе.

Арман. Стало быть, когда мы с вами будем проходить сцену прощания, вы почувствуете себя очень несчастной?

Коломба. Не по-настоящему. Но все-таки мне захочется заплакать настоящими слезами.

Арман. Жюльен уже доводил вас до слез?

Коломба. Иногда.

Арман. Когда вы плачете по ходу пьесы, вы о тех слезах думаете?

Коломба. О нет! Эти совсем другие.

Арман. Но катятся они так же?

Коломба. За тем лишь исключением, что в глубине души я не чувствую себя по-настоящему грустной.

Арман. Значит, когда вы плачете из-за Жюльена, вы чувствуете себя по-настоящему грустной в глубине души, как вы выражаетесь?

Коломба. Разумеется, ведь это же в жизни!

Арман. А вы уверены, что при нем вы никогда

не плакали, ни одного раза не плакали, не будучи по-настоящему грустной в глубине души? Подходящий случай всегда подвернется.

Коломба *(недоверчиво).* Почему вы об этом спрашиваете?

Арман. Просто хочу расширить свои познания, мой ангелок. Не могу поверить, что, обладая такой прелестной способностью плакать по заказу, вы никогда не пытались этим воспользоваться.

Коломба. Значит, вы считаете меня лгуньей?

Арман. Какое противное слово! Надо быть наивным глупцом, моя дорогая, чтобы применять к женщине это слово. Или же надо, чтобы женщина пошла на грубое и глупое искажение истины… Но ведь истина для женщины — это нечто столь хрупкое, столь зыбкое, столь многогранное. Надо быть таким бревном, как Жюльен, чтобы воображать, будто истина — это обнаженная дама, которая выходит из колодца с карманным зеркальцем.

Коломба *(резко).* Мне неприятно, когда вы плохо говорите о Жюльене.

Арман. Почему?

Коломба. Потому что он настоящий мужчина.

Арман. Знаю, знаю, душенька. И женщины обожают настоящих мужчин… Без них они не могут

играть свою игру. А вот с таким шалопаем, как я, все эти великолепные качества бесполезны… Признайтесь же, что это было бы скучно! Но как вы там ни играйте с настоящим мужчиной, вы убедитесь, что приятно и другое…

Коломба. Что именно?

Арман. Такие мужчины, как я. Те, которые знают, что к чему… Можно на минутку сложить оружие, шлепать в ночных туфлях… Не ходить вечно с оскорбленной миной, а смеяться, когда захочется… Как, должно быть, обременительно вечно быть женщиной! Я вам говорю это только потому, что мы здесь все свои!

Коломба *(хохочет).* Вы ужасны, Арман!

Арман *(тихо).* Не ужаснее вас, душенька! *(Отходит.)* Ну, давайте повторим в последний раз эту сцену, пока еще наши знаменитости не явились.

Коломба. Как вам угодно. *(Становится на место.)* А если Дюбарта застанет меня в ваших объятиях?

Арман. В любом случае пощечину ему дам я.

Коломба *(начинает).* «А если, сударь, я скажу, что люблю вас?»

Арман. «Я не поверю».

Коломба. «А если я скажу, что очень страдаю?»

Арман. «Да полноте, с такими глазками и стра-

дать!»

Коломба. «Откуда вам знать, что говорят мои глаза, если вы ни разу не заглянули в них».

Арман. «Ну вот, я гляжу в них». *(Встает, заключает ее в свои объятия и вдруг шепчет.)* Демон! Скверный маленький бесенок! *(Смущенно разжимает объятия; как-то по-детски мило — эта детскость еще отчасти сохранилась в нем вопреки цинизму.)* И все-таки постараемся не причинять слишком сильной боли Жюльену.

Стоят рядом, не смея взглянуть друг на друга.

Занавес

Действие третье

Коридор, куда выходят артистические уборные, тот же, что и в первом действии, но публике он виден с другой стороны. Дверь уборной мадам Александры теперь в левой кулисе, а уборная Коломбы выходит направо.

Мадам Жорж сидит на стуле в коридоре на том же самом месте. Жюльен шагает по коридору взад и вперед. Он в военной форме — в ярко-синей шинели с отогнутыми полами, в красных солдатских штанах, в кепи с помпоном, с винтовкой.

Жюльен. *(открывает дверь уборной).* Это ее уборная?

Жорж. Да.

Жюльен *(захлопывает дверь).* И дома тоже никого нет.

Жорж. Нужно же было явиться без предупреждения! Вас не ждали, мсье Жюльен.

Жюльен. Нам дали отпускную на двадцать четыре часа, потому что у нас генерал сменяется. Я не успел предупредить.

Жорж. Ну вот видите! А новый помягче прежнего будет?

Жюльен. Думаю, один другого стоит.

Жорж. Только не дерзите ему, мсье Жюльен. Надо со всеми говорить вежливо.

Жюльен. Успокойся, Жорж. Солдату весьма редко выпадает случай быть невежливым с генералом.

Жорж. А все-таки не следует быть смутьяном. Когда встретитесь с ним, мсье Жюльен, непременно снимите кепи.

Жюльен. Богатая мысль! Да он велит меня расстрелять.

Жорж. Неужто они такие строгие? С вами никогда не знаешь, на смех вы говорите или нет.

Жюльен. И с ними тоже. Лучше уж я буду отдавать ему честь по всей форме. А она даже обедать не приходила?

Жорж *(машет рукой).* Сами знаете, какая у актеров жизнь. Трудно своим временем располагать.

Жюльен. В доме была какая-то женщина. Золовка консьержки, которой она платит, чтобы та вечерами присматривала за малышом.

Жорж. Значит, мсье Жюльен, беспокоиться вам нечего, у ангелочка все, что нужно, есть. Тут уж ничего не скажешь — мадам Жюльен

прямо образцовая мать: все свои гроши на него тратит. Вот недавно купила ему бурнусик шелковый с ручной вышивкой, должно быть, франков шестьдесят отдала! А вы знаете, ей жалованье повысили!

Жюльен. Уже?

Жорж. Теперь платят десять франков в день. Надо сказать, что в репризе у нее теперь роль куда длиннее: целых двадцать три строчки. Для дебюта прекрасно! Сколько всего произошло за эти три месяца, что вас не было!.. Мадам Жюльен вам писала?

Жюльен. Не слишком часто.

Жорж. Сначала «Женщина и змея», ну и провал был, ужас! Мсье Наш Дорогой Поэт с горя захворал. Они с Мадам такого друг другу наговорили… Я прямо со стыда сгорела! Такие люди, знаменитости, и чтобы подобные гадости говорили, просто не верится… В конце концов они подрались в ее уборной, как грузчики. Она ему закатила оплеуху, а мсье Наш Дорогой Поэт сорвал с нее парик! И все-таки пьеса выдержала только тридцать представлений. Я ему говорила: слишком уж много переодеваний в вашей пьесе. Да разве костюмершу послушают… А главное — я на репетициях не плакала. А раз я не плачу, редко когда пьеса

хорошо проходит. В конце концов они все-таки помирились. Мсье Наш Дорогой Поэт и Мадам решили отыграться на ихней «Маршальше любви». Когда у них что проваливается, они всегда «Маршальшу» ставят, потому что уж очень она большой успех имеет. Только три переодевания, зато все костюмы в стиле Людовика Пятнадцатого. А такой костюм меньше чем за десять минут не приладить.

Жюльен. Она всегда приходит с запозданием?

Жорж. Кто?

Жюльен. Коломба.

Жорж. У нее выход в начале первого акта, так что не запоздает. Разве что мсье Арман повез ее обедать и доставит в карете в последнюю минуту.

Жюльен. Арман возит ее обедать?

Жорж. Иногда возит бедняжку. Или мсье Дюбарта. Редко бывает, чтобы первый любовник был таким любезным с дебютанткой. А уж он тем паче, он панибратства не терпит. Зато с ней, ну, чисто мед. Да и Наш Дорогой Поэт тоже: вечно цветы, комплименты, будто она первые роли играет. И мсье Дефурнет тоже, даже он с ней вежливо обращается. Нет, худого о них ничего не скажешь! Так они с ней все мило обходятся!

Жюльен. Правда?

Жорж. Само собой. Видят, бедная молоденькая дамочка, да еще муж у нее уехал, как же такую не пожалеть! Вот и стараются ее развлекать. У них доброе сердце, ничего не скажешь!

Жюльен. Надо полагать!

Жорж *(подходит к нему ближе).* И потом, между нами говоря, мсье Жюльен, главное, они это ради вас делают. Чтобы вы не тревожились, что она одна. Ох, и любят они вас, хоть и характер у вас скверный. Достаточно посмотреть, как они с мадам Жюльен обходятся, и сразу видно — потому что вас очень любят.

Ласюрет *(кричит, появляясь в конце коридора).* Через десять минут начинаем!

Жорж. Ох, матушки! А Мадам еще нету. И мадам Жюльен тоже.

Ласюрет. Знать ничего не желаю! Я выполняю свои обязанности. И по ресторанам не обедаю. *(Кричит.)* Через десять минут начинаем! *(Замечает Жюльена и сразу меняется в лице.)* А-а, мсье Жюльен. Какой сюрприз. Значит, вас отпустили?

Жюльен. Да, ты же сам видишь.

Ласюрет. Красивая жизнь пошла теперь во французской армии! Гуляют когда хотят. Не то что в мое время! *(Одновременно робко и при-*

творно благодушно.) Значит, явились подышать театральным воздухом, мсье Жюльен?

Жюльен. Да. *(Пауза.)* Я получил твое письмо, Ласюрет.

Ласюрет *(слегка побледнев, хихикает).* Ах вот как, уже получили, мсье Жюльен.

Жюльен. Вчера вечером.

Ласюрет *(помолчав, почти беззвучно).* До чего же хорошо работает почта, даже не верится!

Жюльен. Спасибо, что написал.

Ласюрет *(хихикает, глазки его бегают).* Не за что, просто последние новости театральной жизни! Я полагал, что вам лучше быть в курсе дела.

Жюльен. Да. Пять минут у тебя есть? Давай зайдем в кафе, пропустим стаканчик.

Ласюрет. Сейчас? Дело в том, что скоро начнется спектакль. Да и мне надо переодеться, нынче вечером я играю маршала Вилардье во втором действии… Трулазак сломал себе руку.

Жюльен *(берет его за локоть).* Тогда зайдем сюда. Это ненадолго.

Ласюрет. Пожалуйста, я зайду, но предупреждаю, это ее уборная.

Входят в уборную Коломбы. Издали доносится крик: «Жорж!»

Жорж *(Семенит по коридору).* Вот и мсье Дюбарта.

Дюбарта *(появляется на пороге своей уборной в марокканском бурнусе и в кальсонах, продолжая гримироваться).* Принеси мне сорочку. Крошка пришла?

Жорж. Еще нет, мсье Дюбарта. А знаете, какой приятный сюрприз: они дали отпуск мсье Жюльену на целых двадцать четыре часа!

Дюбарта. У, черт!

Жорж. Я уже ему сказала, как вы во время его отсутствия были милы с мадам Жюльен. Он, бедняга, даже растрогался! Чуть не заплакал. *(Закрывает дверь уборной.)*

Дальнейшего разговора не слышно.

Жюльен *(в уборной Коломбы ждет конца их диалога; внезапно хватает Ласюрета за отворот пиджака).* Кто он?

Ласюрет. Ах вот оно что! Уже началось, мсье Жюльен. Слишком большая роскошь сразу же войти в роль, да еще так уверенно. Эта роль — роль рогоносца — трудная и не всем удается, этому надо учиться.

Жюльен. Говори, или я уложу тебя на месте!

Ласюрет. Вот так сразу? Все вы на один лад!

Уложу, убью, а кого — не важно! Ох уж эти мне дебютанты… Роль рогача, мсье Жюльен, не такая-то простая, это серьезная роль, в ней десятки нюансов. Тут целый ритуал существует, вроде бы балет. Шаг вперед, шаг назад, пируэт, передышка, чтобы собраться с силами; шаг вперед, шаг назад, пируэт. И не надейтесь, пожалуйста, сразу влезть в шкуру рогача, — это целое искусство.

Жюльен *(хватает его за горло).* Я тебя удушу, если не скажешь!..

Ласюрет. Ерунда! А дальше что? Что вам это даст? Да вы просто статист… Хотите показать самому себе и публике свое мужское достоинство… Пустой номер! Да не давите так, мсье Жюльен! Не давите, это ни к чему. Во всяком случае, не я… Я слишком уродлив. Хоть в этом вы можете быть уверены.

Жюльен отпускает его.

(Приводит свой туалет в порядок.) Не пожимайте плечами. Хоть в одном вы убедились, а это уже немало. Ведь с каждым днем будет все меньше вещей, в которых вы сможете быть уверены.

Жюльен. Почему ты послал мне письмо?

Ласюрет. Потому что я человек чувствительный. Мне было горько. Я вас очень люблю.

Жюльен. И не можешь назвать мне имя?

Ласюрет. Нет.

Жюльен. С кем она обычно выезжает?

Ласюрет. Ага, начинается! Приятно слышать. Образцовый рогоносец обязан действовать методически. Это азбука его ремесла. К сожалению, мои скромные сведения вряд ли вам помогут. Просто наперсник в трагедии. И только. Интуиция, озарение — все это должно идти от вас. *(Пауза.)* Их четверо.

Жюльен *(вздрагивает).* Четверо?

Ласюрет. Возможно. Но полной уверенности нет. Чего захотели! Арман, Дюбарта, Наш Дорогой Поэт, да-да-да, из Французской академии, и даже сам мсье Дефурнет, директор. Весь цвет театра… Если угодно, пренебрежем парикмахером, хотя он причесывает ее чаще, чем то требуется. Впрочем, такой тип мужчины нравится дамам. Хорошо развитая мускулатура — обстоятельство немаловажное.

Жюльен. От него воняет.

Ласюрет. Хищным зверем. А это тоже со счета не скинешь. Дамам нравится… Основная аксиома: рогоносец должен отказаться от собственного нюха, от собственного зрения. Слепо доверяясь своим мужским представлениям, он может сбить-

ся со следа. Большинство рогоносцев топчутся на месте, ибо почему-то уверены, что любовник жены обязан прийтись по вкусу и мужьям.

Жюльен. Значит, с парикмахером пять?

Ласюрет. Не надо так пугаться. Я знавал одного капитана, которым подозревал всю свою роту. Вообразите, каково приходится обманутым полковникам!

Жюльен. Я убью всех пятерых!

Ласюрет. Это выполнимо, но слишком суммарно. Предположим даже, что настоящий любовник попадет в число этих пятерых, никакого удовлетворения вы не получите. Трагедия рогоносца — это, в сущности, человеческая трагедия, желание знать. А стрельба — это уже позже. Стрельба — это роскошь. Прежде всего знать.

Жюльен. Когда она придет, я сам спрошу ее.

Ласюрет. Милый юноша! Никак не расстанется со своими иллюзиями! Но в таком случае можете быть уверены — вы никогда ничего не узнаете.

Жюльен *(со стоном).* Но Коломба любит меня, любит!

Ласюрет. Возможно. Но только не думайте, что это упростит ваш случай.

Жюльен. Я, как последний идиот, оставил ее одну в этой растленной среде! Одну, беззащит-

ную, как птичку…

Ласюрет. Да, но орнитологи смогут вам подтвердить, как трудно по-настоящему постичь птичьи нравы.

Жюльен. Что ж тогда делать?

Ласюрет. Вы преуспеваете в благоразумии. Прежде всего воспользоваться советом бывалых людей. А совет вам крайне нужен в том странном мире, который в скором времени пышно расцветет вокруг вас… Вот сейчас она войдет, улыбнется, поцелует вас и — берегитесь! — все вдруг покажется вам вполне естественным, даже слишком естественным… Жизнь рогоносца становится причудливой: совпадения, удары судьбы прямо так и кишат, не сравнить ни с чьей другой жизнью. Письма, которые вообще не доходят пли доходят слишком быстро, телефонные звонки, когда на том конце провода никто не отвечает, какие-то еще вчера незнакомые вещицы, обнаруженные сегодня на комоде, друзья, с которыми вы не виделись лет десять и которые стараются удержать вас у себя целый вечер. Словом, все, что в обычной жизни хранит некий налет тайны, все, что необъяснимо, вдруг становится абсолютно ясным. Все, слышите, все будет разъяснено вам в подробностях! С научной, математической,

шерлок-холмсовской точностью, и как бы вы ни бились, все алиби будут безупречны! До гнусности безупречны. И тогда вы попались! Жизнь, честная жизнь была разумно-загадочной, отныне она будет самым непостижимым образом давать ответы на все. Но берегитесь! Каждый такой ответ обернется для вас новыми вопросами. Попались! Как крыса! Тут уж не вырвешься! Служащий газовой компании, который явился слишком рано поутру, будет уже не просто служащим, а новым вопросом; шляпка, которую она себе купила накануне, — тоже новый вопрос; песенка, которую она мурлычет, — тоже вопрос; ее молчание, цвет ее губной помады — еще один вопрос. А вопросы, они, как ожерелье из жемчуга, — жемчужины нанизываются друг за другом, сплетаются, как японские игрушечные цветы. И нет никаких причин где-то сделать передышку. Вы превратитесь в живой вопрос с двумя крылышками, станете огромным вопросительным знаком, и этот знак вопроса будет неутомимо жужжать и появляться в самые неподходящие моменты.

Жюльен. Нет, я ни о чем ее не спрошу!

Ласюрет. Спросите! И когда вы перестанете задавать ей вопросы — это будет еще не конец. Вы начнете задавать вопросы самому себе. Будете

сомневаться во всем, и под конец поверите, что, может быть, все это вы выдумали сами, вплоть до того дня, дня гала-представления, — а он неизбежно наступит, — когда вы, стоя в одиночестве перед зеркалом, спросите себя, как последний дурак, уж не ваша ли, в сущности, это вина и не сами ли вы этого захотели. Вот в этот-то день вы и дозреете — станете настоящим рогачом. А не просто обманутым муженьком третьего сорта. И лежала или нет мадам Коломба в чужой постели, станет уже несущественной деталью. *(Прислушивается.)* Тише. Вот она! Теперь одно из двух, мсье Жюльен: или я буду вам помогать, ежели вы этого хотите, и вы будете меня слушаться, или же барахтайтесь в этом болоте без меня.

Жюльен. А что делать?

Ласюрет. Прежде всего спрятаться. Вторая аксиома — прятаться всегда и везде! Рогоносец должен видеть все, но сам обязан быть невидимым.

Жюльен растерянно оглядывается. Голоса приближаются.

Жюльен. А куда?

Ласюрет *(распахивает шкаф и заталкивает туда Жюльена).* Да в шкаф же, как все рогонос-

цы!.. Можете пока вдыхать аромат ее платьев. Это напомнит вам счастливые времена. *(Запихнув Жюльена в шкаф, поспешно выходит в коридор, кричит.)* На сцену, на сцену! Первое действие начинается.

Стремительно входит мадам Александра в сопровождении своей свиты.

Мадам Александра. Да не орите вы, болван! Подымут занавес, когда я буду готова! Вы опять нынче вечером заменяете Трулазака?

Ласюрет. Да, Наша Дорогая Мадам.

Мадам Александра. Веселенькие дела! *(Исчезает в своей уборной.)*

Входит Коломба.

Коломба *(кричит).* Где он? Где же он? *(Заглядывает в свою уборную, там никого нет, снова кричит.)* Жорж! Жорж! Где Жюльен? *(Снова входит в уборную и видит вылезающего из шкафа Жюльена. Бросается в его объятия с криком.)* Дорогой мой! *(Смотрит на него.)* Откуда ты взялся?

Жюльен. Из шкафа.

Коломба. А зачем ты залез в шкаф?

Жюльен. Чтобы тебя разыграть.

Коломба *(прижимая его к себе так, что он еле*

дышит). Дорогой мой! Какое счастье! Если бы ты только знал! Как бесконечно долго тянулась наша разлука.

Жюльен *(тихо).* Еще дольше, чем тебе кажется.

Коломба. Но ты был все время занят! Тебе было что делать. Учение, стрельба, кругом марш по всей форме, отдавать честь офицерам… А твоя маленькая женушка была совсем одна и ждала тебя. Как хорошо! До чего же хорошо! И какой красивый получился из тебя солдат! Прямо генерал!

Жюльен. Пока еще не генерал. Но все-таки повезло — синий цвет мне к лицу.

Коломба. Они хоть собираются повышать тебя в чине?.. Я знаю… словом, Наша Дорогая Мадам знает кое-кого из министерства… Можно было бы им написать…

Жюльен. Спасибо.

Коломба. Они здорово тебя гоняли, милый? Садись. Садись сейчас же. Ты, должно быть ужасно устал. *(Садится к нему на колени.)* Сколько они заставляют вас проходить за один раз?

Жюльен. По двадцать рять километров.

Коломба. Но на обратном пути разрешают ехать в трамвае?

Жюльен. Нет.

Коломба. И вам приходится самим следить за своим бельем и возиться с хозяйством?.. Ну и жизнь! Понятно, что у тебя не хватало времени думать обо мне!

Жюльен. Напротив. Я думал о тебе все время.

Коломба. Все так говорят! Но когда вас, мужчин, сгоняют вместе, вы только и думаете, как бы поболтать о разных гадостях. О милый, все эти ночи без меня… Правда, ведь кровать казалась тебе ужасно широкой?

Жюльен. Она, знаешь ли, узенькая.

Коломба. Вот видишь, для тебя это просто каникулы. Как говорится, свалил тяжесть с плеч. Все-таки передышка, снова почувствуешь себя свободным, молодым! Тем хуже для твоей бедной женушки, которая проводит все ночи одна, а если замерзнет, кладет в постель грелку. Какие же все-таки мужчины эгоисты!

Жюльен. А как малыш?

Коломба. Хорошо! Нравится тебе мой коричневый костюмчик?

Жюльен. Очень красиво, но, должно быть, дорого стоит.

Коломба. Нет-нет. Почти совсем задаром. Я нашла тут одну портниху, которая делает мне скидку и шьет в кредит. Впрочем, знаешь, я

теперь много зарабатываю. Могу даже тебе переводить небольшие суммы, чтобы ты в Шалоне немного покутил. А ты пропьешь их с девочками! Знаем мы вас! Мужчины потому так и дорожат военной службой, что могут избавиться от нас. Твой Дерулед, который требует увеличения сроков военной службы до трех лет, очевидно, ужасный бабник, хуже всех других — вот в чем секрет!

Жюльен. В Шалонском лагере, знаешь ли, не так уж много девиц.

Коломба. Знаю. Знаю. Я нарочно наводила справки: вам иногда дают увольнительную на ночь. Воображаю, что вы там вытворяете! Уверена, что ты меня обманывал. И не говори нет, все равно солжешь.

Жюльен. Представь, нет. *(Естественным тоном.)* А ты, Коломба?

Коломба. Я, дорогой, я? Не смеши меня! У меня и времени бы не хватило! Знаешь, в новой пьесе у меня двадцать пять строк. Ужасно много работы. А ты пойдешь в зал, похлопаешь мне? Увидишь меня в костюме маркизы. И не узнаешь своей жены. Мне будет ужасно страшно, что ты в публике! О миленький мой, любимый, как хорошо, что ты приехал. А вид у тебя прекрасный.

Жюльен. Да.

Коломба *(целует его и встает с его колен).* А все-таки хорошо не видеться некоторое время, потом особенно приятно встретиться. Разреши, я переоденусь. Сейчас подымут занавес. Я опаздываю. *(Скрывается за ширмами.)*

По мере того как она переодевается, то и дело мелькает ее обнаженная рука, развешивающая одежду на ширме.

Голос Коломбы. А на сколько тебя отпустили?

Жюльен. На двадцать четыре часа.

Голос Коломбы. Только на двадцать четыре? А нельзя ли сказать, что ты опоздал на поезд?

Жюльен. Нет.

Голос Коломбы. Но, дорогой, это же ужасно! И как назло именно сегодня вечером меня пригласили ужинать очень влиятельные люди — они могут быть мне полезны, но сейчас это слишком долго объяснять, — а завтра днем у меня репетиция!

Жюльен. Не ходи с ними ужинать, чего же проще.

Голос Коломбы. О Жюльен, миленький, это невозможно! Речь идет о всем моем будущем!

Жюльен. И о моем тоже. А будущего солдату, да

было бы тебе известно, отпущено немного.

Голос Коломбы. Не говори глупостей. Тебе еще дадут увольнительную, а мне, возможно, другого такого случая не представится. Речь идет об очень влиятельных людях, которые могут устроить мне контракт в «Фоли-Бержер». Там нужна молоденькая актриса моего амплуа, которая бы изображала налог на прибыль в ближайшем ревю… Но, милый, я буду совсем одетая, иначе я бы не согласилась даже попробовать. «Налог на прибыль», сам понимаешь, что это такое! Говорят, на меня наденут меха стоимостью в две тысячи франков, а обнаженной будет только нога. Нога — это же пустяки. Пойми, это не имеет ничего общего с девчонками, которых нанимают, чтобы они показывали груди.

Жюльен *(встает и вдруг кричит).* Не смей говорить обо всей этой грязи! Сегодня вечером, Коломба, мы пойдем домой.

За ширмами молчание.

Голос Коломбы *(после паузы).* Ну ясно, не успел вернуться и уже кричишь.

Жюльен *(кричит).* Кричу и буду кричать! Да, буду и вдобавок еще все разнесу, если понадобится. Но, клянусь, так это тебе не сойдет!

Коломба *(выходит из-за ширмы полуголая, в панталончиках и корсете, и, скрестив руки на груди, невинно).* Но в чем дело, дорогой?

Жюльен *(кричит, он нелеп).* Ты отлично понимаешь, что я имею в виду! Не разыгрывай оскорбленную невинность.

Коломба *(ясно глядя на него).* Да нет, милый, я ничего не понимаю.

Дюбарта полуодетый выходит из своей уборной и стучит в дверь Коломбы.

Дюбарта. Тук! Тук! Тук! Ты здесь, кошечка? Я хотел тебя предупредить, что надо быть очень осторожной. *(Приоткрывает дверь и видит Жюльена.)* О, простите!..

Жюльен. Пожалуйста.

Дюбарта. Ну как, удачно проводите отпуск?

Жюльен. Да.

Дюбарта. Браво! А ты знаешь свои куплеты, кошечка?

Коломба. Да, мсье Дюбарта.

Дюбарта. Браво! Браво! Браво! Посмотрим нынче вечером. *(Уходит так же, как и вошел.)*

Жюльен. Почему он зовет тебя «кошечка»?

Коломба. Не знаю. Потому что он очень любезный человек. Он мне много помог в работе

над ролью.

Жюльен. И почему-то говорит тебе «ты»?

Коломба. В театре все на «ты». Не мне тебя этому учить. Он на «ты» также и с твоей матерью.

Во время их разговора появляется озабоченный и важный Дефурнет. Потихоньку стучит в дверь уборной Коломбы.

Дефурнет. Тук! Тук! Тук! Вы здесь, мышка?

Жюльен*(ворчливо).* Теперь уже мышка…

Дефурнет. Я только хотел сказать, мышка, что надо быть поосторожнее, потому что… *(Открывает дверь и видит Жюльена.)* О, простите!..

Жюльен. Пожалуйста.

Дефурнет. Простите, простите. Я пришел сообщить твоей жене одну вещь. Ну как твои дела?

Жюльен. Все благополучно.

Дефурнет. У тебя хороший вид.

Жюльен. Спасибо. Вы уже не первый мне это говорите.

Дефурнет. Я хотел вам сообщить, что сегодня начнем без опозданий, слышите, без опозданий! *(Уходит так же, как и пришел.)*

Жюльен. «Мышка»! Тоже мне! Старая калоша! Что за гадость!

Коломба. Ох, какой ты! Всюду видишь одну

только грязь! Не хочешь, чтобы меня звали кошечкой, не хочешь, чтобы меня звали мышкой, а как прикажешь меня звать? В конце концов, не могу же я требовать, чтобы они величали меня мадам!

Жюльен. Как ты могла сдружиться с этими шутами?

Коломба. Вовсе я не сдружилась. Просто вижу их каждый день, работаю с ними. Не все могут позволить себе такую роскошь, как ты, — быть нелюбезным с целым светом. Сам видишь, к чему это привело. А почему? Потому что у тебя никогда не было друзей. И потом, с этими шутами, как ты выражаешься, мне весело. А до сих пор не так-то часто приходилось веселиться.

Жюльен *(кричит).* Неправда! Не может тебе быть с ними весело!

Коломба. А тебе откуда это известно?

Жюльен. Потому что я знаю тебя лучше, чем ты сама себя знаешь, Коломба.

Коломба *(смотрит на Жюльена, жестким тоном).* Ты в этом уверен?

Жюльен. Да. И, клянусь тебе, в конце концов ты станешь такой, какая ты есть, хочешь ты того или нет.

Коломба *(глядит ему в лицо; она вся замкну-*

лась, как враг. Шепчет). Бедный мой Жюльен!

Бесшумно в своих шлепанцах входит Жорж.

Жорж. Ну как, голубки, довольны, что повидались?

Жюльен *(отходя от Коломбы).* Мы в восторге.

Жорж. И впрямь славно повидать свою женушку, особенно если все в один голос твердят, что она прелесть и каждый хотел бы ее заполучить. На-кася выкуси, она не для других. Комплименты — пожалуйста, сколько угодно, но и только. Бережет себя для муженька. *(Оправляет на, Коломбе юбку.)* Вы посмотрите, какие у нас грудки, мсье Жюльен. Так и съела бы! Похоже, что эту моду на большое декольте, чтобы все было видно, специально для нее изобрели. А Нашей Дорогой Мадам приходится в лифчик железные полоски вшивать, чтобы держалось. А здесь бояться нечего: прямо пышки! Ну ясно, поэтому она на сцене такой успех имеет! Мсье Наш Дорогой Поэт думает, что публика его красивые стишки слушать ходит. Как бы не так! Только ему об этом не говорите — это чтобы на мадам Коломбу посмотреть, самые важные господа в очереди стоят за билетами! Женщины тоже. Им бы и не хотелось, да кавалеры их с собой тащат. Мы-то,

костюмерши, все знаем, что в театрах говорят. По всему Парижу слух пошел, что есть, мол, такая многообещающая дебютантка! Только об этом и разговоров! Должно быть, вам приятно, мсье Жюльен, что у вашей женушки такой успех!

Жюльен. Я просто лопаюсь от восторга. Просто вне себя от счастья.

Жорж.. Да еще денежки идут. В скором времени сможете себе сидеть и в потолок плевать, она всю семью прокормит.

В коридоре появляется Наш Дорогой Поэт.

Наш Дорогой Поэт *(осторожно скребется в дверь).* Тук! Тук! Тук! Вы здесь, волчоночек?

Жюльен *(кричит).* Да, я здесь!

Наш Дорогой Поэт *(подскакивает, услышав мужской голос).* Простите, простите! Тысячу раз прошу извинения! Я только хотел сказать, что надо быть начеку… *(Спохватывается.)* Да нет, нет, ничего. Сам не знаю, что говорю. Или, вернее, все это чисто нервное: в зрительном зале король Испании. Играйте сегодня вечером получше, дорогая мадам. И еще раз простите великодушно. Ухожу, а вы одевайтесь. *(Уходит так же, как пришел.)*

Жюльен. Теперь уже волчоночек! Так они всех

зверей переберут. Просто басни Лафонтена. Как ты позволяешь этому шуту звать тебя волчоночком? Я же запретил тебе с ним разговаривать.

Коломба. Но ведь он автор пьесы!

Жюльен. А мне-то какое дело! Кошечка, мышка, волчоночек! А дальше как? И почему они все требуют, чтобы ты была начеку? Из-за меня, что ли?

Коломба *(внезапно замыкаясь).* Я не понимаю, на что ты намекаешь. Какой ты надоедливый, Жюльен!

Жюльен. И ты им улыбаешься, ты складываешь сердечком свои накрашенные губы, ты мурлычешь! Вытри губы. Немедленно вытри губы! Не могу я видеть тебя такой!

Жорж *(удерживает его).* Но, мсье Жюльен, вы же ей весь грим испортите! Такое уж у нее теперь ремесло — нравиться! Не запретите же вы ей в самом деле быть хорошенькой и улыбаться! Да еще заводите споры перед самым выходом на сцену; ведь у вас самого мамаша актриса. Посмотрите на нашего ангелочка… У нас уже слезки на глазах. Вот сейчас размажутся ресницы, веселенькая будет история! Да не слушайте вы его, мадам Жюльен, все мужчины одинаковы, разве они что понимают! Когда я начинала в театре в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году, то же самое

было. Пригласили меня в «Комеди Франсэз». «Костюмерша? — это мне мой благоверный говорит: — А он, твой… ну, эта долговязая гадина, сам костюм надеть не может, что ли? Пойду и укокошу твоего директора!..» Да-да, мадам Жюльен, поверил сплетням! На что это похоже! Нашли бы в один прекрасный день несчастного мсье Кларети мертвым, и так бы он и не понял, почему и за что его убили, а ведь такой он всегда был вежливый, благородный!

Жюльен. А теперь оставь нас одних, Жорж.

Жорж. Дудки! Не пойду, а то вы ее до слез доведете. В конце концов, некрасиво вы поступаете, мсье Жюльен. Вы взгляните на этого херувимчика, да ведь ее хоть сейчас в рай; ничего худого она не делает, а вы ее как последнюю ругаете. Вот что я вам скажу: не заслужили вы такой женушки, мсье Жюльен. Слишком она для вас красива и добра!

Жюльен *(хватая ее за руку, тащит к двери).* Уйдешь ли ты, черт бы тебя взял, если я говорю!

Жорж *(пока Жюлъен волочит ее к дверям).* Теперь уже и рукоприкладство пошло! Вот видите, мадам Жюльен, все они одним миром мазаны! Только и умеют, что драться. Разве они, мужчины, нас когда поймут!

Жюльен выставляет ее за дверь и поворачивается к Коломбе. Жорж подслушивает под дверью, и постепенно к ней присоединяются остальные, образуя у двери немую группу, — тут парикмахер, педикюршик, Ласюрет в костюме эпохи Людовика XV и прочие актеры.

Жюльен. Кто он?

Коломба. Да о ком ты спрашиваешь, мой дорогой?

Жюльен. О твоем любовнике.

Коломба *(ясным взглядом, смотрит на него).* Ты бредишь, Жюльен, у меня любовника нет.

Жюльен *(хватает ее за запястье и орет; он смешон).* Я хочу знать его имя. Немедленно знать! Говори!

Коломба. Но, дорогой, как же я могу назвать тебе имя, если я сама его не знаю?

Жюльен. Бесполезно отрицать, Коломба. У меня доказательства на руках. Я знаю, у тебя есть любовник. Тебя видели, за тобой следили и… написали мне.

Коломба *(вырывает руку и злобно кричит).* Кто посмел тебе написать?

Жюльен. Вот видишь, ты испугалась. Смутилась. Незачем дальше разыгрывать удивление. В кармане у меня письмо, где все написано черным

по белому. Признавайся же.

Коломба. Я хочу знать, кто тебе написал!

Жюльен. Это тебя не касается.

Коломба. Анонимное письмо, разумеется? В театре все друг друга ненавидят, все друг другу завидуют. Допроси их, как полицейский, раз ты уж вступил на этот путь, иди собирай сплетни у консьержки или за кулисами, и ты узнаешь обо мне еще многое, бедный мой Жюльен. Мне не одного, а десяток любовников припишут. Спасибо еще, если не обвинят во всех смертных грехах. Писание анонимных писем — это их любимое занятие в ожидании новой роли, которую им не дают. Ты с малых лет вертелся за кулисами, думаю, тебе следовало бы знать это самому. Но гораздо легче поверить любой грязной сплетне, чем собственной жене. Права всегда окажется первая попавшаяся злобная сплетница или первый попавшийся маньяк, сумевший возбудить твою идиотскую ревность и задеть твое самолюбие. Вот кому верят, если даже письмо не подписано. А не мне! *(Меняет тон, в голосе слышатся слезы.)* Ни те два года, что мы жили так счастливо, ни верность, которую я тебе хранила, когда ты был беден, а я мыла посуду, все это, попятно, в счет не идет. Неужели ты, дурачок, думаешь, что сейчас

впервые за мной стали ухаживать? Неужели ты не знаешь, что когда я зимой, без перчаток, с тремя франками шла на рынок, на каждом перекрестке кто-нибудь непременно предлагал мне безбедное счастливое существование, платья, выезды — словом, все то, чего мне хотелось? Неужели ты думаешь, что если бы я намеревалась тебе изменить, мне нужно было ждать твоего отъезда? Я всегда умела за себя постоять, я хранила себя для тебя, даже когда дома у нас нечего было есть, а был только супчик для малыша, — и мы вместо обеда жались друг к другу, любуясь ласточками под застрехой. Забудь эти дни, забудь все и грязни меня. О боже, боже, как я несчастна! *(Рыдая, падает в кресло.)*

Жюльен *(стоит неподвижно. Вид у него глупый; бормочет).* Прости меня, Коломба.

Коломба *(сквозь слезы).* Прости, легко сказать, прости… Уже поздно. Я знаю, ты веришь любому, только не мне.

Жюльен. Я хочу тебе верить.

Коломба *(сквозь слезы, равнодушным тоном).* А письмо подписано?

Жюльен. Да.

Коломба. Назови мне имя этой дряни. Ох, если я ее поймаю, ее шиньону не поздоровится.

Жюльен. Мне писал мужчина.

Коломба *(задумалась на мгновение, потом восклицает).* Знаю, кто это! О подлец! Жалкий идиот! Неужели ты не понимаешь, что этот грязный тип написал тебе, чтобы мне отомстить, он делал мне грязные предложения, а я поставила его на место!

Жюльен *(подскакивает от неожиданности).* Кто делал грязные предложения? Кто? Сейчас же назови его имя! Я требую!

Коломба. Нет. Сначала ты скажи его имя, тогда я увижу, он написал или нет. Назови мне только первую букву, и я угадаю. Начинается на «П», верно?

Жюльен. Нет.

Коломна. Тогда значит, на «Р». Это он, он, я теперь точно знаю, писал этот противный верзила!

Жюльен. Ни на «П», ни на «Р».

Коломба *(растерянно).* Но ведь не на «В»? Он способен на все, особенно если женщина ему откажет, но слать письма ее мужу — нет!

Жюльен. Ни на «П», ни на «Р», ни на «В». Значит, существует трое мужчин, которые могли мне писать?

Коломба. Не трое, а все подряд, мой козлено-

чек! Все, которых хлопаешь по рукам, когда они в коридоре пытаются обнять тебя за талию; все, которым смеешься прямо в лицо, когда они шепчут тебе на ухо разные гадости, уверяют, что страстно тебя хотят. Все мужчины подряд! Неужели ты воображаешь, что они могут оставить в покое молодую женщину, если она одна и к тому же хорошенькая?

Жюльен*(рычит).* Я хочу знать их имена! Знать имена всех! Я найду их и уложу всех до единого — одного за другим. А ну, называй имена, называй немедленно! Я требую!

Коломба. Но, бедняжечка мой, тебе понадобится алфавитный справочник! Все вы одинаковы! Все вы кобели, все бегаете за первой попавшейся юбкой. Кобели — те хоть довольствуются тем, что подымут у тумбы ногу. Зато мужчины… Не строй из себя святую невинность! Сам-то ты небось не слишком стеснялся! Когда ты ходил давать уроки музыки, я за тобой не бегала. Я стирала дома пеленки.

Жюльен. С тех пор как я тебя полюбил, Коломба, я ни разу не взглянул ни на одну женщину.

Коломба. Как бы не так! Все это говорят! А близнецы барышни Пэнтейль, когда они под твоим руководством разыгрывали в четыре руки вальс

из «Фауста»?

Жюльен *(пожимает плечами).* Им же было по пятнадцать лет.

Коломба. Вот именно! Правда, черненькая косила, но вторая ломака с испуганной физиономией и бюстиком? Косенькая валяла что ни попадя, ты ее никогда не поправлял, зато вечно возился с другой, показывая, как ставить пальцы, наклонялся к ней. Не отрицай, не отрицай! Я в то время тоже получала письма, однако молчала.

Жюльен. Барышни Пэнтейль! Какая ерунда!

Коломба. А булочница?

Жюльен *(тупо).* Булочница?

Коломба. Да! Булочница! Не притворяйся, пожалуйста, что не помнишь! Ты никогда не желал ходить за покупками, только за хлебом всегда сам бегал. А она никому не отпускала товар в кредит, лишь одному тебе, когда мы сидели без денег. Такая жирная блондинка с огромными грудями! Ты мне отвратителен, Жюльен! Как я несчастна! Лучше бы мне умереть! *(Рыдает, сидя в кресле.)*

Жюльен безмолвно и ошалело стоит рядом. В коридоре понимают, что положение изменилось и настало время действовать. Жестами убеждают парикмахера, хотя он не особенно склонен их слушать, войти в уборную и положить конец

сцене.

Парикмахер *(стучит и распахивает дверь).* Мадам Коломба. Занавес сейчас подымут. Поправить прическу?

Коломба *(сквозь слезы). О* миленький Люсьен, обязательно! Должно быть, у меня ужасный вид.

Жюльен принюхивается к парикмахеру. Подозрительно вертится вокруг них, пока парикмахер причесывает Коломбу, а та улыбается ему в зеркало.

Вы просто ангел, миленький мой Люсьен. Вы хоть умеете делать женщин красивыми! Я плакала, посмотрите, какое у меня лицо.

Парикмахер. Можете смело плакать, мадам Коломба, все равно будете сиять как солнышко. Работать с вами одно удовольствие.

Коломба *(вздыхает).* Ах, какое счастье, что у меня есть вы, миленький мой Люсьен.

Жюльен. Скажите-ка, старина…

Парикмахер *(оборачивается, держа гребенку в руке).* Да, мсье Жюльен?

Жюльен. Скажите, неужели так долго поправить прическу?

Парикмахер. Зависит от обстоятельств…

Жюльен. Каких обстоятельств? И разве нельзя

обойтись одной гребенкой? При чем здесь руки?

Парикмахер. А локоны, мсье Жюльен?

Жюльен. А ну, убирайтесь прочь! Убирайтесь немедленно, а то я вам устрою локоны. Да еще массаж сверх программы!

Парикмахер *(оскорблен).* Мсье Жюльен, я артист!

Жюльен. И я тоже! Уходите-ка. Через пять минут я вас найду, и мы с вами поговорим как артист с артистом. *(Подталкивает его к двери, оборачивается и кричит.)* Надеюсь, это все-таки не он?!

Коломба *(безмятежно смотрится в зеркало).* Кто «он», дорогой?

Жюльен. Твой любовник. От него воняет, и руки у него, как слизняки. Как ты можешь терпеть, чтобы он касался тебя? Отвечай, Коломба, а то я устрою скандал. Это он или нет? Впрочем, это было бы чересчур нелепо!

Коломба *(выпрямляется и кричит).* Ах, теперь я знаю, кто тебе писал. Это «З».

Жюльен. Вовсе не «З».

Коломба. Лжешь, ты солгал, что тебе писал мужчина, просто чтобы сбить меня с толку! Писала женщина. Если только можно назвать такую женщиной! Я видела, видела ее! Она как раз

выходила из ресторана, когда мы туда входили. Противная потаскушка, спит со всеми подряд! Клянусь тебе, я скажу ей пару слов! Значит, вся эта драма из-за того, что я днем обедала с парикмахером?

Жюльен *(подскакивает).* Обедала с парикмахером?

Коломба. Но должна я есть или нет? Значит, ты требуешь, чтобы я во время твоего отсутствия постилась?

В коридоре раздосадованный парикмахер. Остальные потешаются над ним.

Жюльен. Этот цирюльник смеет приглашать тебя обедать, и ты соглашаешься? Хватит с меня. Его песенка спета. Я его убью. *(Бежит к двери.)*

Парикмахер быстро расталкивает толпу и прячется сзади.

Коломба *(удерживает Жюльена).* Ты просто глуп, мой милый. Он полный идиот, вульгарнейший тип, трех слов связать не умеет. Если бы я тебе изменила, я бы выбрала кого-нибудь получше… Дурачок! Ну же, дурачок! Будь благоразумным, мой маленький Жюльен. А тебе было бы приятно, если бы он трогал тебя своими руками?

Жюльен. Мне-то нет, но…

Коломба. Тогда почему же мне должно быть приятно? Слизняки! Я бы просто расхохоталась, если бы мне не хотелось так плакать! Слизняки, чуть влажные. *(Хохочет, целует его.)* Дурачок мой! Волосы еще куда ни шло, потому что он прекрасный мастер, но насчет всего прочего… Нет и нет! Я предпочитаю твои. *(Берет его руки в свои, целует их.)* Почему, вместо того чтобы ссориться со мной с первой же минуты, ты ни разу меня не обнял? *(Бросается ему на грудь, сцепляет за своей спиной его руки, протягивает ему губы.)*

Жюльен *(слабым голосом).* Но кто же тогда? Лучше скажи мне.

Коломба. Да никто, дурачок! Ты бредишь! Стой, я сейчас открою тебе свою тайну. Это ты! *(Целует его.)*

Он не противится. В коридоре общий вздох облегчения.

Жюльен *(в ее объятиях).* Я люблю тебя, Коломба, и я очень несчастен… Если ты сделала глупость, лучше скажи мне прямо… Ну, как-то вечером закружилась голова, ведь быть одной нелегко. Его я убью, а тебя прощу. Ты уйдешь из этого мерзкого театра, и мы снова будем счаст-

ливы.

Коломба. Но, дорогой мой, если бы я совершила этот скверный поступок, я не хотела бы, чтобы ты меня простил!.. Я была бы сама себе противна. И никогда, никогда не увиделась бы с тобой.

Жюльен *(со стоном).* Нет!

Коломба. Клянусь, что да. Я бы себе никогда этого не простила.

Жюльен. Нет! Я не мог бы потерять тебя! Лучше уж попытаться забыть прошлое, лишь бы все осталось по-прежнему. Нет, я не смог бы жить без тебя. Я был бы один в целом свете.

Коломба *(ласкает его чуть рассеянно и вдруг с искренней нежностью).* Бедный козленочек, на всех-то он нагоняет страх. И он самый-самый одинокий… А ведь ты добрый. Никогда я тебя ничем не огорчу. Всегда буду с тобой мила.

Жюльен *(отдаваясь ее ласке, жалобно).* Почему же тогда он зовет тебя кошечкой?

Коломба. Кто, родненький?

Жюльен. Этот болван…

Коломба. Дюбарта?

В коридоре ликование. Собравшиеся выталкивают вперед Дюбарта, который считает все это весьма дурным тоном.

Бедный Дюбарта! Он воображает себя неотразимым только на том основании, что тридцать лет назад был хорош собой. Вот он и ухаживает за мной и за всеми прочими.

Жюльен. Да как он смеет за тобой ухаживать? Он тебе в дедушки годится!

Коломба. Именно! Именно! Бедняжка он. Раз он ни на что больше не способен, пусть говорит что хочет. И «кошечка»! И «курочка»! И «девочка»! «Страсть сильное смерти!» «Я осужден на вечные муки!» «Я не сплю все ночи напролет!» В конечном счете все эти страсти сводятся к тому, что он погладит вам за кулисами локоток и едет себе домой, разбитый этим подвигом, снимает корсет, надевает шлепанцы; служанка потчует его целебным отваром, и он, нацепив усодержатели, храпит до следующего утра. И радуется еще, что ему хватает сил подняться в полдень; подкладывает в ботинки супинаторы и является за кулисы в своих длинных белых гетрах волочиться за дамами. А носит он их затем, чтобы скрыть мозоли. Ты представляешь меня рядом с этим чучелом; ведь у меня есть ты, совсем молоденький, хорошенький, нежный.

Жюльен. Но что этот старикашка смел тебе предлагать?

Коломба. Звал к себе, чтобы поработать над ролью. Я сразу, конечно, смекнула, в чем дело! Четверть рюмочки портвейна, парочку бисквитов! Все в марокканском стиле! Как бы не так! Два ковра из универсального магазина и наргиле под медь, которое не действует — чуть пососешь мундштук, и в рот попадает вода. А его слуга — тоже марокканец, он, видите ли, почему-то всегда выходной. Хозяйство ведет старуха бретонка, его бывшая нянька!

Жюльен *(растерянно отстраняется).* Значит, ты была у него?

Коломба *(смущенно).* Нет, дорогой. То есть да! Но не одна! С Нашим Дорогим Поэтом — мы работали над пьесой.

Жюльен. Стало быть, мне написали правду. Ты всюду бываешь с ними, навещаешь их, обедаешь по ресторанам…

Коломба. Ведь я же тебе говорю: я ездила с Нашим Дорогим Поэтом. В его карете!

Жюльен *(смертельно оскорбленный, кричит).* Одна с ним?

Коломба. Но, дорогой мой, там же был кучер! И потом, я нарочно его взяла, чтобы не оставаться наедине с Дюбарта. Не могла же я тащить еще и третьего, чтобы не оставаться наедине с Нашим

Дорогим Поэтом!

Жюльен. Неужели ты забыла сцену, которая произошла здесь два года назад? Этот человек вел себя с тобой как последний хам. Я вынужден был его проучить.

Коломба. А сейчас, поверь, он очень со мной вежлив. Увивается, но вежлив.

Жюльен *(иронически хохочет).* Увивается, но вежлив! И ты ему, конечно, льстишь? Еще бы, Эмиль Робине, член Французской академии, он ведь может раздавать роли направо и налево, ему ничего не стоит навалять двадцать — двадцать пять лишних строчек! Наш Робине не робкого десятка. Вот ему и разрешают чмокнуть ручку, отодвинув краешек перчатки, разве нет? Разрешают взять в карете за локоток, а то и повыше. Всего какая-нибудь минута! Расхожая монета девиц! Они не приглядываются к мужчине, если у него в кармане есть для них хоть крохотная ролька. И плевать им, что он старый, что он лысый, что он смешон, что во время разговора у него из-под накрашенных усов летят пузырьки слюны. Гадость какая! Мерзкое ничтожество! А ты так вела себя с ним. Позволяла ему это! А он не растеряется! Два года назад я было за него взялся, но теперь я буду метить ему прямо в рожу и не

промахнусь. *(Вырывается, хочет выйти.)*

В коридоре паника.

Коломба *(удерживая Жюльена, хохочет как безумная).* Дорогой мой! Миленький! Это же глупо! А главное — ужасно смешно!

Жюльен. Смешно? То, что мне стыдно? То, что мне больно?

Коломба *(сквозь смех).* Да нет, пузырьки! Правда, правда, когда он говорит, у него на губах выскакивают пузырьки, а при разговоре он подходит вплотную и все лицо вам заплюет. Он слишком смешон, слишком уродлив! И ты, козлик, можешь представить меня в объятиях Нашего Дорогого Поэта? Нашего Дорогого Поэта, снявшего сюртук, Нашего Дорогого Поэта в одних кальсонах? *(Хохочет как безумная.)*

Мало-помалу ее смех оказывает на Жюльена свое действие, и он уже сам не понимает — где ложь, где правда.

Жюльен. Признаюсь, что Наш Дорогой Поэт в кальсонах, должно быть, не самое прекрасное зрелище на свете!

Коломба *(в приступе неудержимого смеха).* Ты и представить себе не можешь! У него подтяжки

небесно-голубого цвета, ему жена их вышила! *(Испуганно замолкает.)*

Жюльен *(уже не смеется).* Откуда ты знаешь?

Коломба *(со вздохом, детским голоском).* Но это всем известно!

Жюльен. Кто тебе сказал об этом?

Коломба *(вздыхает, мысленно прикидывая, чем грозит ей ответ).* Дефурнет!

Жюльен *(вопит).* Дефурнет! Значит, ты ведешь такие разговоры с Дефурнетом? Разговариваешь о кальсонах Нашего Дорогого Поэта? Где? Когда ты говорила с Дефурнетом?

Коломба. Сейчас я тебе все объясню, милый…

Жюльен. Надеюсь, ты все-таки не ходила к нему в кабинет? Не сидела на зеленом засаленном диванчике, на котором расплачиваются за счастье играть в его театре?

Коломба. Нет! Вернее, да, всего только раз. Постой! Ты не даешь мне слова сказать! Была, когда подписывала контракт. *(Вдруг решается.)* Ну да, была! Все это правда. Мерзкий тип. Я не хотела тебе говорить, но раз уж на то пошло! Пожалуйста, делай с ним что угодно! Да, он тоже пытался, как и все остальные. Я защищалась и ударила его по щеке, сказала ему, что он старый, что он уродливый. Вот тогда-то он в приливе

ревности, решив, что я предпочитаю другого, и рассказал мне про кальсоны. Видишь, все, что я тебе говорю, сущая правда!

Жюльен *(вдруг дает ей пощечину, кричит).* Шлюха! Грязная шлюха, такая же, как и все! Уж с этого-то я спущу шкуру!

Коломба, испустив громкий вопль, падает без чувств. Жюльен бросается к двери. В костюме маршальши выходит из своей уборной мадам Александра послушать, что происходит; расталкивает всех, и, когда Жюльен распахивает двери, они оказываются нос к носу. Жорж бесшумно, как мышка, проскальзывает в уборную, чтобы заняться Коломбой.

Мадам Александра *(спокойно, грозно).* Ну?

Жюльен. Пустите меня! Я ищу Дефурнета!

Мадам Александра *(преграждает ему путь).* Значит, ты вечно будешь, как дэрмо, всем надоедать? Будешь орать, устраивать скандалы? Я пожалела тебя. Взяла сюда твою жену. Потрудись убраться ко всем чертям.

Жюльен. Это вы! Это вы сделали ее такой! Это ты со своими улыбочками старой гнусной сводни, ты со своими гнусными любовными историями. Она была чиста, была незапятнана, как новень-

кая монетка. А вы ее захватали. Все захватали! Ненавижу вас всех!

Мадам Александра *(громовым голосом).* Я твоя мать! Замолчи!

Жюльен *(глухо).* Верно, мать. Ты моя мать. К несчастью…

Мадам Александра. Ты воображаешь, что я этому радуюсь? Деньги, вечно деньги, неприятности, дурацкие сцены — вылитый отец. Оставь в покое эту крошку. Ей весело, она хоть начала жить. А что вы? Что вы с твоим дураком папашей называете жизнью? Требуете, чтобы мы молились на вас потому, что вам посчастливилось нас выбрать? Женщины, мой мальчик, хранят себя, когда у мужчин есть средства, чтобы сохранить их при себе, иначе они себя теряют. *(Кричит Ласюрету.)* А ну, давай звонок скорее! И вытащите на сцену малютку, даже если она без чувств. В конце концов публика разнесет весь театр из-за этого кретина! *(Торжественно шествует вперед, постукивая на каждом шагу маршальским жезлом.)*

Все расступаются перед ней, давая ей дорогу, идут за ней следом. Звонит звонок.

Ласюрет *(вопит).* На сцену! Первое действие

начинается. На сцену!

Коломба *(при этих словах чудесным образом приходит в себя. Подбегает к зеркалу).* Я очень растрепалась?

Жорж. Нет. Сойдет, мой ангелочек. Идите скорее. Я сейчас вам сзади платье оправлю.

Актеры уходят, все двери открыты. Жюльен остался один в пустой уборной, он растерян. Слышно, как внизу стучат три раза, оркестр начинает увертюру к «Маршальше любви». Появляется Арман. Весело, в такт музыке он идет к уборной Коломбы с букетиком в руках. Входит и от неожиданности останавливается, увидев Жюльена и не зная, что делать с букетом.

Жюльен *(глядит на него и вдруг глухо).* Это ты.

Арман. Конечно, я. Уже отпуск получил?

Жюльен *(кричит, в голосе его слышна боль).* Это ты! Наверняка ты!

Арман. Ничего не понимаю, у тебя какой-то странный вид. Я думал, ты будешь рад меня повидать. *(Неуверенно.)* А выглядишь ты хорошо.

Жюльен *(кричит).* Да. Очень хорошо!

Арман. Ну как, трудно приходится?

Жюльен *(снова кричит).* Да!

Арман *(все еще старается вести разговор в*

шутливом тоне). Ну как ноги? Когда ноги в порядке — все в порядке. Французская армия непобедима. *(Засмеялся было, но, заметив взгляд Жюльена, умолкает.)*

Жюльен. Тебе что, хочется смеяться?

Арман *(вдруг встревожившись).* Нет.

Молчание. Они стоят лицом друг к другу.

Жюльен *(бормочет).* Почему? Почему ты?

Арман *(помолчав, тихо).* Что ты хочешь, старина, легкомыслие, увлечение… Сам знаешь, как это бывает…

Жюльен *(вопит).* Нет, не знаю, как это бывает! И никогда не буду знать!

Арман *(потупив взгляд).* Разумеется. Ты лучше меня. Всегда был лучше меня. Ты умел за себя постоять, уже тогда был маленьким мужчиной. А я умел только одно: жаться за кулисами к дамским юбкам. Сначала мамины юбки, потом чужие, вот и все. Лишь бы получить свое удовольствие. Леденец, пахнувший духами, ласки, поцелуи жирно намазанных губ в щечку. А когда вырос, так оно и повелось. Я настоящая свинья, Жюльен.

Жюльен. Верно.

Арман. Что ты будешь делать?

Жюльен не шевелится.

(Кричит.) Избей меня! Избей, мне будет легче! Когда мы были детьми, тебе следовало бить меня почаще, мне бы это пошло на пользу.

Жюльен *(тупо бормочет).* Нет, не тебя. Хоть бы только понять…

Арман. Что тебе хотелось бы понять в наших жалких историйках? Они не для тебя, все эти мелкие пакости, все эти грязные истории между мужчинами и женщинами. Как бы ты ни старался, тебе все равно никогда ничего не понять, бедный малый. Ах, до чего же глупо взрослеть! Сразу окунаешься в грязь! Я предпочел бы, чтобы ты меня избил, это все упростило бы. Побей меня, Жюльен, ну прошу тебя. Видишь ли, я трус, я не могу удержаться, если мне что-то нравится, но я все время себе твердил: «Придется расплачиваться, старина. Жюльен тебя поколотит, переломает ребра, набьет морду. Тебе будет ох как больно!» Вот на такой пустяк храбрости у меня хватает, не лишай же меня ее. Ну же, бей!

Жюльен *(кричит, стиснув кулаки).* Нет!

Арман *(внезапно взрывается).* Ах, шлюха! Грязная шлюха!

Жюльен *(глухо).* Замолчи.

Арман. Почему, в сущности? Ты думаешь, это хорошо, то, что она сделала, да? Я человек слабый

— это ясно. Когда мне что-то нравится — спускать деньги в покер, выпить лишний стаканчик, задрать даме юбку, сколько бы я ни твердил себе «нет», — это сильнее меня, и я говорю «да»! Но она-то, она! Ты ее любил, и она знала, что ты ее любишь. Ты не можешь этого отрицать.

Жюльен *(делает над собой нечеловеческие усилия).* Замолчи, прошу тебя.

Арман. У нее была твоя любовь, было что-то прочное, настоящее, у нее, у этой маленькой дряни. И первый же болван, который развеселил ее, за ней поухаживал, — готово! Сразу же, немедленно! Значит, по-твоему, это не отвратительно? Все они одним миром мазаны, дружок. Лишь бы с ними говорили о них же самих, доставляли им хоть маленькое удовольствие и — пожалуйста! А если не ради удовольствия, то ради коричневого костюмчика или ради роли в три строчки… Лишь бы хоть какая-нибудь польза была. Это так легко, а главное, ничего им не стоит. Они только о себе и думают, Жюльен, клянусь, только о себе, о своей драгоценной персоне, о своих маленьких утехах и радостях. Мы для них ничто. Мы нужны только, чтобы смешить их, чтобы в постели они получили свое удовольствие или смогли бы немножко помечтать. Вот и все. О, тебе повезло, дружок, ты

не их раб!

Жюльен *(бормочет).* И трус к тому же! Гляди на меня.

Арман. Не могу. Мне стыдно.

Жюльен. Гляди немедленно! Я тебе велю!

Арман *(отворачивается).* Бей, если хочешь, я не буду на тебя глядеть.

Жюльен *(с силой подымает его голову).* Нет, поглядишь! *(Смотрит на него.)* И даже не красавец. Правда, нос небольшой, прямой, но ведь не может это быть решающим моментом, существует тысяча таких носов, более или менее крупных, более или менее прямых! Маленький женский рот, но какой безвольный… Глаза пьяницы, и лицо, уже изношенное от всех этих цветов удовольствий, срываемых наспех. Старичок, старичок в двадцать лет…

Арман *(отворачивается).* Тебе хорошо говорить, Жюльен. Неужели ты воображаешь, что я собой доволен? Только, видишь ли, ты живешь в мечтах. Ты не знаешь жизни!

Жюльен. Как раз сейчас я начинаю ее узнавать.

Арман *(пытается говорить непринужденным тоном).* Лучше бы тебе вернуться туда, откуда пришел, забыть обо всех нас. В сущности, ты

рожден для военной службы!

Жюльен *(не отпуская его).* И даже не забавный! Потому что ты не забавен. Свои циничные словечки ты черпаешь в барах и в бульварных газетенках. Ты не умеешь даже смеяться. А только хихикать. Ничто никогда тебя по-настоящему не трогало.

Арман. Ошибаешься. У меня тоже есть сердце. Только…

Жюльен. Только оно всегда было тебе ни к чему. Если бы ты был хоть элегантным… Мог бы хоть этим ее ослепить. Но ты одеваешься, как жокей. От тебя за десять шагов разит дурнотонностью с твоими перстнями, слишком светлыми галстуками… *(Кричит.)* Но почему же тогда, почему?

Арман *(тоже кричит, вполне искренне).* Правда, почему? Поди пойми что-нибудь с женщинами!

Жюльен *(вдруг, как сумасшедший).* Я хочу знать! Хочу знать немедленно. Поцелуй меня.

Арман *(со слезами на глазах падает ему на грудь).* Это правда, Жюльен? Ты меня простил?

Жюльен *(грубо сжимает его в объятиях).* Не для этого, болван. Целуй, как ее! В губы!

Арман *(пытается вырваться).* Ты с ума сошел, Жюльен! Оставь меня в покое. Ты сумасшедший. Не могу!..

Жюльен *(борется с ним, кричит).* Целуй меня. Целуй немедленно, как ее! Я хочу понять, что она чувствовала. Хочу понять, чтобы не спятить!

Арман *(отбивается).* Но это идиотизм! Нелепость! На кого мы будем похожи? Пусти меня, Жюльен, или я позову на помощь!

Жюльен *(хватает его за горло).* Целуй, мерзавец, целуй, как ее, или я придушу тебя!

Арман *(полузадушенный).* Не жми так! Мне больно! Не могу.

Жюльен. А ее мог? Я вот могу! Вообрази, что это она. Живо! Ну! *(Прижимает его к себе.)*

Арман *(по-прежнему стараясь вырваться).* Нет! Нет! Это слишком глупо! Ой!

Жюльен силой прижимает его к себе, к своим губам, потом грубо отталкивает. Арман, нелепый, растрепанный, задыхающийся, падает в кресло.

Жюльен *(стоит неподвижно, с искаженным лицом. Он старается понять. Вдруг с отвращением вытирает рот тыльной стороной ладони, растерянный и смешной).* Не понимаю!

Занавес быстро падает

Действие четвертое

Занавес снова поднимается: на сцене идет к концу представление пьесы «Маршальша любви». Декорации в стиле Людовика XV, как это представляли себе в 1900 году. Гостиная, двери которой широко распахнуты в парк, щедро залитый лунным светом. На сцене — мадам Александра и Дюбарта.

Мадам Александра.

Любила втайне я, любила слишком страстно!.

Приди ж ко мне, приди, о, я на все согласна.

Мы оба молоды! Я больше ждать не буду…

Дюбарта.
Ужели это вы, мадам?
Мадам Александра. Поверим чуду…

Твоя, я вся твоя! Пусть наша страсть сольется

С томлением ночным. Как сладко сердце бьется!

Не смела прежде я, теперь я смею, смею!

И ты увидишь сам, как я любить умею.

Сломала нынче я ту клетку золотую,

В которой я жила, теперь я торжествую!

Чем дольше наша страсть в неволе изнывает,

Тем жарче, вырвавшись, бушует и пылает.

Дюбарта *(на коленях).*

Богиня!

Мадам Александра *(в порыве наконец-то побежденной стыдливости).*

Нет! Себя забыть готова,

Я вещь твоя, покорная, без слова,

Как глина в ожидании резца.

Приди, приди, любовь, которой нет конца!

Дюбарта *(с трудом поднимается с колен и как безумный сжимает ее в объятиях).*

Любимая! Себя согласна ты вручить

Тому, кто столько ждал!

Мадам Александра. Готова оплатить
Любой ценой блаженство этих дней!

Дюбарта *(слова с трудом опускается на колени).*

Благодарю тебя!

Мадам Александра (вдруг вскрикивает в страхе).

Мой друг, вставай скорей! Супруг идет!

В сопровождении двух слуг, несущих факелы, появляется Ласюрет, в этот вечер дублирующий роль маршала Виллардье. Через плечо орденская лента, парик, треуголка, украшенная султаном, охотничьи сапоги, в руке хлыст. Из другой двери появляется испуганная Коломба, она будет стоять рядом с мадам Александрой до конца сцены.

Ласюрет. Вот как! И я благодарю!..

У ног моей жены…

Мадам Александра *(тоном расиновской героини).*

Ах, я его люблю!

Ласюрет *(величественный и грозный).*

Хотя вам следует за дерзость расплатиться...

Дюбарта *(кладя руку на эфес шпаги).*

К услугам вашим! Где мы будем биться?

Ласюрет *(с учтивой, исполненной достоинства улыбкой).*

Любовный пыл столь рыцарского тона
Достоин зависти! Но ныне волей трона
Мечам дано другое назначенье
И недосуг смыть кровью оскорбленье.
Мсье де Мортемар, узнайте от меня:
Сегодня все мечи на службе короля.
Я прямо из дворца на взмыленном коне.
Война объявлена!

Дюбарта *(выпрямившись, восклицает, сжимая эфес шпаги).*

Война?

Ласюрет.

Поверьте мне:
Сегодня стук мечей и стук мужских сердец

Не в будуарах, нет, проказам всем конец!

На рейнских берегах крепим французский щит…

Дюбарта *(выхватывая шпагу из ножен, благоговейно шепчет).*

О Франция!

Вдали слышится звук трубы.

Ласюрет. Она — та сила, что роднит.

Двух рыцарей, ее без муки любят двое,

Без тени ревности, как братья и герои.

Дюбарта.

О маршал, ваш пример…

Ласюрет *(почти не в силах слушать его восхвалений, обращается к мадам Александре, благородство и великодушие все больше переполняют его).*

Арманс, я убежден.

Ты не рассердишься на то, что выбрал он

Из вас обеих Францию свою!

Мадам Александра *(сражена, но тоже испол-*

нена благородства).

Ну что ж, ступайте… Ей я уступлю
Два сердца доблестных, пусть я одна страдаю.

Ласюрет *(с неожиданной человечностью).*

Терзания страстей, мадам, я понимаю.
Прощайте! Нам пора. Идемте, Мортемар! (Уходит.)

Дюбарта *(с величественным смирением мадам Александре).*

Прощайте! (Уходит вслед за Ласюретом под звуки труб.)

Шествие замыкают факелоносцы.

Мадам Александра *(рыдая, падает на руки Коломбе).*

О, какой безжалостный удар!

Коломба *(пытаясь ее утешить).*

Мадам, вернется он такой же верный, страстный.

Мадам Александра *(задумывается на минуту, рыдания ее утихают, и она шепчет с невыразимой*

женственностью).

Он, может быть... А я?

Коломба *(поражена).* Вы?

Мадам Александра *(томно).* Молода, прекрасна,

Сумею ли прогнать соблазны этой ночи?..

Эрот, проказник наш, не любит проволочек.

Из женщин ни одна Эрота не обманет —

Готова умереть, но ждать она не станет.

Из парка доносятся звуки менуэта.

Клоринда, друг, пойдем потанцевать, покуда

Звучит нам музыка над тихой гладью пруда,

В боскетах шорох, поцелуи, маски.

Мне двадцать лет, хочу упиться сказкой!

Идем, спешим и до зари пунцовой

Забудем нашу страсть в объятьях страсти новой!..

Они убегают так быстро, насколько позволяет возраст мадам Александры, а музыка все нарастает, в глубине сцены в фарандоле проносятся маски. Занавес. Бешеные аплодисменты. Занавес снова поднимается, артисты возвращаются на сцену, раскланиваются. Мадам Александра и Дюбарта обмениваются преувеличенными любезностями. Вызовы не утихают. В конце концов мадам Александра, следуя тщательно разработанному сценарию, выходит кланяться одна, как бы не в силах сопротивляться настояниям Дюбарта. Ей подносят большой букет. Она слишком взволнована приемом публики, она не способна сдержать слезы, она может лишь молча поклониться, она вся разбита чрезмерным напряжением всех сил и чувств, как это бывает со всеми великими артистами, которые отдаются, не щадя себя, своему божеству. Они рассыпаются в благодарностях друг другу. Наконец занавес падает в последний раз, и поведение актеров мгновенно меняется. Освещение тоже меняется. Мадам Александра швыряет букет, который она прижимала к груди, в руки Жорж, появившейся на подмостках и несущей мадам

Александре вместо маршальского жезла ее настоящую палку, на которую та опирается из-за мучающего ее ревматизма. Мадам Александра уходит, прихрамывая, сразу вдруг постаревшая.

Дюбарта *(снимает парик и бросает, уходя со сцены).* Нынче вечером что-то нелегко было растрогать этих скотов!

Тем временем Ласюрет все еще в костюме маршала Виллардье помогает бутафору убирать декорации, хотя ему ужасно мешают рапира и треуголка. Из глубины сцены возникает Жюльен и останавливает Коломбу. Во время этой сцены огни постепенно гаснут, и рабочие сцены разбирают и уносят декорации. Жюльен и Коломба остаются на пустой сцене одни в полумраке.

Жюльен. Коломба, я весь вечер шатался по улицам… А теперь нам надо поговорить.

Коломба *(делает шаг в сторону).* Я должна пойти переодеться.

Жюльен *(преграждает ей дорогу).* Нет, наверх ты не пойдешь. Я не могу их видеть. Мне стыдно.

Коломба. Ну, я слушаю.

Жюльен. Я говорил с Арманом.

Коломба *(холодно).* Да.

Жюльен. Он во всем признался. Ты видела его

после нашего объяснения?

Коломба. Да.

Жюльен. Ты сама понимаешь, мне особенно больно оттого, что это он.

Коломба *(ровным голосом).* Разумеется. Я прошу у тебя прощения, Жюльен. Нам обоим очень не хотелось причинять тебе боль. Ведь мы оба тебя любим.

Жюльен. С самого раннего детства он меня обкрадывал, а я по-настоящему не мог на него сердиться… Потому что он был моложе, слабее… Игрушки, ласки… А теперь… Я думаю, что вы оба очень молоды, очень легкомысленны и, потом, я оставил тебя одну. И я думаю, что вечно ворчал на тебя, будто школьный учитель, пытаясь втолковать, как я тебя люблю, и, верно, я часто тебе здорово надоедал.

Коломба *(с непроницаемым видом).* Да.

Жюльен. Шагая нынче вечером по улицам, я все время говорил с тобой вслух. Все тебе объяснял. Прохожие оглядывались на меня, должно быть, думали, что я сумасшедший. Я натыкался на них, вежливо извинялся и начинал все сначала. Странное дело, можно, оказывается, шагать, улыбаться, переходить на другую сторону улицы и… быть мертвым. Я уже мертв.

Молчание.

И, очевидно, мертвые более снисходительны. Я решил попытаться тебя простить. Только сначала мне хотелось бы понять.

Коломба *(терпеливо слушает его. Вдруг спокойным тоном).* Слишком долго пришлось бы объяснять, козлик. А я боюсь опоздать. Давай подымемся в мою уборную, ты будешь говорить, а я начну переодеваться.

Жюльен *(кричит).* Только о переодевании и думаешь! И куда ты опоздаешь?

Коломба *(спокойно).* На ужин, о котором я тебе говорила.

Жюльен *(не верит своим ушам).* Но неужели ты серьезно думаешь идти на этот ужин после всего, что произошло? Я же завтра уезжаю.

Коломба. Я тебе говорила, что для меня это очень важно.

Жюльен. Коломба! Да ты с ума сошла!

Коломба. Это ты с ума сошел, раз ничего не понимаешь. К чему эти капризы? Мы можем отлично поговорить в уборной, пока я буду переодеваться. Они ждут меня после спектакля в карете у театрального подъезда.

Жюльен *(грубо поворачивает ее лицом к себе).* Посмотри на меня, Коломба! Сейчас ты играешь.

Притворяешься равнодушной, потому что боишься объяснения.

Коломба. Да нет, дорогой! Я готова отвечать на любые твои вопросы. Я прошу только, дай, я буду во время разговора переодеваться. Я боюсь опоздать. Что же тут непонятного?

Жюльен. И у тебя хватит духа бросить меня одного сегодня вечером, даже не попытавшись смыть то, что произошло между нами, пойти смеяться с другими мужчинами?

Коломба. Но я вовсе не собираюсь смеяться! Неужели ты воображаешь, что к «Максиму» ходят веселиться? Я думаю о своем будущем, вот и все.

Жюльен *(кричит, уже не в силах сдержаться).* Коломба, ведь не грезил же я раньше! Ты же не могла не видеть, как я мучаюсь. Когда мы с тобой ссорились, ты всегда потом старалась меня утешить.

Коломба. Я и хочу тебя утешить, Жюльен! Только этого и хочу. Но ты тоже будь благоразумным, не заставляй меня опаздывать.

Жюльен *(снова кричит).* Неправда! Ты не могла меня так сразу разлюбить.

Коломба *(безмятежно).* А кто тебе сказал, что я тебя разлюбила, козлик?

Жюльен. Наша общая рана, она еще кровото-

чит, она воспалится, нагноится, возможно, убьет нас обоих, поэтому надо лечить ее немедленно. Коломба, давай попытаемся очнуться от этого дурного сна. Ты легкомысленна, ты потеряла разум, но ты моя жена… За нами целая череда незапятнанных дней, все, о чем мы вместе мечтали. *(Почти застенчиво.)* У нас ребенок, Коломба…

Коломба *(раздраженно восклицает).* Так я и знала, что ты непременно заговоришь о малыше, лишь бы меня растрогать! О, это уж чересчур подло!

Жюльен *(бормочет).* Почему подло?

Коломба *(без всякого перехода).* Это мой сын, я его люблю, забочусь о нем, и он никогда ни в чем не будет нуждаться. Ни в поцелуях, ни в игрушках, клянусь тебе в том! Но он не ты!

Жюльен. Как так — не я?

Коломба. Да, не ты! При чем здесь ты? Так легко нас растрогать, стоит только начать с нами говорить о нашем малыше. Сейчас как раз он лежит в колыбельке, в тепле, спит спокойно, и женщина, которую я наняла на те деньги, что сама заработала, смотрит за ним. А завтра утром я снова его подыму, сама накормлю кашкой. Поверь мне, все наши истории ему глубоко безразличны. А

когда он вырастет, я объясню ему, что ты сделал меня несчастной, что я слишком скучала и в один прекрасный день не выдержала. Вот и все!

Жюльен. Я сделал тебя несчастной, я?

Коломба. Да.

Жюльен. Я, который все тебе дал?

Коломба. А что, в сущности, ты мне дал? Только то, что тебе самому нравилось. Вот и все. Ты любил одиночество, ну мы никуда и не ходили. Ты говорил: «Как хорошо нам в нашей комнатке сидеть, тесно-тесно прижавшись друг к другу и никого не видеть». А я была так молода и глупа, и потом ты так усердно объяснял мне, что хорошо и что плохо, что в голове у меня все перепуталось, и я говорила «да». Но сама предпочла бы пойти потанцевать!

Жюльен. Но мы же ходили танцевать…

Коломба. Два раза за два года. И потом, ты плохо танцуешь! А когда меня приглашали, ты заставлял меня отказывать всем кавалерам.

Жюльен. Но ты же любила меня, Коломба. Это было вполне естественно.

Коломба. Да, любила, но я любила также и танцевать! И я предпочла бы, вместо того чтобы слушать твои проповеди о морали и человеческой глупости, поплясать с кавалерами и

послушать их глупые, но зато смешные разговоры. Потому что я была такая же глупенькая, как и они. Разумеется, ты был высшим существом, ты был слишком умен, но неужели ты думаешь, что для женщин так уж важен ум? Разве что в книгах… впрочем, все книги, которые ты заставлял меня читать, казались мне скучными. Я лично люблю совсем другие, а приходилось делать вид, что я млею от восторга… В жизни, во всяком случае, я предпочитаю дураков, шалопаев. С ними хоть весело. И они живут!

Жюльен. Но ведь мы тоже жили. Вспомни вечера, когда я играл для тебя. Тебе нравилось слушать, как я играю. А это тоже значит жить…

Коломба. Тебе нравились совсем другие пьесы, чем мне. А приходилось слушать твои. Ух, твой Моцарт, твой Бетховен!.. А когда на улице аккордеонист начинал играть мои любимые песенки, ты закрывал все окна, ты злился…

Жюльен. Я хотел научить тебя любить прекрасное…

Коломба. Почему это только ты один знаешь, что такое прекрасное? Что нравится человеку, то и прекрасно! А я вот люблю уличные песенки, танцульки, красивые платья и букеты цветов. А ты мне никогда ничего не покупал.

Жюльен. У нас не было денег.

Коломба. Ты просто не желал пальцем пошевелить, чтобы заработать! Это тебе претило. Самое главное было — беречь свое искусство. Чтобы стать великим пианистом. А я для того, чтобы ты стал великим пианистом, мыла посуду и целыми днями стирала в полном одиночестве. И если бы я во имя нашей великой любви продолжала вести тот же образ жизни и ты стал бы наконец великим пианистом, — так вот, когда тебя забросали бы цветами в вечер первого твоего выступления, воображаю, с какими руками я явилась бы на концерт. Правда, ты, возможно, купил бы мне перчатки, чтобы скрыть мои красные распухшие пальцы. Первые нерваные перчатки!

Жюльен. Это ужасно! Замолчи.

Коломба. Да, это ужасно, но, слава богу, с этим покончено. Теперь я сама о себе забочусь, живу так, как мне по душе. Смеюсь с теми, кто меня смешит своими глупостями, и не думаю о том, покажутся ли они тебе тоже смешными или же ты будешь мрачно глядеть мне в затылок, а вернувшись домой, надуешься.

Жюльен. Если я дулся, то лишь потому, что любил тебя, и я мучился, когда ты смеялась с другими.

Коломба. Ну и хорошо, больше я тебя мучить не стану… Прямо гора с плеч! Хватит, намучилась твоими муками, вечными твоими муками по любому поводу… О, конечно, хорошо иметь чувствительную душу, ведь не бревно же я в самом деле. В театре мне, как и всем прочим, приходится плакать, но в жизни, козлик, это обременительно! Хочешь, я скажу тебе все? С тех пор как ты уехал, я счастлива. Я просыпаюсь, светит солнце, я открываю ставни, и на улице впервые в жизни нет никаких трагедий. Плетельщик соломенных стульев, тот, что на углу Лионского банка, кричит мне: «Доброе утро, красавица! Я тебя обожаю!» Я ему говорю: «Доброе утро!» — и весь день не испорчен драмой за то, что я позволила себе ему ответить. И когда звонит почтальон, я открываю ему в ночной сорочке, и тоже никаких драм не следует. И вообрази, вовсе я не падшая женщина, просто я молоденькая женщина, а он почтальон. И мы довольны друг другом: он тем, что я в ночной сорочке, а я тем, что нравлюсь ему в этой сорочке. И он уходит веселый такой, потому что воображает, будто что-то видел, и то, что он видел, нравится ему больше, чем стаканчик вина, а я радуюсь своей красоте, впервые не стыжусь ее, — и, убирая квартиру в ночной сорочке, при-

танцовываю. Потом раздеваюсь донага и моюсь в кухоньке, при открытом окне. И пускай себе господин, живущий напротив, хватается за бинокль — просто господь бог посылает нам обоим радость; и вовсе от этого я не становлюсь грешницей и не обязана по два часа реветь с тобой и тебя утешать. Эх, бедный мой козлик, разумеется, этого ты никогда не поймешь, но если бы ты только знал, как легка без тебя жизнь! Как прекрасно стать наконец самой собой, такой, какой тебя сотворил бог!

Жюльен. Но я ревновал потому, что любил! Если другой мужчина тебя полюбит, он станет так же ревновать, как я.

Коломба. Нет. Или, вернее, мне будет только смешно, и от этого моя жизнь печальнее не станет.

Жюльен. Арман тебя не любит! Ты же сама это знаешь.

Коломба. Знаю только, что он любит меня так, как мне нужно, и этого достаточно. Любит со мной посмеяться, говорит мне, что я красивая, доставляет мне маленькие радости и подносит мне маленькие подарочки, возится со мной.

Жюльен. Я… мне… мною!.. Будто нет других слов.

Коломба. Да, козлик, я теперь ученая. И ты только потому так опешил, что прежде эти слова говорил ты сам, только ты.

Жюльен *(кричит).* Но мне больно, Коломба!

Коломба. Да, Жюльен, все это очень грустно. И мне тоже было больно.

Жюльен. Я причинял тебе боль, не подозревая об этом, ведь мои упреки, мое ворчание — это же моя любовь к тебе.

Коломба *(отчужденно).* Нет, Жюльен, к самому себе.

Жюльен. Какие ты глупости говоришь!

Коломба. Ту, которую ты любил, ту, которую ты хотел видеть во мне, ты сам выдумал. И это была не я! Теперь я хочу, чтобы меня любили со всеми моими маленькими достоинствами и недостатками. Хочу, чтобы тот, кто меня любит, получал радость. А ты никогда не получал от меня радости, и ты никогда не научишься понимать женщин, а ведь единственное, что они умеют делать, — это доставлять радость. И не следует лишать их этого. А сейчас, Жюльен, я действительно опаздываю. Мы сказали все. Пусти, я пойду переоденусь.

Жюльен *(хватает ее за руку).* Нет!

Коломба. Пусти!

Жюльен. Нет!

Коломба. Грубиян! Грязный скот! Мне же больно. Только на грубость ты и способен. Ты ведь сильнее. Можешь дать мне пощечину, как тогда в уборной. Думаешь, я забыла? Я ничего не забываю! Ну, что ж ты молчишь, бей! Ты сильнее.

Во время их разговора рабочие унесли все декорации и мебель, за исключением кушетки, на которую они упали во время их ссоры. Рабочие приближаются.

Машинист сцены. Мсье Жюльен, пора уносить кушетку.

Жюльен молча подымается, рабочие уносят кушетку. Жюльен привлекает к себе Коломбу. Они одни стоят посреди огромной пустынной сцены, освещенной только рабочей лампой.

Жюльен. Послушай, Коломба. Глупо было так кричать. Теперь я скажу несколько слов абсолютно спокойно. Хочешь выслушать меня?

Коломба. Нет.

Жюльен *(берет ее за руку).* И все-таки тебе придется выслушать.

Коломба. Ты сильнее. Ты даже можешь меня убить, если захочешь. Несчастный, обманутый муж! Можешь смело рассчитывать — тебя оправ-

дают.

Жюльен. Я только хочу спросить тебя об одном. Обещай ответить на мой вопрос.

Коломба. Смотря по тому, на какой. Спрашивай.

Жюльен. Почему, когда я пришел сегодня к тебе в уборную, ты бросилась мне на шею?

Коломба *(мягко).* Потому что мне было приятно тебя увидеть. Правда, правда.

Жюльен. Почему ты так мило расспрашивала меня о моей жизни, беспокоилась обо мне?

Коломба. Потому что я не хочу, чтобы ты был несчастным.

Жюльен. И потом, когда я стал тебя расспрашивать, когда я подозревал всех и каждого, почему ты все отрицала, говорила, что ничего худого не сделала? Почему ты клялась, что любишь только меня?

Коломба. Ты был так нелеп со своими подозрениями! Не могла же я взять и сказать тебе: да. Ни тем более открыть тебе правду, чтобы тебе стало еще больнее. Я тебя очень люблю, ты завтра уезжаешь, я боялась, что ты там будешь мучиться в одиночестве. Я вообще предпочла бы, чтобы ты ничего пока не знал.

Жюльен. Почему же ты взяла мои руки в свои

и поцеловала, почему обвила ими свою талию?

Коломба. Чтобы ты мне поверил, чтобы доставить тебе удовольствие.

Жюльен. И не спроси я Армана, поверь я тебе, ты, вернувшись после этого ужина, легла бы со мной в постель?

Коломба. Да.

Жюльен. Позволила бы себя ласкать, была бы моей?

Коломба *(невозмутимым голоском).* Конечно.

Молчание.

Жюльен *(бормочет).* Ничего не понимаю.

Коломба. Вечно ты ничего не понимаешь. Я тебя очень люблю, вот и все. А ты там один, ты три месяца провел без женщины — ведь я же знаю, бедный мой козлик, что ты меня никогда не обманывал. Если бы ты ничего не узнал, не стала бы я выдумывать, что у меня, мол, мигрень или болит живот, чтобы лишить тебя удовольствия. Не чудовище же я, в самом деле!

Жюльен. И ты позволила бы взять тебя как уличную девку, не получая никакого удовольствия?

Коломба *(шепчет искренне).* Почему никакого удовольствия? Я люблю, когда ты меня ласка-

ешь.

Жюльен *(кричит).* А Арман?

Коломба. И когда Арман — тоже. Просто это совсем разные вещи. У тебя редкий талант все усложнять.

Жюльен. И ты ему об этом сообщила бы?

Коломба *(с негодованием).* Зачем? Это его не касается! С чего это ты взял, козлик? Арман на меня никаких прав не имеет. Этого еще только недоставало! Конечно, мы друзья, конечно, мы нравимся друг другу… А ты вроде как с войны вернулся или почти с войны… Посмотрела бы я, как он осмелился бы заикнуться! Запомни, я никогда не разрешаю ему плохо о тебе отзываться. Пойди спроси его самого, позволила я хоть раз насмешничать по твоему адресу. За кого ты меня, в конце концов, принимаешь?

Молчание. Ошеломленный, Жюльен не смеет продолжать расспросы.

(Тихо.) Ну как, козлик, могу я теперь пойти переодеться? Им уже, верно, надоело сидеть в карете и ждать. Обещаю тебе у «Максима» не задерживаться и как можно скорее вернуться домой.

Жюльен *(спрашивает как бы про себя).* Но ведь мы же с тобой по-настоящему любили друг друга,

оба любили, скажи, Коломба?

Коломба. Да, козлик.

Жюльен. Мне стыдно спрашивать тебя об этом… Ты не притворялась?

Коломба. Нет, козлик, никогда.

Жюльен. Тогда почему же, почему? Ни за что мне этого не понять. Ведь уехал я сравнительно недавно. Ведь не война же это, в самом деле, когда женщина уже не в силах выдержать одиночества и сама не знает, как и почему в один прекрасный день уступает первому встречному мужчине… Тебя ведь ничто не вынуждало… Очевидно, ты любишь Армана больше меня?

Коломба. Нет, козлик.

Жюльен *(смиренно).* Но все же одинаково со мной?

Коломба. Что же я, по-твоему, сравниваю? Странный народ вы, мужчины. Будто только это одно и важно. Просто маньяки какие-то. Не могла же я в самом деле повсюду ходить с Арманом, позволить ему ухаживать за собой, возиться со мной целыми днями, а потом сказать ему «нет»? Надо, дружок, попытаться понять и это!

Жюльен *(страдальчески кричит).* Но я пытаюсь! Все время только и пытаюсь…

Коломба. Нет, надо попытаться понять, как мы

понимаем, а не обязательно по-своему!

Жюльен. Значит, если бы я остался здесь, если бы ничего не заметил, ты принадлежала бы нам обоим? О, какой стыд!..

Коломба *(раздраженно повторяет).* «Если бы», «если бы»!.. Я живу без всяких «если». Если бы ты остался, тогда бы я и подумала, что делать. Но тебя не было. И это тоже твоя вина! Незачем вечно обвинять других, не надо было оставлять меня одну...

Жюльен. Но рано или поздно меня, как и всех, должны были призвать в армию.

Коломба. Если бы ты меня любил, тебя бы не взяли! Тебе предлагали, а ты сам не захотел. И тогда-то я поняла, что ты думаешь только о себе, что мне надо самой о себе подумать, больше ведь некому!

Жюльен *(неожиданно мягким голосом).* Бедняжка моя Коломба...

Коломба *(сразу растрогавшись своей участью).* Конечно, бедняжка. И не воображай, что женщинам все это так уж весело! И не воображай, что страдания красят женщину... Мне надо сейчас быть очень красивой, а это нелегко!

Жюльен. Бедная двухгрошовая Коломба... Ты думаешь только о своем ужине... Я любил тебя,

как маленький мальчик любит свою мать, как любит мальчик другого мальчика, с которым он ночью в дортуаре пансиона расписался кровью в дружбе на жизнь и на смерть; как товарища, вместе с которым борешься, живешь всю жизнь, пока оба не состарятся, не станут дряхленькими, седыми и у них останется лишь одно: сидеть рядышком и, закрыв глаза, вспоминать былое… И кроме того, я любил тебя как настоящую женщину… И в плохом, и в хорошем, и в ссорах, и в молчании, когда так глубоко знаешь друг друга, что уже нет нужды в словах… И ради всего этого я отказался от своей прекрасной мужской свободы, от приключений, которые ждали меня, как и других, под золотым солнцем, от еще неизведанных морей и девушек, всех девушек, которых я встречал на улице и проходил мимо… Все это я отдал тебе, отдал без сожаления лишь для того, чтобы стать старичком, пусть смешным, но зато блаженствующим рядом с тобой, на которого ворчат за то, что он надымил своей трубкой, который выклянчивает два су на газету… Все это в моих глазах выглядело вполне достойным мужчины приключением, потому что я любил тебя.

Пауза.

Коломба *(несколько задетая, просто).* Теперь ты сможешь путешествовать сколько душе угодно! Сможешь, наконец, приставать к девушкам на улице. Снова предлагать им уехать с тобой, как ты предложил мне два года назад.

Жюльен *(тихо).* Да, теперь я могу.

Коломба. Представляю себе, как ты будешь морочить им голову, ослеплять, как меня, своим печальным видом, своим бунтом, своей бесценной великой душой, которую оскорбляет и ранит все на свете. Ах, какая же я была идиотка, какая идиотка, что тебя слушала! Просто дура!

Жюльен *(хватает ее за руку и кричит как безумный).* Не смей говорить плохо о той Коломбе, которая была два года назад! Я храню ее! Она моя!

Коломба. Твоя, несчастный человек? И ты воображаешь, что хорошо знал ее? Настоящий ангел, да? Такой ты ее видел? Ангел в цветочном магазине, куда каждый день являются престарелые волокиты заказывать себе бутоньерки. Ты слышал об этом или нет? А букеты, которые приходится разносить новобрачным, а там всегда найдется свекор или тесть, который очень огорчен и говорит вам, что ему отныне будет ужасно одиноко; а венки для похорон, когда весь дом

пропах покойником, но все-таки там обязательно подвернется какой-нибудь кузен, не столь сраженный горем, и он-то обязательно постарается затащить вас в укромный уголок. А сам хозяин в подвале, где делают корзины… а рассыльный — ты думаешь, может, они тоже ангелы? Храни, если хочешь, твою леденцовую Коломбу, но, поверь, козлик, что эта святая недотрога — тоже плод твоего воображения.

Жюльен *(хватает ее за руки и трясет как безумный).* Запрещаю, слышишь, запрещаю тебе грязнить ее!

Коломба. А я имею на это право. Если не ошибаюсь, ведь речь идет обо мне?

Жюльен *(кричит).* Нет! *(Смотрит на нее с ненавистью и жалостью.)* И знаешь, что меня особенно страшит: что когда мне удастся тебя разлюбить, ты ведь можешь стать совсем гадкой… Страшно при мысли, что ты останешься одна на земле с твоим бедным замкнутым личиком, с твоими бедными маленькими грудками, открытыми всему свету, со всеми твоими женскими прелестями, с твоим жалким эгоизмом и без моей любви.

Коломба *(просто).* Мне больно, Жюльен, у меня будут синяки на руках. А пользы это никому не

принесет.

Жюльен *(вдруг отпускает ее).* Ладно. Ты опоздаешь. Теперь иди. Иди, быстрее переоденься.

Коломба, как только Жюльен отпустил ее, поворачивается и идет, даже не оглянувшись.

(Смотрит ей вслед, потом кричит.) Коломба!

Коломба *(оглядывается).* Что еще?

Жюльен *(смущенно).* Так, ничего. Может быть, переодеваясь, ты все-таки решишь, что лучше сегодня не ходить. Я жду тебя здесь.

Коломба еле заметно пожимает плечами, поворачивается и уходит. Жюльен растерянно стоит посреди сцены. Из-за кулисы возникает Ласюрет в чересчур тесном плаще и нелепой шляпе. Делает вид, что приводит в порядок что-то на сцене, чтобы приблизиться к Жюльену.

Ласюрет. Ну и шлюхи, а? Отдаешь им буквально все, работаешь для них как вол, они позволяют себя кормить и украшать ленточками, как собачонок; все это очень мило, вам даже временами лижут руки, но в один прекрасный день по улице пробежит пудель покурчавее и… фюйть! Ищи свищи… Я тоже был женат, мсье Жюльен. В спутницы жизни мне ее выбрала матушка…

Полноватая, тоже простушка, утонченности ни на грош, оно, впрочем, и лучше — стопроцентная гарантия. Для домашнего обихода годится! Я, вам скажу, даже колебался. Было две сестры; я выбрал для спокойствия ту, что похуже. Чистая вошь, мсье Жюльен! Мордоворот! Да еще косоглазая. Но я, как известно, человек скромный, не затем я ее взял, чтобы выставлять напоказ. Я так рассуждал: в постели что она, что другая — один черт! А по хозяйству, как известно, чем уродливее, тем старательнее. Только, мсье Жюльен, с этими куклами любые предосторожности — один пшик! Уезжаю на пять дней на гастроли, возвращаюсь раньше, чем предполагалось, и что же — обнаруживаю ее в постели. И с кем? Со служащим похоронного бюро, мсье Жюльен. С настоящим гробовщиком, который жил над нами. Да еще у него заячья губа, поуродливее моей супружницы будет. И оба в чем мать родила! Да-с, я вам доложу, зрелище!

Жюльен *(глухо).* Убирайся, Ласюрет! Оставь меня.

Ласюрет. Почему же, мсье Жюльен? В такие минуты не стоит оставаться одному… Давайте лучше зайдем в кафе, пропустим по стаканчику… Поделимся опытом…

Жюльен *(стонет).* Нет! Все это слишком гадко. Все слишком гадко. *(Идет к Ласюрету.)* Убирайся! Немедленно убирайся отсюда, болван, или я тебя убью!

Ласюрет *(испуганно отступает).* Ладно, ладно, ухожу… *(Очутившись на безопасном расстоянии, кричит с ненавистью в голосе.)* Так с коллегами поступать не полагается, мсье Жюльен! *(Хихикая, убегает.)*

Жюльен оглядывается вокруг как затравленный зверь. В сопровождении Жорж, опираясь на палку, появляется мадам Александра в шарфах и пледах, сразу постаревшая.

Жюльен *(бежит к ней с криком).* Мама!

Мадам Александра. Что — мама? Ты с ума сошел, должно быть. Отойди! Ты меня растреплешь.

Жюльен. Я так несчастлив, мама.

Мадам Александра. Что посеешь, мальчик, то и пожнешь.

Жюльен. Я любил ее, мама, я ее люблю, я всегда буду ее любить.

Мадам Александра. Твой отец тоже любил бы меня вечно. Именно это-то меня и испугало. Но что это за мания такая дурацкая — требовать,

чтобы любовь длилась вечно! Почему это вас так беспокоит вечность? И вообще — что такое значит на всю жизнь? Шляпки, обувь, драгоценности — все меняется, меняются квартиры. Спроси у врачей, они тебе скажут, что за семь лет в твоем организме не останется ни одной клетки, которая бы не сменилась. Человек стареет, гниет на корню, всю жизнь мы поджариваем на медленном огне свой будущий труп, чтобы он поспел к тому дню, когда за него возьмутся черви! Мы начинаем разлагаться с момента появления на свет, и ты хочешь, чтобы одни наши чувства не менялись! Бредни, мой мальчик! Это вы с папашей в школе начитались римской истории. Поверили оба в то, что пишут в ваших книжках, и это помешало вам жить. Если бы бедняга полковник — твой папаша — начал, как я, с тринадцати лет выступать в «Фоли-Бержер», он не покончил бы с собой. Он понял бы, какое место в жизни на самом деле занимает любовь! *(Жорж.)* Ну идем, Жорж. Ты захватила мои бинты для коленок? И пилюли? Уже третий день со мной неладно — запор, а тут еще надо к завтрашнему утру выучить две сотни александрийских стихов.

Жюльен *(удерживая ее).* Мама, но ведь и ты тоже страдала. Ты уже старая. Нельзя стариться

без страданий… И это все, что ты можешь мне сказать? Я сегодня так одинок…

Мадам Александра. И ты всегда будешь одинок, как твой отец… Будешь одинок потому, что ты думаешь только о себе, совсем как он. Вы считаете, что эгоистка — это я? Настоящие эгоисты вовсе не те, что изо дня в день выискивают и копят свои маленькие радости. Такие не опасны, они не требуют больше того, что отдают сами. Они знают, что мимолетная ласка, брошенное на ходу «доброе утро» — ты мне, а я тебе, — и оба мы доставляем друг другу радость, знаем, чего все это стоит, и мы расходимся каждый в свою сторону, возвращаемся к своей будничной муравьиной жизни, чтобы продолжать существование один на один со своими потрохами, единственным, что действительно принадлежит нам. Опасны другие — те, что мешают нормальному ходу жизни, те, что хотят навязать нам свои потроха… Они вспарывают себе живот, роются в ране и открывают ее всему свету, а это противно! И чем больнее, тем им приятнее, они хватают свои потроха целыми пригоршнями, они безумно страдают, лишь бы всучить их нам, хотим мы этого или нет. А мы вязнем, задыхаемся в их потрохах… Совсем как птенцы пеликана. Никто от вас этого не требует.

Мы не голодны!

Жюльен *(стонет).* Но я ее люблю!

Мадам Александра. Чудесно! Это одна сторона дела. Но она тебя не любит. Это другая сторона, столь же существенная, что и первая. Так что же прикажешь ей делать? Прикажешь притворяться, что она будет любить тебя всю жизнь, потому что ты ее любишь? Прикажешь мучиться до семидесяти лет потому, что ты решил, что в этом твое благо?

Жюльен. Я все ей отдал.

Мадам Александра *(пожимает плечами).* Потроха! Отдал одни только потроха, как и твой папаша. А ей захотелось обновить меню! Если не ошибаюсь, это ее законное право. Иди ложись, а завтра утром поезжай обратно играть в солдатики. Вот там потроха нужны; чем больше ты их отдашь, тем выше подымешься в глазах начальства. Франция — великая пожирательница потрохов, ей их всегда мало, но мы — другое дело. Пойдем, Жорж. Ты взяла плед? Опять заныло правое колено… *(Кричит с порога.)* Может, ты хотел попросить у меня немножко денег?

Жюльен *(тихо).* Нет, мама, спасибо, мне не надо.

Мадам Александра. Ну, как знаешь! Желаю

удачи! И если ты, мой мальчик, не хочешь кончить так, как твой папаша, не дэрми направо и налево.

Обе уходят, Жюльен один на пустой сцене, он подходит к пианино, стоящему у кулис, и подымает крышку… Рассеянно берет несколько аккордов. В эту минуту, семеня, возвращается Жорж в сопровождении официанта из кафе, который несет корзину.

Жорж. Мсье Жюльен! Мсье Жюльен!

Жюльен *(оборачивается).* Что тебе?

Жорж. Посмотрите-ка, какое у мадам Коломбы доброе сердечко! Это официант от «Максима», она прислала вам полбутылочки хорошего шампанского, дюжину славненьких устриц, славненькую ножку цыпленка и немножко гусиного паштета. Где все это разложить — здесь или в уборной? Ведь как это мило с ее стороны! Она подумала: не хочу, чтобы мой муженек сидел голодный, пока я здесь пирую. Послала вам самое что ни на есть лучшее!..

Жюльен *(вскакивает, кричит).* Убирайтесь! Убирайтесь немедленно оба! Быстрее, быстрее, прошу вас! Вы слишком глупы! Вы слишком уродливы! *(Кричит.)* Да быстрее, вам говорят! Вы

же видите, я больше не могу!

Жорж *(испуганно тащит за собой официанта).* Хорошо, хорошо, незачем так кричать. Мы вам худого не сделали. Идем, идем… Найдем куда пристроить корзиночку, полную всякой всячины! Да еще пирог там есть! Стыдно отказываться от таких вкусностей, когда бедные люди с голоду помирают… Все мужчины одним миром мазаны: они нашего доброго отношения не ценят… Ослы упрямые!

Уходят.

Жюльен роняет на клавиши голову и обхватывает ее руками. Издали доносятся звуки пианино, призрачные, подхватывающие первые аккорды, которые только что сыграл Жюльен, из них вырастает мелодия. Жюльен словно не слышит, он сидит, уронив голову на клавиши. Окончательно гаснет свет.

Во мраке слышно, как на пианино играют вальс, он приближается, становится живой, настоящей музыкой, словно играют здесь же на сцене. И в самом деле, когда зажигается свет, Жюльен уже в штатском. Он сидит за пианино и играет.

Сцена по-прежнему пустынна и освещена лишь рабочей лампой, но в окошко под потолком льется солнечный свет. Дверь с левой стороны сцены

открывается, и входит Коломба в бедном скромном платьице, которого мы у нее не видели, с огромной корзиной цветов. Видимо, она не знает, куда идти.

Коломба *(заметив Жюльена).* Простите, мсье. Где уборная мадам Александры?

Жюльен *(не переставая играть).* На втором этаже, детка. Можете подождать здесь. С минуту на минуту она придет сюда репетировать. Я тоже ее жду. По крайней мере избежите подъема по лестнице и скандала. Она там в уборной крушит мебель.

Коломба. Что-нибудь не ладится?

Жюльен *(играя).* В театре, детка, всегда что-нибудь не ладится.

Коломба. Она великая актриса! Странно даже, что я сейчас ее увижу.

Жюльен. Когда вы ее увидите, вам покажется еще страннее.

Коломба. Она очень красивая, да?

Жюльен. Очень. Вроде исторического памятника. Ну, скажем, Луврского дворца. Вам это по душе?

Коломба. Какой у вас злой язык! Она же не такая старая, как дворец.

Жюльен *(по-прежнему играя).* Пока не такая

старая, как Луврский дворец, но догонит его, не беспокойтесь.

Коломба. А сколько ей лет?

Жюльен. Сто.

Коломба. Да вы смеетесь! Я видела ее на сцене. Мне как-то дали билет.

Жюльен. Ну, со сцены это другое дело! Одним махом сбрасываем с себя восемь десятков лет. Даже двадцати ей не дашь, она вся — чистота, вся трепет… Первые робкие открытия любви — вот ее любимая роль на протяжении четверти века и притом каждый вечер. Это, знаете ли, помогает сохраниться…

Коломба. Вы очень зло говорите о ней, а ведь вы здешний. Если бы она только слышала!

Жюльен *(все так же за пианино).* Она привыкла. Я ее сын…

Коломба *(вскакивает со стула).* Вы!

Жюльен. Я. И не особенно горжусь этим. Впрочем, и она тоже.

Коломба. Но она еще молодая, вы лжете.

Жюльен *(улыбается и поворачивается на табурете).* Почему?

Коломба *(бормочет).* Потому что вы сами очень молодой, вы… сами.

Жюльен *(вдруг покраснев, тоже бормочет).*

Я не особенно люблю комплименты, но зато вы чудо какая хорошенькая…

Оба смущенно молчат.

(После паузы.) А интересно быть цветочницей?

Теперь они оба говорят, как во сне.

Коломба. Не всегда, а вот сегодня…

Жюльен. Зато видите много людей…

Коломба. Да. Но знаете, цветы обычно покупают старики.

Жюльен *(невольно вскрикивает).* Тем лучше!

Коломба. Почему?

Жюльен *(покраснев).* Да так просто. Когда разбогатею, буду покупать у вас букеты и дарить их вам.

Коломба. Правда?

Жюльен. Да. Вам никогда не дарили цветов?

Коломба. Никогда.

Жюльен. А ваш дружок?

Коломба*(тихо).* У меня нет дружка.

Жюльен *(вдруг встает и берет из корзины розу).* Тогда держите! Я решил начать немедленно.

Коломба *(испуганно вскрикивает).* О, моя корзина! Вы с ума сошли! Будет целая история!..

Жюльен. Ничего, беру все на себя. Раз я здесь,

все равно истории не миновать.

Коломба *(нюхая розу).* Странное дело: когда вам дарят цветы, хочется их все время нюхать. Ваша мама не любит, чтобы вы приходили в театр?

Жюльен. Не особенно.

Коломба. Боится, что вы сведете здесь неподходящие знакомства?

Жюльен *(громко смеется).* Боже, до чего же мила!.. Нет… Не потому. Она боится, что я буду просить у нее денег. Я живу один. Много, по восемь часов в день, играю на рояле, чтобы когда-нибудь потом давать концерты, поэтому для заработков просто времени не остается. И иногда к концу месяца приходится просить деньги у нее. Но я стараюсь делать это как можно реже, мне это не очень-то приятно. Да и ей тоже.

Коломба. Как хорошо быть гордым!

Жюльен. Хорошо, но обременительно.

Коломба. Если бы я полюбила мужчину, мне хотелось бы, чтобы он непременно был гордым. Настоящим мужчиной. Чтобы он ничего не принимал без борьбы.

Жюльен. Вот именно поэтому я и стал позором для всей нашей семьи. Я или играю на рояле, или с кем-нибудь ругаюсь.

Коломба. А вы действительно играете по во-

семь часов в день?

Жюльен *(улыбаясь).* Да, к счастью для других!

Коломба. Вы, должно быть, очень хорошо играете!

Жюльен. Пока еще нет, но это придет.

Оба смущены и не знают, о чем, и как говорить.

А цветочницы много зарабатывают?

Коломба. С чаевыми франков сто в месяц.

Жюльен. Значит, вы девушка в моем стиле!.. А что, если как-нибудь вечерком я подожду вас у магазина и мы пойдем пообедаем?.. Надеюсь, вы не потребуете, чтобы я повел вас к Ларю?

Коломба. Я даже не знаю, где это. Но у Поккарди я раз была.

Жюльен *(весело).* Ну и прекрасно, тогда пойдем к Поккарди! Черт с ними, с расходами! Придется старухе раскошелиться!

Коломба. И мы закажем все закуски?

Жюльен. Все! И даже по две порции…

Коломба. Когда?

Жюльен. Сегодня вечером! Зачем откладывать!

Коломба *(испуганно).* Но у нас ничего не выйдет. Я уже сегодня в магазин не вернусь. На этом

моя работа заканчивается.

Жюльен *(встает, берет ее за руку).* Тогда пойдем немедленно.

Коломба. А корзина?

Жюльен. Оставим здесь. Она достаточно велика. Они ее заметят.

Коломба *(благоразумным тоном).* Может, лучше дождаться и получить чаевые?

Жюльен *(спохватывается).* Верно. Какой же я дурак! Хорошо бы мы выглядели у Поккарди! У меня всего двадцать два су.

Коломба. А знаете, ведь это я только сейчас сразу согласилась. А обычно-то нет. Это впервые.

Жюльен *(стоя перед ней, серьезно).* А я обычно никого не приглашаю. Значит, тоже в первый раз. Вы думаете, так бывает?

Коломба. Что?

Жюльен. Что можно понравиться друг другу с первого взгляда. Впрочем, ничего особенного тут нет, очень часто нравятся друг другу… А вот то, что вдруг становится так хорошо, оттого что вместе. Так хорошо, словно мы очутились вдвоем где-то далеко отсюда.

Коломба. Не знаю.

Жюльен *(садится рядом с ней на скамью, кладет руку ей на плечо).* Вам сейчас хорошо?

Коломба. Да.

Жюльен. И с вами это часто бывает?

Коломба. Нет.

Жюльен. А со мной никогда. Я вам скажу одну вещь. Лучше, чтобы вы узнали об этом прежде, чем мы пойдем к Поккарди. У меня мерзкий характер. Я никого не люблю. Я все время со всеми ругаюсь. Все меня ненавидят.

Коломба. Не может этого быть.

Жюльен. Может. Потому что я ни с кем не обхожусь любезно. Просто не могу.

Коломба. А я, напротив, считаю, что вы очень любезны.

Жюльен. С вами — да, но это исключение, я и сам заметил, что, оказывается, могу быть любезным. Вы были в зоологическом саду?

Коломба. Да. А почему вы спрашиваете?

Жюльен. Вам интересно смотреть на медведей? Понравились они вам, лапищи-то у них такие здоровенные. Так вот, я тоже медведь. Хватило бы у вас терпения приручить медведя?

Коломба *(сидя возле него, тихо).* Это значит большие сильные руки… И от них тепло, и они от всего на свете защитят. И все, что он говорит, медведь, все правда и останется правдой навсегда.

Жюльен. Да. Все это я умею. И тем не менее я

одинок, ужасно одинок, потому что девушкам не особенно-то нравятся медведи.

Коломба. А я еще не знаю хорошенько, что мне нравится, знаю одно: сейчас мне очень хорошо. Это-то уж верно. Только я немножечко боюсь, мне кажется, что все это, пожалуй, произошло слишком быстро.

Жюльен. Я боюсь еще больше, потому что я давным-давно мечтал найти девушку, которой нравятся медведи.

Коломба *(тихо).* Когда я бываю с другими молодыми людьми, мне хочется им возражать, смеяться над ними, злить их. А вас нет.

Жюльен. Ах, если бы это было правдой! Если бы это могло случиться, как в романе, — сразу и навсегда. Поклянитесь мне хотя бы, что вы будете мне верны до конца сегодняшнего вечера. Я не требовательный, хотя бы до Поккарди.

Коломба *(смеется, она тронута).* Клянусь вам!

Жюльен. Плюньте.

Коломба *(плюет).* Плюнула!

Жюльен *(робко).* Поцелуйте меня. Надеюсь, это не слишком преждевременно?

Коломба *(на одном дыхании).* Нет. *(Протягивает ему губы.)*

Жюльен *(целует ее и вдруг вскакивает, кричит как безумный).* О, это слишком прекрасно! Слишком прекрасно! А вдруг жизнь и впрямь хороша? А вдруг все вовсе не такие уродливые, не такие злые, какими кажутся? Как знать, а вдруг мама молоденькая и хорошенькая… Все возможно… Ах, это слишком, слишком прекрасно, поверьте мне! Что ж, надо отметить это событие. Разрешите предложить вам еще цветок!

Коломба *(испуганно). О* мсье, но корзина не будет иметь вида!

Жюльен *(берет корзину).* Вы правы. К чему скаредничать? Дарю вам всю корзину.

Коломба *(жалобно).* Но я же принесла ее вашей матери, мсье!.. *(Вдруг спрашивает.)* Мсье… мсье…

Жюльен. Жюльен. А вы?

Коломба. Коломба.

Жюльен *(радостно вскрикивает).* Коломба! Но что же такое происходит нынче вечером, раз все, как по волшебству, стало таким прекрасным?

Входит мадам Александра в сопровождении Нашего Дорогого Поэта, Дефурнета, Ласюрета и прочих.

Мадам Александра. Дэрмо! Дэрмо! Все они настоящее дэрмо! А через три дня премьера!

(Заметив Жюльена, взвизгивает.) А ты что тут делаешь? Нам только дэрмовых сцен не хватает!

Жюльен. Дорогая моя мамочка, ты же видишь, я целую цветочницу.

Мадам Александра *(недоуменно оглядывается на своих спутников).* Что он такое мелет?

Жюльен. Дорогая мамочка, будь хоть раз такой, как в твоих пьесах, сделай красивый жест.

Мадам Александра *(кричит; очевидно, это у нее уже рефлекс).* Нет у меня денег!

Жюльен. Я и не прошу у тебя денег. Эта девушка принесла тебе корзину цветов, а у тебя в уборной уже гниет их целая дюжина. А это очень красивые цветы. Я подарил их девушке.

Мадам Александра *(по-прежнему ничего не понимает).* Что? Что? Что ты ей подарил?

Жюльен. Твою корзину.

Мадам Александра. Ничего не понимаю. Мы работаем. Приходи после генеральной. Мадемуазель, поставьте корзину сюда. Ласюрет, дайте ей десять су. Нет, пять. А вы, Дефурнет, потрудитесь сегодня же вечером прослушать десяток новеньких! Не верю, чтобы вы не могли найти хотя бы одной приличной, ведь вы же их дюжинами через свой кабинет пропускаете!

Дефурнет. Но вот та брюнеточка, которая была

днем…

Мадам Александра. Та брюнеточка настоящая вошь. Я прошу у вас девушку, которая смогла бы сыграть роль, а не такую, чей зад вам нравится.

Дефурнет *(пожимает плечами).* Роль! Роль! Не будем преувеличивать. Спеть песенку и сказать два слова. Если я не могу обещать девушке, которая мне симпатична, даже такого огрызка роли, кто я тогда в театре?

Мадам Александра. Вы платите, Дефурнет! И мы великодушно принимаем ваши деньги. Деньги у всех есть. А вот талант — редкость. Мы не спрашиваем, чем занимается у вас в кабинете девица, которая будет играть с нами, нам это глубоко безразлично, мы требуем от нее только одного — таланта.

Дефурнет. Да хоть испробуйте ее! Я же вам говорю, что талант из нее так и прет.

Мадам Александра *(насмешливо).* Может быть, из нее кое-что и прет, не спорю. Но, во всяком случае, не талант!

Наш Дорогой Поэт *(он в течение всего этого разговора вертелся вокруг Коломбы, вдруг восклицает).* Да мы сумасшедшие! Спорим битых два часа… А чего мы, в сущности ищем? Цветочницу для пятого акта, которая походила бы на

настоящую цветочницу, не так ли?

Мадам Александра. Цветочницу, а не шлюху!

Наш Дорогой Поэт *(берет испуганную Коломбу за руку и выводит ее вперед).* Вот сейчас мы все и придем к соглашению! Тут уж вы не скажете, что она непохожа на цветочницу. Настоящая цветочница. И прелестная к тому же.

Мадам Александра *(подносит к глазам лорнет).* Хорошенькая. Повернитесь-ка, душенька. Покажите ваши ноги.

Коломба *(ошеломлена).* Ноги?

Мадам Александра *(нетерпеливо).* Ну да, ваши ноги. Может, вы не знаете, где они у вас? На вид она довольно неповоротлива.

Наш Дорогой Поэт. Она конфузится! Только конфузится!.. Ну, деточка, покажите, покажите же ваши ножки… Возможно, как раз в эту минуту решается ваша судьба. *(Подымает ей юбку.)* Ножки очаровательные, смотрите, просто очаровательные, как и все прочее!

Коломба *(натягивает юбку).* Но, мсье…

Наш Дорогой Поэт. А ну, повыше, повыше… Тут нечего стыдиться. Мы смотрим на вас с чисто художественной точки зрения, деточка.

Жюльен *(выступает вперед и одергивает юбку Коломбы).* А теперь хватит! Оставьте в покое эту

девочку. Вы же видите, она ничего не понимает в ваших штучках…

Наш Дорогой Поэт. Но ведь я ей ничего худого, не делаю…

Жюльен. А если ей это неприятно? Что, если я задеру вам панталоны?

Наш Дорогой Поэт. Но нам необходимо посмотреть ее ноги! Это же для пьесы!

Жюльен. А разве я интересуюсь, как устроены ваши икры?

Наш Дорогой Поэт. Но это же смешно, при чем тут мои икры?

Жюльен *(наступает на него).* При том! Услуга за услугу. Я, например, хочу на них посмотреть.

Наш Дорогой Поэт *(испуганно пятится)* Какая нелепость! Да он с ума сошел!

Мадам Александра *(удерживает Жюлъена).* Хватит, Жюльен! Твои шутки неуместны и несмешны. Допустим, ноги у нее красивые. Надо еще иметь голос.

Наш Дорогой Поэт *(кричит из своего угла).* Но у нее есть голос! Убежден, что есть! С таким ротиком нельзя не иметь голоса. *(Подбегает к Дефурнету, берет его за руку.)* Будьте беспристрастны, наш дорогой директор, признайтесь же, что она очаровательна!

Дефурнет. Никто и не спорит, очень мила! *(Подходит к Коломбе.)* Вы уже играли в театре, деточка?

Коломба. Нет, мсье. Я цветочница.

Наш Дорогой Поэт *(в трансе).* «Нет, мсье, я цветочница!» Она не только мила, она само очарование! Говорю вам, очарование!

Дефурнет. Я директор этого театра. Не могли бы вы зайти ко мне попозже, я вас послушаю.

Наш Дорогой Поэт. Нет уж! Нет уж! Эту крошку, Дефурнет, вы к себе в кабинет не заманите. Наша Дорогая Мадам, есть у вас свободная минутка? Надо ковать железо, пока горячо. Пусть эта крошка споет нам что-нибудь.

Мадам Александра. Вы поете, детка?

Коломба. Только для себя.

Наш Дорогой Поэт *(в полном, восторге).* «Только для себя!» Какая великолепная реплика! Но это же ангел! Ангел, который сошел с небес, дабы спасти нас всех! Сколько вам лет, кошечка?

Коломба. Восемнадцать.

Наш Дорогой Поэт. Всего восемнадцать! Смотрит на жизнь широко открытыми глазами и ничего еще не знает. Это же головка Греза! Это она! Она! Говорю вам — это она, наша цветочница! Я немедленно допишу еще двенадцать строк.

Эта малютка меня вдохновляет! Бумаги, дайте мне бумаги!..

Дефурнет хватается за голову, подкошенный этой новой катастрофой.

Мадам Александра *(останавливает Нашего Дорогого Поэта, отбирает у него бумагу и карандаш).* Нет-нет. Больше ни строчки. Отдайте карандаш, Наш Дорогой Поэт. Пьеса и так уж чересчур длинная!

Наш Дорогой Поэт *(кладет карандаш в карман, он уязвлен).* Во всяком случае, ее надо прослушать немедленно!

Мадам Александра. Вы сможете нам что-нибудь спеть, деточка?

Коломба. Не знаю, мадам…

Мадам Александра. Вам известна песенка «Радости любви»? Ее в пьесе как раз и поет цветочница…

Коломба. Да, немножко…

Мадам Александра. Сейчас увидим. Жюльен! Где это животное? Ясно, когда он нужен, так его не найдешь…

Жюльен *(из своего угла).* Я здесь.

Мадам Александра. Садись за пианино, будешь ей аккомпанировать.

Жюльен *(не двигаясь с места).* Нет.

Мадам Александра. Как — нет? Почему — нет?

Жюльен. У меня палец болит.

Мадам Александра. Что у тебя с пальцем?

Жюльен. Нарыв под ногтем.

Мадам Александра. Покажи сейчас же руки. Где нарыв?

Жюльен. Еще будет.

Мадам Александра. Вот сопляк, да еще глуп! Почему ты не хочешь играть?

Жюльен. Потому что не желаю. Потому что считаю, что вы должны оставить эту девочку в покое. У нее есть настоящее ремесло, и она живет спокойно. У нее есть занятие получше, чем ходить подписывать контракты в кабинет этого гнусного Дефурнета,

Мадам Александра. При чем тут Дефурнет? Не мешайся не в свои дела. Через три дня премьера, и нам необходим хоть кто-то. А вы пойте, пойте без аккомпанемента.

Входит Арман.

Арман, любимое мое дитя, можешь ты сыграть на пианино одним пальцем «Радости любви»?

Арман. Я? Да я, дорогая момочка, одним пальцем вам всего Вагнера сыграю!

Мадам Александра. Окажи нам услугу, поаккомпанируй этой девочке. Мы хотим ее послушать. Твой болван братец отказывается играть. Интересно почему. Идите сюда, детка, не бойтесь. Мы все хотим только одного — чтобы дело у вас пошло, и мы могли бы отправиться обедать.

Наш Дорогой Поэт *(снова высовывается вперед).* Прелесть! Она прелестна! Обещаю, детка, сделать из вас актрису. Дрожит, дрожит… Идите сюда, мой котеночек. Ну, смелее, я вас не покину…

Арман. Начали!

Коломба *(голос ее сначала от страха звучит глухо, потом очень мило).*

Любовные радости
Быстро проходят,
И тянутся вечно
Любовные муки…

Наш Дорогой Поэт в экстазе, при каждой новой ноте понимающе кивает, обращаясь к слушателям. Он вздыхает, он на верху блаженства, он никогда ничего подобного не слышал. Не сдержавшись, хватает Коломбу за талию. Не прекращая пения, та старается высвободиться из его объятий. Хочет убрать его руку, но он не дает. Завязывается безмолвная борьба; по-ви-

димому, ее никто не замечает, кроме Жюльена, который вдруг бросается вперед, расталкивает слушателей и отрывает Нашего Дорогого Поэта от Коломбы.

Жюльен. Нет уж!

Коломба замолкает.

Наш Дорогой Поэт *(лепечет).* Что — нет? Почему — нет?

Жюльен. Я запрещаю вам ее трогать!

Наш Дорогой Поэт *(хорохорится).* Ах так, запрещаете? А разрешите спросить, в качестве кого?

Мадам Александра *(визжит).* Жюльен, это уж слишком. Прежде всего, почему ты явился в театр? Я же запретила тебе здесь показываться.

Жюльен. Хотел попросить у тебя немножко денег, мне надо записаться на третий триместр.

Мадам Александра. Гроша не дам! Ничего не получишь! А теперь убирайся! Да побыстрее!

Жюльен. Нет.

Мадам Александра. Как так — нет?

Жюльен. Мне необходимо видеть, что произойдет дальше, Эта девушка со мной.

Мадам Александра. Не умничай, понял? Вот велю тебя выставить прочь. Жозеф! Леон!

Рабочие сцены *(выступают вперед).* Да, Наша

Дорогая Мадам?

Мадам Александра. Немедленно вышвырните этого негодяя. И если он снова попытается сунуть нос в театр, я разрешаю вам его отдубасить!

Рабочие *(приближаются к Жюльену).* А ну-ка, а ну-ка, мсье Жюльен, ведь вам было сказано! Не устраивайте скандала!

Жюльен. Скандала! Если вы выставите меня прочь, вот тогда будет скандал! За кого вы меня принимаете?

Рабочие *(борются с ним).* Мсье Жюльен!

— А ну, давайте, мсье Жюльен.

— Наша Дорогая Мадам, они бьются…

Мадам Александра *(визжит).* И вы его бейте! Получите сто су!

Коломба *(испуганно).* Остановитесь, остановитесь! Велите им отпустить его, они сделают ему больно!

Мадам Александра. Это ему пойдет на пользу.

Жюльен *(которому удается вырваться, бежит вокруг сцены, кричит).* Кстати, прежде чем уйти отсюда, я должен сделать еще одну важную вещь… *(Подбегает к Нашему Дорогому Поэту, поворачивает его к себе спиной и ударяет ногой в зад.)* Получите, он у вас тоже прелесть!

Наш Дорогой Поэт *(хватается за зад).* Хам!

Грубиян! Штаны мне разорвал!

Дефурнет *(испуганный дракой, кричит).* Выкиньте его вон! Выкиньте вон! Вы же видите, он мне весь театр разнесет!

Рабочие хватают Жюльена и тащат его к двери.

Мадам Александра. Ну, я ухожу. Ненавижу драки, от них у меня мигрень начинается. А девочку я беру. Постарайтесь ее одеть до обеда, Жорж. Репетировать будем сегодня вечером.

Наш Дорогой Поэт *(убедившись, что рабочие крепко держат Жюльена, бросается к Коломбе).* Это же слава, деточка, слава! В следующий раз я напишу для вас большую роль! *(Шепчет ей на ухо.)* Вы меня свели с ума, слышите, с ума свели!

Жюльен *(кричит, рабочие тащат его к дверям).* Оставьте меня! Оставьте меня, идиоты! *(Кричит Коломбе, цепляясь за притолоку двери.)* А Поккарди? Вы же клялись!.. А Поккарди?

Мадам Александра *(кричит рабочим, с порога).* Да стукните его покрепче!

Коломба *(вырвавшись от Нашего Дорогого Поэта).* О, как вы все мне опротивели! Какие вы все гадкие! *(Бежит к рабочим.)* Оставьте его, вы оба! Они мне все отвратительны со своими идиотски-

ми штучками! Клятва есть клятва. Иду с вами к Поккарди! *(Берет его за руку и обводит глазами присутствующих.)*

Мадам Александра *(повернувшись к остальным).* Что она такое плетет? Этому конца не будет. Что это еще за выдумка с Поккарди, дурочка? Разве вы не поняли, что вас взяли в театр и что сегодня вечером репетиция?

Коломба *(жмется к Жюльену).* Поняла. Но я занята. Меня пригласили.

Мадам Александра *(вопит).* Это не театр, а сумасшедший дом! Дефурнет, ведите свою шлюшку. Харя у нее как обезьяний зад, и хотя я видела ее только мельком, но у меня создалось впечатление, что уж с ней-то никаких историй не будет! *(Уходит в ярости.)*

Дефурнет *(бежит за ней).* Спасибо, спасибо вам, Наша Дорогая Мадам! Вот вы увидите, талантище из нее так и прет. *(Уходит.)*

Наш Дорогой Поэт *(надменно меряет взглядом Жюльена).* Мсье, завтра два моих друга будут у вас.

Жюльен. Браво! Только меня-то не будет. *(Берет Коломбу за талию.)* Мы с ней сегодня переезжаем на другую квартиру!

Наш Дорогой Поэт *(уязвлен, бросает Коломбе,*

проходя мимо). Гусыня! *(Насколько ему позволяет достоинство, старается пройти мимо Жюльена побыстрее.)*

Жюльен хочет броситься на него.

Коломба *(удерживает его, нежно).* Не надо.

Жюльен. Почему не надо? Разве вы не поняли, что он сказал?

Коломба. Нет. Я поняла нечто другое. Я слишком счастлива.

Арман *(который по-прежнему сидит за пианино, улыбается).* Ну что же, голубки! Для конца акта это неплохо! Чистый театр! И давно вы знакомы?

Жюльен. Нет, всего час.

Коломба *(тихо).* Не говорите ему этого. Он не поверит нам…

Арман. Итак, вы предпочли провести вечер у Поккарди с этим медведем, а не дебютировать в театре? Такое встречается раз в тысячу лет! Где ты нашел эдакое чудо?

Жюльен *(тихо).* В своем сердце.

Арман *(любезно).* Я в этом не сомневался. Но самое смешное, что обе они похожи… Надеюсь, ты все-таки не сделаешь ее слишком несчастной? Не будешь ей все время читать мораль?

Жюльен *(улыбается).* Нет.

Арман *(с улыбкой встает).* Будьте счастливы, дети мои, и наплодите побольше детей! Но после сегодняшнего скандала, по-моему, выбить из мамы хоть грош — это уже просто утопия. Подожди-ка. Вчера я, против обыкновения, выиграл. Разделим по-братски.

Жюльен *(берет деньги).* Какой ты милый, Арман.

Арман *(с улыбкой глядя на Коломбу).* Не надо смешивать различные понятия, скажи лучше — эгоист. Так мне будет казаться, что я тоже вроде бы побывал с ней у Поккарди сегодня вечером. *(Уходит, на прощание комически машет им рукой, кричит.)* Приятного аппетита! Только не проешьте все сразу. Хоть что-нибудь оставьте!

Коломба *(ласково кричит ему вслед).* Спасибо, мсье!

Арман уходит. Коломба и Жюльен поворачиваются друг к другу.

Вот и все.

Жюльен. Вот и все. Теперь наша история начинается. Никогда не забуду, что вы сделали…

Коломба. Не надо меня благодарить. Я же сделала это не нарочно. Когда они собирались вас

прогнать, мне так стало больно. Я закричала. А потом я сразу очутилась в ваших объятиях. Слишком быстро, не правда ли, слишком уж быстро. Может быть, все это не всерьез?

Жюльен. Да, быстро. Но думаю, что это все-таки всерьез… и что это надолго. *(Целует ее.)*

Коломба *(прижимается к нему и шепчет).* О дорогой! Теперь я в этом уверена. Навсегда.

Жюльен *(без тени улыбки,).* Да, навсегда. Это самое малое, что мы можем сделать.

Коломба *(прижимается к нему еще сильнее, снова шепчет).* Навсегда! Навсегда! Навсегда! Навсегда.

Целуются.

Жюльен *(берет ее за руку).* Скорее, любовь моя! Теперь мы не можем терять ни минуты!..

Оба весело убегают через темную сцену навстречу своей судьбе.

Занавес